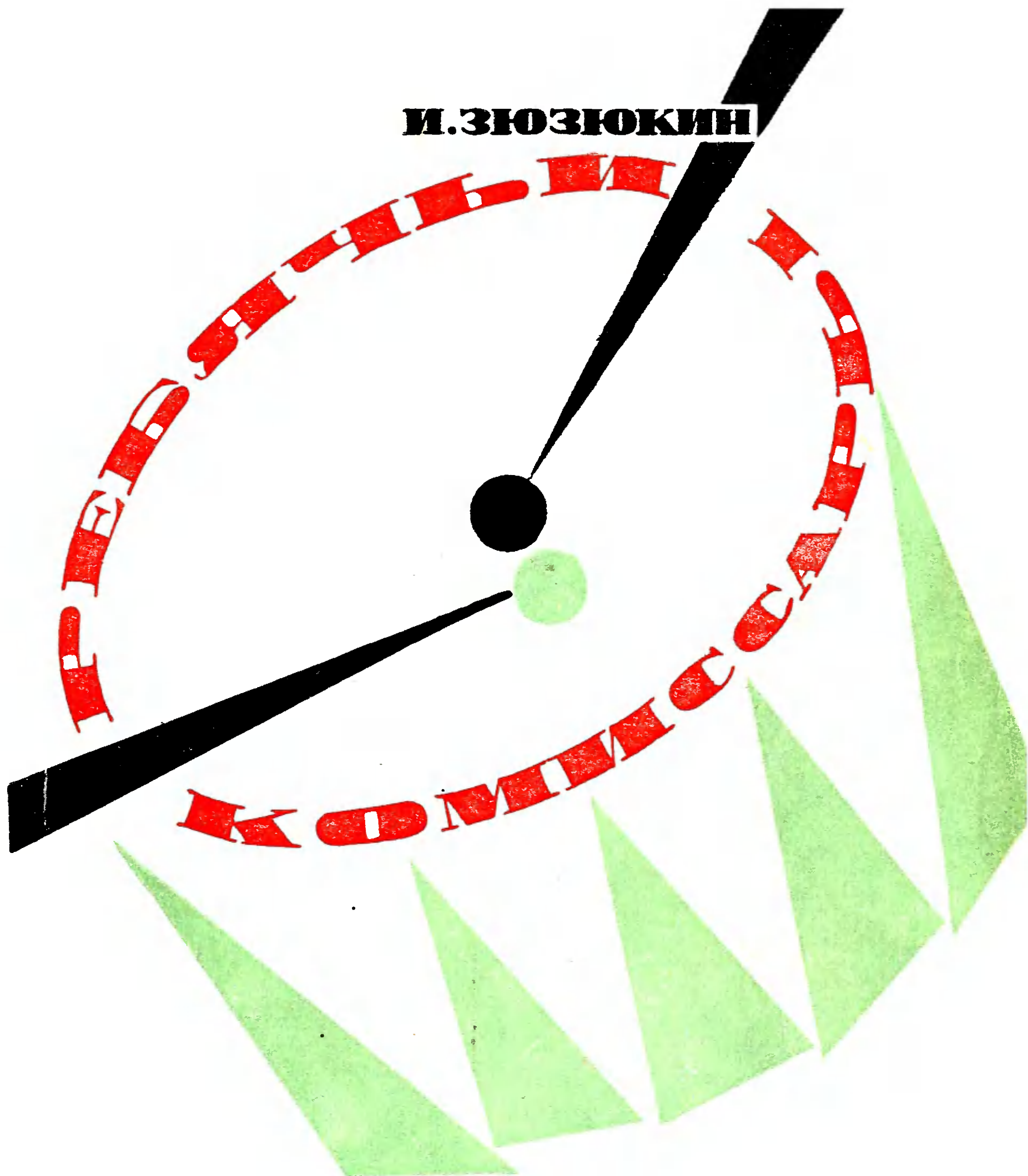

И.ЗЮЗЮКИН

И. ЗЮЗЮКИН

РЕБЯЧЬИ КОМИССАРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1967

371
3-98

Зюзюкин Иван Иванович

РЕБЯЧЬИ КОМИССАРЫ. М., «Молодая гвардия», 1967.
208 с. с илл.

Редакторы **Л. Матвеева, М. Тимофеева**

Художник **В. Карасев**

Художественный редактор **Ю. Семенов**

Технический редактор **Л. Коноплева**

Сдано в набор 27/XII 1966 г. Подписано к печати 3/VIII 1967 г.
А01305. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 3. Печ. л. 6,5(9,1).
Уч.-изд. л. 6,8. Тираж 70 000 экз. Цена 16 коп. Т. П. 1967 г.
№ 15. Заказ 2519.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва,
А-30, Суцевская, 21.

Вступление

Эта книжка не художественное произведение и даже не документальная повесть. Нет в ней ни захватывающего сюжета, ни сенсационных событий (это честное предупреждение для тех, кто рискнет читать ее дальше вступления).

Единственное, что автор, корреспондент «Комсомольской правды», может обещать: чуть приоткрыть завесу над навсегда утраченным нами, взрослыми, миром — тревожным и прекрасным. Миром детства и юности.

Из всех сведений, необходимых нам, пожалуй, самое важное — знать, каким закономерностям подчинен рост человека. Любопытна следующая деталь. Норберт Винер, прозванный «отцом кибернетики», к концу жизни вдруг всерьез задумался над проблемами воспитания. Он, теоретик и создатель вычислительных машин, с грустью отметил, что одной жизни недостаточно, чтобы научиться воспитывать человека.

Многие наши беды, личные и общие, происходят

оттого, что дети нам что-то говорят, а мы их не понимаем. Или понимаем, но не совсем точно. Недаром они, отчаявшись договориться со взрослыми, иногда начинают выдумывать «королевства», где всем управляют они сами.

Но есть люди, которым судьба, а точнее говоря, терпеливый труд даровал талант — до глубокой старости понимать волнующую речь детей. Им удастся сбросить с себя груз прожитых лет, глядеть на мир молодо и удивленно, войти в доверие к детям и не обмануть его ни в чем. И вот таких-то людей дети любят больше всего на свете. Десять распрекрасных царств отдают они за одного живого, невыдуманного старшего друга.

Ему, полпреду комсомола в стране детства, и посвящены страницы этой книжки.

ЗАГАДОЧНОЕ СУЩЕСТВО

Вечные загадки роста:

Зачем жить, если все равно умрешь?

Что легче: любить себя или не любить?

Придет ли все само собой, если
вести себя примерно?

Что правит миром:

правда, труд, любовь, обман?

Психологический парадокс: «...стать вторым Галуа, а потом спиться».

Послушный мальчик на крылечке. Что он еще выкинет!

Ребенок ростом в 181 сантиметр.

«Вот они, нынешние...»

Медвежья услуга.

«Сумма прожитых лет всегда должна быть равна сумме опыта» — аксиома воспитания.

Экскаваторный цех получает заказ на перековку человека.

Чем закончится дуэль терпения?

«Если русский услышит, что плачет ребенок...»

Уже несколько лет идут поиски «снежного человека». Одна за другой снаряжаются экспедиции. Каждый новый след неуловимого горного отшельника вызывает бурю споров.

Но есть еще одно загадочное существо, которое не надо ловить. Не на снежных вершинах Тибета и Тянь-Шаня оно живет, а среди нас.

Странная с ним произошла история. Оно появилось тогда же, когда и «гомо сапиенс», то есть разумный человек. И с тех пор никогда его не покидало. Наоборот, всегда жметя к нему, просит помощи.

Но до поры до времени оно для нас тайна за семью печатями. Когда же, наконец, сталкиваемся с ним лицом к лицу, удивленно, а иногда и раздраженно восклицаем: «Непонятное ты существо!»

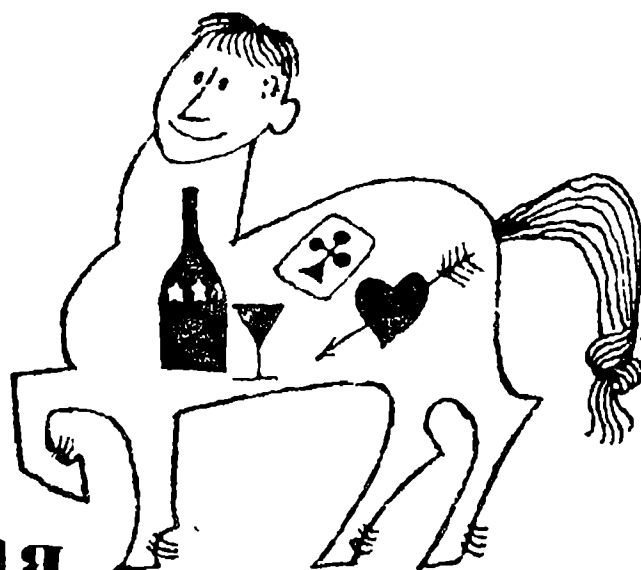
Слабее, во много раз ранимее человека, сколько оно создает тупиковых положений! Кричи на него, топай ногами, грози ремнем отстегать или крова лишить — на него это не действует. Угроз и плетки оно не понимает.

И вот наступает минута, когда, словно очнувшись, поймешь, что ведь и существо, стоящее перед тобой, — человек. Разница между тобой и им только в том, что он подрастающий человек.

Четыре истории про него.

**ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,
КОРОТКАЯ И СТРАННАЯ.**

**ЧТОБ
ЛЮДИ
ПОНЯЛИ ...**

На этого мальчишку мне показали в одной из ленинградских школ.

— Не знаем, что с ним делать, — говорили о нем учителя. — Исключать нельзя, и не исключать нельзя...

До встречи с ним думал, что познакомлюсь с насмерть разобиженным мальчишкой. Выслушаю его и все пойму.

Но я еще не встречал человека, который бы так был недоволен самим собой и своей жизнью.

— Слишком она у меня везучая, — сказал он.

И действительно: Владик не жил, а как сыр ~~катался~~ катался в масле. Куда ни повернись, всюду у него выходила удача. Родители ему достались умные, порядочные. Дом — полная чаша. Школа, в которой он учился, была одной из лучших в городе. Сам он рос физически здоровым. А уж что касается спо-

собностей к учению, то тут природа с Владиком была намного щедрее, чем с его товарищами. В математике, физике, химии и в литературе он разбирался так, как никто другой в классе. Учителя говорили про него: «Не свихнется — большой ученый будет...»

Все было хорошо до того, как Владик окончил восьмой и перешел в девятый.

Однажды летом он вернулся домой с реки и сказал, что жизнь, по его мнению, бессмысленна.

— Ну, скажите, зачем жить, если все равно умрешь? — спрашивал он ошеломленных родителей. — Учиться, чтобы потом работать, работать, чтобы есть, — неужели ради этого стоит жить? Вот вы были молодыми, теперь состарились. Что вы можете вспомнить? Работа, работа... Зачем все это?

Они слушали, потрясенные и его отчаянием и тем грубым тоном, с каким он произносил свою мрачную исповедь. И не знали, что ему ответить.

Начался учебный год, и тогда его поведение стало просто невыносимым. Дерзил учителям, почему-то сильнее всего — любимым. Его вызывали к доске, а он, не вставая, говорил: «Знаю, но лень отвечать». Каждым своим жестом, поступком он как бы напрашивался: ну, выгоняйте, ну, исключайте...

Классная руководительница, молодой педагог, поставила перед директором школы вопрос ребром: она или Владик.

Он и на классных собраниях восстанавливал против себя всех. Другие говорили про то, как создать дружный коллектив, как соблюдать чистоту в классной комнате, а Владик, взяв слово, невпопад цитировал философов, пытался связать мате-

риализм со сбором металлолома. И непонятно было: то ли это он серьезно, то ли дурачится...

Мы с ним проговорили все воскресенье. Под вечер Владик предложил посмотреть один старинный парк, расположенный по соседству с их домом.

— Там лучше думается.

Мы с ним сидели на скамеечке у пруда, потом бродили по аллеям. И вдруг, увидев идущую нам навстречу девушку, Владик торопливо свернул в сторону, а за ним и я.

— Это она? — спросил я в шутку.

— Да, — ответил Владик вполне серьезно. Помолчал и добавил: — Глупо было убегать. Завтра же в школе встретимся...

Чтобы неловкость минуты исчезла, я задал ему вопрос:

— Владик, после школы какие планы?

— Недавно я окончательно решил: стать вторым Галуа, а потом спиться...

Подумав, что ослышался, я попросил его повторить сказанное.

— Стать вторым Галуа, а потом спиться...

— Владик, за что ты так себя не любишь?

— Любить себя легко. Труднее не любить.

— Но спиваться при этом зачем?

— А чтоб люди поняли, кого они потеряли.

— Люди или она?

— Она — это и есть люди.

Через три года уже студентом он написал мне письмо. Тон письма был бодрым, жизнерадостным, с солью студенческого юмора. И ни слова о своем «окончательном решении». Как будто его и не было.

Вряд ли все, что творилось в душе Владика, можно объяснить только тревогой первого чувства. Наверное, это событие в его жизни совпало с другим — ломкой характера.

В первые числа сентября в учительских школ можно услышать такие разговоры:

— Не узнаю свой 10-й «Б»!

— И я не пойму, что с моими девятиклассниками...

Что же стряслось в старших классах? Ничего сверхъестественного. Просто ученики повзрослели еще на один год.

В этом возрасте не то что год, месяц может многое изменить. Причудлива природа человека, который перешагнул порог детства, но еще не ступил на почву взрослой жизни. Перед нами своеобразный возрастной кентавр. Он соединяет в себе черты мальчика и мужа, и в этой двойственности его муки, неизбежные, как боль, когда прорезываются зубы.

Подросток весь состоит из психологических загадок. То он становится чересчур деятельным и готов горы свернуть, то вялым и рассеянным. Вчера он был весел, а сегодня чуть не плачет от какого-то непонятого самому горя. Иногда ему кажется, что он сам все понимает и нечего его учить. А на уроках обнаруживает незнание элементарных вещей. О чем бы он ни судил, всегда привычка рубить наотмашь, не признавая никаких компромиссов. Довер-

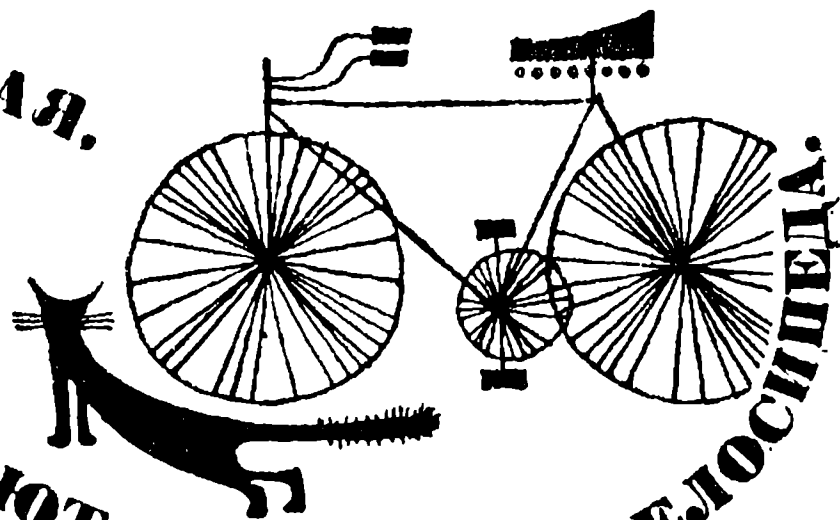
чивый и открытый, готов возненавидеть товарища за пустячный проступок.

Попробуй пойми его...

Беспокойное он хозяйство. Сделать полезного еще ничего не успел, а психологией уже обзавелся... До нее ли нам, у которых и без того забот по горло?

Что может случиться, если закрыть глаза на сложности его роста, расскажет

**ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,
КОТОРАЯ,**

**КАК УТВЕРЖДАЮТ, НАЧАЛАСЬ С ВЕЛОСИПЕДА.
„ЧЕТЫРЕ
ЗВЕЗДОЧКИ“ — В ПРИНЦИП**

Командировка в Сочи?.. Мои товарищи понимающе улыбались. Дескать, а почему бы и не соединить приятное с полезным?

Но приятного предвиделось все-таки мало. Командировка была по письму мальчишки. Он жаловался. И не на кого-нибудь — на отца с матерью. Обиды, нанесенные ему, казались такими нелепыми, что в них не очень верилось. А сам он рисовался таким наивным, беззащитным.

Только как помочь его горю? Ведь оно возникло в семье. Мире куда более сложном и странном, чем движение супермалых частиц. Уже на подступах к нему берет оторопь. Какие бы архиумные выводы ты ни сделал, все равно они чего-то не учтут, а что-то упростят. И приходишь к мысли, что нельзя ломиться в эти святые двери. Разве только осторожно постучать...

Его просто не узнать. Слоняется по дому хмурой тучей. Спросишь его о чем-нибудь, отвернется, молчит. Родным грубит — еще куда ни шло. На постояльцев смотрит исподлобья, и те боятся посидеть в беседке сада. Неудобно...

Вот утром вышел на крыльцо. Вынул пачку сигарет, прямо натошак кольца пускает. В наглости изощряется.

— Володя, сходи за травой для кроликов...

— Очень нужно...

Тарелка с завтраком перед ним не ставится. Она летит к нему с дальнего угла стола. Он усмехается. Что ж, если матери так удобнее его кормить, он согласен. И вообще он на все согласен, лишь бы его оставили в покое.

Вчера сказал, что школу он бросает. Отец бесильно махнул рукой и ушел в сад.

— Сходи в поликлинику. Проверься! — крикнула сыну мать.

Ничем другим, как психическим расстройством, она такое поведение не могла объяснить. Еще год назад Володя был золотым, послушным мальчиком. В соседних дворах дети на голове ходили, а он смирно сидел на крылечке и книжки читал. Гулять уйдет, домой явится минута в минуту, как приказано. С матерью и отцом всегда на «вы».

Теперь своей «воспитанностью» способен довести до сердечного приступа. «Чего вы волнуетесь, мама? Ваш сын будет талантливым дворником. У нас, как известно, все профессии почетны...» Так он надругался над их мечтой дать ему высшее образование.

Мать сказала, что в ее груди что-то перевернулось и у нее такое ощущение, что старшего сына они уже потеряли. Очередь за младшим. Тоже вон ласковым котенком сидит на крылечке и читает книжки.

Отец в эти дни казнил себя за то, что, любя сына, избаловал его вниманием.

Наверное, надо было, как некоторым соседям, приходить домой пьяным, бить стекла, жену. А в воспитании детей во всем полагаться на общественность. И не думать о хорошем заработке, не переделывать развалюху в крепкий дом, не пропадать после работы в саду. Ведь на смену идет какая-то неблагодарная бестолочь и распинаяет нахальными ногами все, что им создавалось от фундамента до венца. Старший прямо заявил: «Я, может, взорву ваш дом!»

И что за время такое наступило, как детей убе-речь?

Кто бы смог подумать, что из этого херувима выйдет почти законченный бандит с подрывными наклонностями?.. Насколько все проще было раньше. Сидели за общим столом, ели из общей миски. Чуть кто заартачится — деревянной ложкой по лбу. Вот и все воспитание. А теперь всюду говорят о подходе к детям, духовную пищу им подавай. Ерунда все это! Вон ее сколько, этой пищи! Книжки на полках стоят. Мать старается, чтобы и «Техника — молодежи» была и «Юность». Не притронется. В музыкальную школу ходил. Бросил. Как взбесился: чуть отвернешься, он уже на улицу убежал. Мать до ночи у калитки стоит ждет, нервничает. Мало ли какие случаи бывают...

В школе тоже ничего не понимали. Галина Ивановна, классный руководитель, вспоминает: Володя был успевающим, примерным учеником. В отличие от других мальчишек уроки учил стабильно. Только по физкультуре он был чуть не последним. Перекладины боялся. С девочками был обходителен, танцевал пристойно. «В общем живая иллюстрация к правилам поведения ученика», — невесело улыбнулась учительница.

В прошлом году она ушла в декретный отпуск. Весной вернулась — и не узнала Володю. Весь в двойках и тройках, с учителями дерзок... Пробовала с ним поговорить. И поняла: случилось что-то необратимое...

Нельзя сказать, что в течение года на него не пытались подействовать. Обсуждали на классном собрании. Все знали, что Володя подружился с Сережкой, бывшим одноклассником. Когда тот бросил школу, все учителя перекрестились. Способный мальчик, особенно в математике, а вытворял бог знает что. Причина известная — неблагополучная семья, отец пьет...

От Володи требовали обещаний быть поразборчивее в выборе друзей, бросить курить. Он отвечал: «Я решил воздержаться от всяких обещаний».

Вызвал его к себе в кабинет директор школы.

— Ну, я закурил во время войны... — сознался он. — А ты-то отчего вдруг?

— От моральных переживаний.

— Ты это брось... — посоветовал директор.

Что бросить, курить или морально переживать,

он так и не уточнил. Потом спросил, верно ли, что задумал бросать школу. Послушал, покачал головой и сказал: «Что-то ты заладил: «я сам», «я сам». Со школой, родителями тоже надо считаться...»

* * *

А теперь одна покорная просьба к читателю книжки: простить на минуту Володе все его выходки и представить его таким, каким он был год назад — золотым, послушным мальчиком на крыльчке.

Мать уехала к отцу в санаторий. Пока родители отдыхали, Володя готовил им сюрприз. Записался в велосекцию и приступил к тренировкам. Приедут отец с матерью, обрадуются: наш-то увалень в чемпионы подался!

Приехали. Ахнули. Сын похудел, зарос, в глазах огонь сумасшедшего ликования. Какие скорости! Вот-вот гоночный велосипед дадут! Тренер — человечище!

Отец выслушал его захлебывающиеся восторги и сказал, чтобы он про эти скорости навсегда забыл. Им нужен сын, а не калека. Володя только открыл рот, как перед ним был тут же поставлен простой выбор: или он оставит дом, или бросит секцию.

Две недели его никуда не выпускали из дому. Из секции его исключили. За недисциплинированность.

«Я сам не знаю, что со мной тогда стряслось, — писал он в своем письме. — Был человеком «тихого нрава». А тут, как сказали родители, в меня «бес

залез». Вдруг потерял интерес к книгам, учебе. В результате все годовые — тройки. Родители забрали у меня паспорт, комсомольский билет, объявили меня... отдыхающим. На эпитеты не скупились: и тунеядец, и вор, и бандит...

Вора я получил вот за что. В инфекционную больницу положили моего товарища. Я пошел к нему. Если б вы видели, как он мне обрадовался! У них там скучно, нет телевизора, а радио есть только в одной палате. Ну, я ему и оставил свой транзисторный приемник, который мне подарили родители. Когда они узнали об этом — скандал.

Как говорят французы: «Се ля ви» — «Такова жизнь». Мне остается повторить это выражение и идти за приемником. Но, разумеется, я не пойду — с какими глазами явлюсь? — а следовательно, придется выдержать еще один бой...»

* * *

Домашние бои были пустяком по сравнению с тем, что у него творилось внутри.

«Всегда я только и делал, что считался с другими! Все уроки одинаково учил. Не потому, что все одинаково нравились. Отцу с матерью угождал. Четыре с половиной года ходил в музыкальную школу, хотя музыку никогда не любил и не понимал. Надежды родителей поддерживал. И за все это — тунеядец, бандит. Се ля ви...

Я думал, что учись хорошо, води себя примерно — все само собой придет. Как бы не так. Никто меня в классе за серьезного человека не принимает.

Володька? Тот самый маменькин сыночек, тюлень? И хотя с иголочки одет и пострижен модно, девчонки фыркают, отворачиваются. Им, оказывается, вовсе не примерные нравятся. Се ля ви...

Домоседом был, ни с кем не водился. И вот, наконец, завел себе первого настоящего друга, Сережку. Этот-то умеет постоять за себя, забыл уже, когда последний раз о чем-нибудь родителей спрашивал. Захотел — бросил школу, поступил в техникум. Захотел — бросил техникум, пошел на курсы. Бросил курсы — устроился на работу. Теперь мечтает уехать на остров Врангеля. Сильная личность, не то что я.

Как только дома узнали, что я с ним в дружбе, опять: или — или... Отец пошел к Сережкиным родителям. Потребовал, чтобы они запретили своему «бандиту» знаться с их сыном.

Сережкин отец, как всегда, был пьян — и ничего не понял. Противно...

Хватит, милые мама и папа, незабвенная школа! Теперь я буду считаться только с самим собой. С кем мне водиться, это мое личное дело. Никто еще не сказал, что, если тебя родили, ты становишься чьей-то собственностью.

Се ля ви...»

* * *

Когда я приехал в Сочи, Володя уже успел сжечь почти все мосты, соединявшие его с домом. Поступил на работу. Туда же, где и Сережка. Снова записался в велосекцию. При мне забрал у матери свои документы, чтобы отнести их в вечернюю шко-

лу. Но совсем уйти из дому, как хотел, не смог и придерживается еще некоторых домашних обычаев.

Какой он? Не по письму, а на самом деле? Да вот именно такой, каким всегда описывают подростка: угловатый, застенчивый... Чего-чего, а таких примет людей этого возраста мы порядком накопили. А что сказать про них еще, часто не знаем. Потому что этих людей плохо знаем.

Вот мы с Володией пошли купаться в море, и он, с размаху нырнув, врезался лбом в дно. Вспухла фантастическая шишка. Ему бы честно плакать, а он шутил: «Надо найти тот булыжник, посмотреть, не раскололся ли надвое...»

Мужчина! И этот же мужчина на работе оседлал автокар и, забыв про все на свете, гонял его по двору на немыслимой скорости, чем, по словам мастера, «подводил руководство под преступление». Ребенок. Рост — 181 сантиметр.

Кто же он, когда ночью бродит у дома часами, чтобы явиться не в одиннадцать, как велено, а нарочно позже? Бунтарь или мелочный упрямец? Ранний порок или книжная фантазия заставили его поставить вопрос ребром: если в день рождения ему не разрешат пить коньяк «четыре звездочки» — дня рождения не будет? Поди разберись, сколько ему должно было исполниться. По паспорту — семнадцать.

Сережка, друг его рыжий и беспечный, по-своему объясняет эту неразбериху: «Он любит родителей и притворяется, что не боится их...» И рассказал про то, как они отметили Володькину первую получку. Пошли в любимое кафе-мороженое (какое, он просил не открывать — это их общая тайна!).

Потом Володька решил купить родителям подарки. Он, Сережка, тоже чего-то «размяк» и купил матери часы. Утром встречаются и узнают друг от друга, что они оба «на этом деле погорели». Володькин отец назвал подарок «дерьмом», на которое не стоило тратить деньги. А Сережкиной матери марка часов не понравилась.

— Ну, я после этого две ночи на работе ночевал. Обиделся, дурачок, — смеялся Сережка. — А Володька в мировую скорбь ударился...

* * *

И кажется, пора уже стучаться в ту самую дверь. Но после всего слышанного и виденного трудно быть деликатным. Хочется, как при пожаре, тарбанить кулаками и кричать слова, простые, как «проснитесь!». И кое о чем предупредить соседние миры.

В этом доме был отличный повод для семейного праздника. Сын характер проявил! От детства очнулся...

С ним, полумужчиной, полуребенком, обошлись топорно, по всем обычаям деспотической любви.

Поразительно, но вертопрах Сережка судил о своем дружке более здраво, чем Володины родители, один из которых имеет незаконченное высшее (педагогическое!) образование. «Вы думаете, Володьке работа, велосипед так уж нужны? Да они ему до феньки! Ему главное — доказать, что он тоже чего-то стоит...»

Доказать не помогли. Мешали. Все туже стягивали пеленки домашнего режима. Ни на шаг от

возлюбленного идеала гладко причесанного, до тошноты воспитанного мальчика.

И вот не понятый ни дома, ни в школе, он начал изнурительную войну нервов. Высшей мудростью для него стала философия запретного плода. Выслушать нотацию родителей — и поступить наоборот. Торопясь на что-то опереться, Володя лихорадочно вырабатывал свои принципы жизни. «Четыре звезды», и ни на одну меньше! — даже это он сумел возвести в принцип. На работе, сколько его ни предупреждали, ходил по пояс голым. Тоже из принципа. Не правда ли, как смешно?..

Столько в нем накопилось темной, взрывчатой энергии, что прикоснись к нему неосторожно — и вас отшвырнет. В таком состоянии он, как заяц, загнанный в угол, опасен. И может выкинуть такое, после чего даже самый опытный психолог разведет руками. А молва скажет: вот они, нынешние...

А нынешние Володи и Сережки такие же мальчишки, какими они были во все времена. А может, таких безоглядно доверчивых, готовых к добру и помощи другим еще и не было. Какой запас великодушия надо было иметь, чтобы вот так запросто уступить товарищу дорогущий приемник! Сколько глубокого почитания родителя было в непрактичном подарке, купленном на первые заработанные деньги!

Только они стали более обидчивыми, чем когда-либо. И с этим ничего не поделаешь: человек век от века становится тоньше, умнее и ранимее.

Все ложки хороши, когда они применяются по прямому назначению. В воспитании любые ложки бьют тупо и больно, как чугунные.

Самое грустное в том, что Володя и в школе получал «по лбу». Никак там не могли понять, чего ему не хватает: сыт, одет, к учению способный...

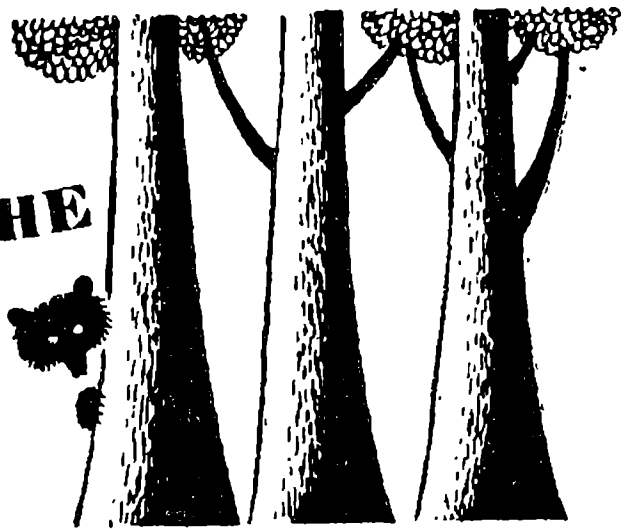
— С жиру бесится, — без тени какого-либо сомнения объяснил Володиной метания директор школы. — Но хлебнет горя и успокоится...

Тут что ни слово, то повод для спора. Но не будем вступать в утомительную полемику, а лучше сопоставим эту историю со следующей. Может быть, она поможет нам подойти к истине еще на один шаг ближе.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ.

**ВНЕШНЕ
ЭКЗОТИЧЕСКАЯ.**

**ТАКОЙ
БОЛЬШОЙ
И ТАКОЙ МАЛЕНЬКИЙ...**

Дождливым июньским днем в палатку старшего геолога Ершина вошел весь мокрый, по колено в грязи юнец. Потоптался у входа и, глядя в пол, хмуро сказал: «Александр Ходашев. Вам про меня писали...»

Ершин вспомнил про письмо своего хабаровского товарища. Тот просил его взять в партию одного представителя подрастающего поколения и показать ему жизнь во всех ее измерениях. А будет он выкидывать коленца, что совсем не исключено, «показать ему кузькину мать».

Ершин молча снял с веревки сухие штаны, портянки и кинул их парнишке. В тайге это признак того, что человек принят на работу.

Еще месяцем раньше в одной из школ Хабаровска состоялся товарищеский суд. Чтобы он прошел по всем правилам, на консультацию пригласили народного судью. Он рассказал, как нужно вести дело: допрос свидетелей, истцов, обвиняемых и т. д.

Вину подсудимые (все как на подбор мальчишки) имели одну и ту же — драка. Но у кого-то она была первой, у кого-то третьей. Требовался индивидуальный подход.

Все понимали, что труднее, чем кому-либо, придется десятикласснику Ходашеву. За месяц до суда он вместе со своим дружкой жестоко избил одноклассника. «За что ты его?» — допытывались потом у Ходашева. «А так... — отвечал он. — Вижу, Володька бьет. Ну и я врезал...»

Он дал классу расписку, что больше так не будет. Класс поверил и взял его на поруки. Месяца не прошло, Ходашев опять в драку полез. И тогда — суд.

Тут уж ему стали припоминать все. И как шпаргалки, нагло глядя в глаза учительнице, передавал по партам и как в кабинете географии чуть пожар не устроил. А главное, все указывали на его необычайную зловредность, какую-то сумеречную страсть ни за что ни про что «врезать»...

Откуда у него это шло, никто не знал. Взгляды он свои не афишировал. Раз только, вспоминала на суде учительница, его прорвало. За то, что дома отключил телефон и помешал ей таким образом связаться с родителями, она его пристыдила. А он (отвернув голову — обычный его стиль разговоров со старшими) выпалил:

— Да бросьте вы: общество, долг, человек человеку... Я же вижу: каждый старается для себя, а до других ему дела нет. Почему я должен быть честным, если правды вообще нет?

Дома он тоже больше помалкивал. Как смел отключить телефон? Дурачился, отшучивался: «Хочешь жить — умей вертеться. Сделаешь в открытую — попадет. Совершишь — из воды сухим выйдешь». Ни в школе, ни дома его такой философии не учили.

Он переходил из класса в класс, но учился, как принято говорить, ниже своих способностей.

Его часто видели в компашках таких же, как он, юнцов, вечно куда-то бегущих искателей приключений на вечерней улице. Тут и командировка самого рослого в винно-водочный отдел «Гастронома» и гадость, брошенная вслед влюбленной парочке. Но и умение мгновенно исчезать, когда запахнет протоколом в милиции.

Родители никак не могли поверить, что их сын годен для роли подсудимого. Ведь дома он вел себя хорошо. Как заправская девчонка, варил обеды, мыл пол. На даче и огород вскопает и дров наколет. Не нытик. Один раз с отцом пошел в поход, они заблудились. И голодал, и речки вброд переходил, и вообще был веселее обычного.

— Наверное, мы в нем что-то просмотрели, — сказал отец на суде. — Но школе тоже следует сделать какие-то выводы...

Это его предложение вызвало взрыв возмущения в рядах учителей. Уж ни с кем так они не возились, как с Ходашевым, а тут еще упреки...

Единогласно он был исключен из школы, как «окончательно разложившийся».

После суда, поймав сочувствующий взгляд товарища, Ходашев браво сплюнул и сказал: «Не выгнали бы, так сам ушел бы...»

Родители, погоревав, решили: на школе жизнь не кончается, пусть сын идет работать...

* * *

И вот Саша приступил к выполнению своих обязанностей в тайге. Они были несложные: собирай образцы, выкапывай для геолога, идущего за тобой, лунки. А к вечеру от этих несложных обязанностей он падал пластом на постель, ноги гудели, как два колокола.

Но вопреки ожиданиям работал он хорошо, не его наряды искали, а он наряды. В воскресенье вся партия уходила отдыхать в ближайший поселок. Ходашев оставался в лагере и рубил просеки.

Народ в партии был разный — и дипломированные геологи и рабочие, по большей части с пестрой биографией. Но самой колоритной фигурой был, конечно, геолог Владимир Елизаров. Этот в дожди, когда одни все сутки напролет спали, другие пили, первоисточники читал. К экзаменам в университет готовился.

Невозмутимостью Владимир обладал легендарной. Саше рассказывали, как Елизаров однажды летел на самолете, терпевшем аварию. Отказал мотор, машина перестала быть управляемой, всех била нервная лихорадка. Елизаров в это время что-то читал. А когда самолет, дотянув до аэродрома, плюх-

нулся на брюхо, Владимир спокойно захлопнул книгу и встал.

Он и в работе умел отрешаться от всего. Ходил по тайге с утра до вечера, а до часу ночи — раньше он не ложился спать при любых обстоятельствах — сортировал пробы или английским занимался. В соседней партии работала его жена Нина. И хоть о том, как они друг друга нежно любили, тоже легенды ходили, Елизаров навещал ее только в воскресенье, да и то не в каждое. За все эти причуды он получил от людей с пестрой биографией кличку — «бухенвальдский труженик».

Ему по-хорошему нужен был не один, как положено по инструкции, а два помощника. Но идти к нему в напарники рабочие боялись — заездит...

И вот к нему-то Ершин послал Ходашева.

Первое, что поразило Сашу в Елизарове, — ни расспросов о совершенных проступках, ни нравоучительных проповедей. Елизаров вообще уклонялся от разговоров, не имеющих прямого отношения к работе, словно считал их праздными. А из многочисленных житейских советов дал за все время один — по утрам обливаться ключевой водой.

Саша смотрел на него со смесью страха и благоговения. Никогда он еще не встречал такого человека. Он был загадкой, которую надо во что бы то ни стало отгадать. Зачем Елизаров, окончив институт, поступил еще и в университет? Что стоит за его невозмутимостью? И вообще, что ему, больше всех нужно, что он работает как вол?

Саше хотелось понравиться Елизарову, хотя бы немножко с ним подружиться. Саша вскакивал утром и почти голым бежал к ключу — совет Ели-

зарова выполнял. Старался из концентратов сварить что-нибудь вкусное, чтобы Володя в заключение обязательно облизал ложку и сказал хотя бы: «Ничего!» Увидев его с тяжелым рюкзаком, бежал к нему со всех ног — помочь.

Как-то вечером, у костра, геологи, развеселившись, попросили Сашу, «носителя городской культуры», станцевать твист. Он наотрез отказался. У него с твистом были связаны не очень приятные воспоминания — увлечение этим танцем тоже упоминалось на суде. Но стоило Елизарову тихо сказать: «Саша, люди просят, надо уважить», он согласился. Танцевал под собственный аккомпанемент, зажмурив глаза. Думал, что над ним смеются. А когда остановился, услышал, что все, очень довольные, аплодируют ему.

— А ну покажи еще раз! — сказал Елизаров, становясь рядом с Сашей. Попробовал, но, чувствуя, что получается совсем не то, засмеялся и отошел.

А уж поскольку Саша уважил геологов, поднял им настроение, стали они его агитировать поступать в геологический, когда окончит школу. (Только Ершин и Елизаров знали, что его исключили.) Сначала Саше казалось, что в порядке признательности надо соглашаться, говорить: да, геология — это как раз то, о чем я мечтал.

— Не обижайтесь, — ответил он. — Но в геологию мне почему-то не хочется...

Перед сном Елизаров впервые похвалил его:

— Хорошо, что не сплеховал и не сказал неправду...

Этого было достаточно, чтобы Саша на следую-

щий день написал домой большущее письмо и назвал в нем Елизарова «другом на всю жизнь».

* * *

В августе с ним стряслось несчастье. Он шел, как обычно, по маршруту. Потом стал на колени у одной отметки и начал выкапывать лунку. И вдруг почувствовал, что за ним кто-то стоит. Оглянулся и понял, что пришла обидная, неотвратимая смерть. Всею стопудовой тяжестью на него навалился медведь.

«Боли почти не чувствовал, — рассказывал он мне. — Вспомнились папа, мама и школа...» Что было потом, он не помнит.

— Надоело говорить одно и то же, — сказал мне Елизаров, сначала никак не хотевший вспоминать про этот случай. — Всем хочется подробностей, шрамы просят показать... Ну, слышал Сашин крик. Подбежал, вижу, зверь уже грызет мальчишку. У меня в руках был молоток. Ударил зверя по голове, ручка обломилась. Медведь — на меня. Я автоматически полез в карман, вытащил перочинный ножик. Как-то удалось перерезать ему сонную артерию...

(Когда шкура медведя была доставлена в Хабаровск, гости Ходашевых, а среди них самым почетным был, конечно, Елизаров, устроили на ней победную пляску с чисто индейским азартом. Елизаров повел себя как сухарь, плясать не стал. Только отметил, что шкура медведя с дыркой — кто-то в него стрелял раньше и, значит, он имел счет к людям. Сашу эта сцена сначала обидела.

Потом он ушел в пустую комнату и наедине с самим собой разгадывал новую загадку Елизарова.)

Непостижимо быстро о несчастье узнала окрестная тайга. Одни люди несли пострадавших на носилках, другие шли впереди и прорубали дорогу. Прямо с плеча снимались пиджаки, чтобы согреть мальчишку, потерявшего много крови. В больнице около него и Елизарова установили круглосуточное дежурство. Врачи по кусочкам сшивали кожу, сестры кровь давали. Незнакомые люди приносили им яблоки, помидоры — все такое, что здесь не растет и ценится на вес золота.

* * *

Саша, как только вернулся в Хабаровск, устроился на работу лаборантом в медицинский институт. Чуть позже записался в десятый класс вечерней школы. И вот уже год прошел — ведет себя разумно, смирно. На работе им не нахвалятся, учится на совесть. Теперь у него новые друзья — Елизаров и его жена Нина. То он к ним в гости, то они к нему.

Тут, казалось бы, можно ставить точку. Знакомая история! Был мальчишка плохим. Попал в «здоровый коллектив» — исправился.

Но когда говорят про здоровую среду, в незавидное положение попадает среда, пославшая на исправление. Сама себя записывает в больные...

В школе эту нехитрую логику усвоили, говорят, что Ходашев прочувствовал свою вину на суде, а в тайге искупил ее.

Геологи не верят, что такой безотказный, скром-

ный в быту мальчишка, каким он проявил себя в партии, мог быть «окончательно разложившимся». «Нам не пришлось его перевоспитывать, — пожимает плечами Ершин. — Нормальный мальчишка...»

Любопытная ситуация: школа не хочет уступить пальму первенства в Сашинем перерождении геологам, а те вовсе не претендуют на нее!

В школе в поисках новых аргументов говорят, что геологи еще не все про Сашу знают. Досадуют на одну учительницу, которая уехала из Хабаровска и увезла с собой малоизвестные факты из жизни Ходашева. Кто-то из педагогов при мне не без умысла обронил: «Недавно вот такие же «нормальные мальчишки» насмерть затоптали товарища...»

Геологи возражают: «Нельзя судить о человеке, исходя из предположений. Надо исходить из фактов. А факты налицо: мальчишка вел себя молодцом...»

— Хорошие люди! — нахваливал геологов Саша, в свою очередь.

— И рыбаки хороший народ и железнодорожники, строители тоже, — говорю ему.

— Это правильно, — соглашается Саша. — Но своих учителей я мог сравнивать только с геологами...

— Учителя — плохой народ?

— Неплохой. Но скучный...

— Чем?

— А что они сами видели? А нас учат...

Отнесемся к его словам со здоровым скептицизмом. Учителя за свою жизнь тоже кое-что повидали. Но почему они иногда в глазах учеников выглядят

людьми, знающими обо всем понаслышке, из книг? Как случилось, что Елизаров, человек так же далекий от педагогики, как учителя от геологии, стал для Саши непререкаемым авторитетом? В школе на Ходашева не действовали ни выговоры, ни вызовы родителей, ни последние предупреждения. В геологической партии для него не потребовалось никакой педагогики: ни научной, ни «кузькиной»...

Нет, мне совсем не хочется оправдывать Сашу по всем статьям и говорить, что выгнали его из школы зря. Он виноват, и во многом сам виноват. Я хочу сказать только (вполне сознавая жестокость своего утверждения), что исключение из школы, работа в партии и даже драматическая встреча с медведем — его счастье.

Что у него было в жизни до этого? Каждый день одно и то же, один и тот же маршрут. Квартира, лестничная площадка, перейти через дорогу — и привет тебе, школа! Шесть уроков. Домашние задания. Один раз в месяц — собрание, один раз в год — диспут. А кругом совсем иная жизнь. Потрясающая статистика вылазок в нее под руководством учителя: за последние три года Сашин класс сделал одну экскурсию на ближайший завод, один воскресник в плодово-ягодном питомнике и один двухдневный поход на лыжах. И все! Остальное объяснялось в классе. На словах, на пальцах.

Школа, конечно, мир особый. Главное в нем — знания. Но никто не сказал, что от соседних миров он может быть отгорожен четырьмя стенами. Человек, который учится, хочет сверять свои теоретические знания с конкретной жизнью, готовить себя и к победам и к поражениям. Иначе говоря, взрос-

леть. И помогать ему в этом нужно не меньше, чем в усвоении правил логарифмирования. Сумма прожитых лет должна быть равна сумме полученного опыта. Аксиома воспитания.

Но если каждый день одно и то же, если все — на словах и пальцах, если знакомство с жизнью состоит из коротких экскурсий, только ли пожар в кабинете географии можно устроить? Законное и неудовлетворенное желание взрослеть приобретает такие формы, от которых мы, взрослые, приходим в ужас. Подраться «просто так», пронестись гогочущим смерчем по улице, оставляя после себя сбитых прохожих, — все, лишь бы заявить о себе, на что-то израсходовать свою молодую энергию.

Чем ближе к выпуску, тем чаще они делают вылазки в жизнь. И если нет рядом умного старшего товарища, нет никакой гарантии, что вылазка не кончится жестоким поражением. Еще совсем дети по опыту, они многое принимают на веру. Пущенный каким-нибудь пошлым остряком слух принимается как абсолютная истина. Познакомился с легкомысленной девчонкой — все они такие! Сфальшивил в чем-то сосед — миром правит обман. Киношные и уличные «суперы», славящиеся способностью «врезать», кажутся эталонами современных людей...

Мне приходилось видеть ребят, сидевших перед следователем и отвечавших ему невпопад. На столе справки, горы положительных справок: успеваемость на уровне, поведение в школе примерное и дома тоже. Родители выше всякой критики... По лицам мальчишек видно: все, что случилось вчера, им кажется дурным, диким сном. Тряхни головой,

и он исчезнет. А он не исчезает, неторопливо укладывается в строчки допроса.

Сашина удача в том, что он в критический момент оказался среди прямых и строгих людей. В тайге было главным не как ты рассуждаешь о чем-то, а как делаешь это что-то. Если ты лодырь, тебе не станут говорить, что ты способный, но неорганизованный. Скажут: ты лодырь.

Работа в партии показала Саше истинную стоимость его векселей к жизни, не оплаченных золотом опыта. Кощунством было бы теперь сказать, что все для себя стараются. Идти на зверя с почти голыми руками — велика выгода! До случая в тайге он и не подозревал, что люди способны на такую самоотверженность, такую сердечность, что если не хочешь остаться в долгу, то надо всю жизнь платить всем.

Где еще он мог увидеть такое, такое понять?

Не обязательно в тайге. Но и не в четырех стенах класса. Не в привычной, примелькавшейся обстановке, а в новой, свежей, в которой что ни шаг, то открытие, рост.

Рассказываю бывшим Сашиним учителям, как поступают в других школах. Педагоги на все лето уходят с учениками в походы. Работают вместе с ними в лагерях труда и отдыха. В некоторых школах не боятся отпускать учеников вместе со студентами на целину, вместе с проектировщиками — на строительство железных дорог.

На меня смотрели, как на человека, прилетевшего с другой планеты. «Что вы! — говорили мне на смерть перепуганные глаза собеседников. — А вдруг кто-то заболит, а вдруг?..»

Не ставлю под сомнение технику безопасности воспитания. Но затянувшееся детство опаснее всяких инфекций, любой простуды. Так что пусть детство иногда рискует. Пусть среда, в которой человек учится, будет живой, как сама жизнь. Такой, чтобы она помогала вырабатывать убеждения с той же наглядностью и непринужденностью, с какой это делал, сам того не чая, геолог Елизаров.

Вместе с появлением человека на свет тотчас же рождается проблема, как его воспитать. Это обстоятельство вызвало к жизни специальную науку — педагогику. Как и любая, она имеет свои аксиомы, теории, гипотезы. Блестящие, тонкие умы двигали ее вперед.

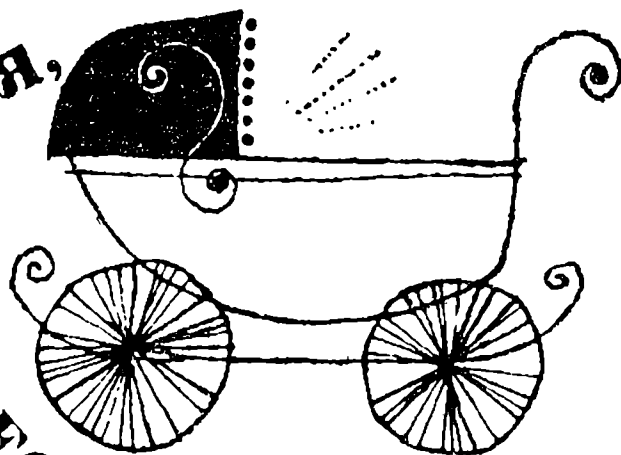
В одной книге рассказывается такой случай. Проходя мимо дома, мужчина увидел мальчишку, сидящего на крыльце, и дружелюбно кивнул ему. Мальчишка в ответ на приветствие незнакомого взрослого от ужаса съежился. На следующий день мужчина снова ему кивнул. На этот раз мальчишка, решив, что ему бояться нечего, плюнул.

Эта психологическая борьба продолжалась несколько дней. Наконец мальчишка, уже поджидавший взрослого, не только ответил на его приветствие, но и подбежал к нему и схватил за руку. Он привык к взрослому и уже не мог без него.

Этот мужчина был талантливым педагогом, хотя в книге не говорится, кто он по профессии. Вполне возможно, что, как и Елизаров, он был геологом. А может быть, и учителем.

Любая наука мертва, и особенно педагогика, если в ней беспокоен только ум, но сердце спит. Любви и терпению, как великим началам истинного воспитания, посвящена

**ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ,
ГОРЬКАЯ
И ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ.
ВОТ КАКИМ
ОН ВЫРОС**

Эта история — еще одно эхо войны. Но не потайные склады боеприпасов могли взорваться — человеческое сердце.

Сердце спасли. Сейчас оно бьется ровно, с чистыми звонами, вобрав в себя душевное здоровье и красоту многих людей...

Сварщик Володька Хабалов в экскаваторный пришел из другого цеха. Там отчаялись в поисках правильного подхода к этому вспыльчивому, своевольному пареньку. А Хабалову все равно было, где работать, чьи выслушивать морали. Словам о долге, дисциплине он не верил. Считал, что раз жизнь с ним обошлась неласково, он с ней тоже может не церемониться. Днем тихонько отбывал рабочие часы, а вечером признавал одно развлечение: за бу-

тылкой водки с такими же малолетками, как и он, просадить кому-нибудь в карты получку или унести в кармане чей-то аванс.

Его часто, особенно в ночную смену, заставляли спать в инструментальном шкафу. Правда, иногда он притворялся, что спит. На самом деле сидел, скорчившись, и часами смотрел в мазутную темь шкафа, истязая свою память. Он не знал, кто и откуда он, сколько ему лет. Тот, кому в своей жизни все ясно от свидетельства о рождении до трудовой книжки, может, сразу этого и не поймет...

Он смутно помнил отца, мать и младшего брата. Сперва в доме не стало отца, потом брата. Наконец куда-то ушла и мать, оставив его одного дома. Долго плакал и стучал в дверь. Потом какой-то большой молчаливый мужчина закутал его в тулуп, посадил на санки и тихо повез по заснеженному полю. Так он оказался в детском доме.

Он прошел их несколько, детских домов. Из одних убегал, в другие его переводили в надежде, что мальчишке поможет перемена обстановки. Володька отличался буйством характера. То совершал лихие налеты на частную морковку, бессмысленно разоряя целые грядки, то забирался в склад детдома и с яростью рвал и топтал игрушки. Наказывали его не строго. Воспитатели понимали: и так может проявлять себя жажда материнской любви и заботы.

Все детдомовцы, маленькие и большие, жили надеждой, что вот-вот найдутся их родители. И у некоторых они действительно находились, когда сумятица первых лет войны улеглась.

За Володькой так никто и не пришел.

В экскаваторном цехе появление Володьки было воспринято как заказ на перековку человека. Там тоже не знали, как подступиться к маленькому парнишке с глубокой поперечной морщиной на лбу, похожему на сердитого волчонка. Но люди поняли главное: он из тех, у кого война отняла все, кроме жизни. И взялись за его воспитание так, словно перед ними был только начинающий жить. К нему после долгих обсуждений на цехоме прикрепили мастера Валентину Ивановну Маркову. Я знаю, резанет слух это слово «прикрепили». Но что было делать людям, у которых, если подумать, тьма производственных, домашних и других забот. Внимание ему нужно было постоянное, зоркое. Они знали, кому вверяют «волчонка». Валентина Ивановна воспитала за многие годы работы на Уралмаше не один десяток парнишек и девчонок, отбившихся от рук. Только она со своей ненавязчивой, безоруживающей добротой могла растопить в Володьке лед ожесточенности.

Как автор я чистосердечно признаюсь, что не могу привести каких-то разительных примеров перевоспитания Володьки. Да и разве возможны такие случаи, когда бы сжавшаяся душа отходила враз и навсегда? Валентина Ивановна и все, кто ей помогал, — люди не искушенные в педагогике. Но и у них была своя методика воспитания. Нет и не будет по ней учебника. Писать его — это писать про всю их жизнь, про то, как они сами росли, как в войну сутками не выходили из цеха, как отрезали пластинку хлеба от пайка для своих и чужих детей.

В страдные дни Володя оставался в цехе до тех пор, пока Валентина Ивановна могла себе и ему спокойно сказать: теперь можно домой. Когда Володя подделал наряд и к одной единичке в нем с простодушной предприимчивостью приплюсовал еще два нуля, Валентина Ивановна порвала наряд и лишь негромко сказала:

— Володя, ты знаешь, у кого хотел украсть? Вон у того демобилизованного, у которого, кроме гимнастерки и галифе, пока ничего нет...

Но и после этого он продолжает испытывать терпение людей, словно хочет, чтобы они, не выдержав, обрушили на него свое раздражение.

Вдруг найдет стих — и опять получки в один день как не было. Снова уснет на работе. Однажды потерял комсомольский билет.

Над ним сгущались тучи административного гнева. Руководитель участка нервничал: до каких пор мы будем терпеть его выходки? Участок борется за звание передового, а Хабалов позорит... Сирота? Но его же, как сироту, никто не обижает. Так пусть ведет себя прилично...

Валентина Ивановна после каждого проступка Володи начинала «хождение по кабинетам». Выгонят его из цеха, думала она, тогда все, ставь на мальчишке крест. Он уже сейчас говорит, что ему все «до лампочки». Никого и ничего не боится. И уж приказом ли об увольнении его пугать? Да и надо ли пугать?

Уже старая, с серебром в голове, она стояла в кабинетах, как провинившаяся ученица. Добившись очередного снисхождения, бежала в общежи-

тие — искать своего мучителя. А он спал с окурком в зубах, проснувшись, непонимающе смотрел на нее.

— Чего вы все ко мне пристаёте? — говорил он. — Ну, вы добрые, хорошие, а я дрянью был, дрянью и останусь...

Валентина Ивановна в этих случаях говорила, что домой она пойдёт, но только вместе с ним.

— Поужинаешь у нас. У тебя ведь, знаю, ни копейки...

Он поворачивался к ней спиной и делал вид, что спит. А она ждала, когда он, не выдержав этой дуэли терпения, встанет и оденется...

Дома она ухаживала за ним, как за родным сыном. Отправит в ванную, даст свежее бельё, чаем напоит с вареньем. И не было для нее большей радости, чем видеть, как Володька отходит; как он вдруг улыбнется, рассматривая их семейный альбом.

Она понимала, что спасти его может только одно — работа. Когда жизнь человеку кажется невыносимой, надо ее сделать трудной.

Володьку, к его крайнему удивлению, избрали в комсомольское бюро цеха. Обязали тренировать и вывести штангистов цеха на первое место по заводу. Послали в вечернюю школу с условием: хочешь работать у нас — учись. Силком тащили в художественную самодеятельность — голос, знали, у него хороший. Володька, набычившись, выходил на сцену красного уголка цеха и от волнения запускал немыслимых «петухов». Публика смея-

лась, и он, нахмурившись, говорил: «Ну ладно», прыгивал со сцены, готовый «дать» любому. Тут вскакивал с места предцехкома Семен Иванович:

— Концерт продолжается! — перекрывал он громовым голосом шум. — Кому неинтересно, могут выйти.

И совсем тихо:

— А ты чего, парень, развесил уши? Ну-ка, на сцену... Пой. Пой же!..

И удивительно — песня получалась.

И хороший человек тоже получался. Не сразу, потому что Володька долго еще не знал, что можно, а чего нельзя. Он мог, например, прямо в цехе подраться с несообразительным стропа-лем, завалившим всю площадку ненужными деталями, в рабочее время варить гантели для своей команды.

Даже в этом люди сумели разглядеть хорошее и не особенно ругали его. Однажды, во время аварии, он зажал зубами кислородный шланг и не разжал, пока не подоспела помощь. Валентина Ивановна вспоминает: «Дурачок, — говорю ему, — тебе что, жизнь не дорога, а он смеется — потому и держал, что дорога...»

Он вырос веселым, общительным юношей, открытым и честным. Пришла пора, и была сыграна свадьба, на которой Володя с Уралмаша стал мужем Гали с Уралобуви. Все, кто гулял на свадьбе, были ему матерями, отцами, братьями. Сейчас он отец. А самое главное — уважаемый всеми, справедливый человек Владимир Хабалов.

Но судьба приготовила ему еще одно тяжелое испытание. Не каждый вышел бы из этого испытания таким же, каким вошел.

Как-то Володя забрел на малознакомую улицу Свердловска и в одном старинном здании вдруг со всей отчетливостью узнал родной дом. Вбежал в подъезд и постучался в первую же квартиру. Бывшая соседка вспомнила его, рассказала все, что знала, о Володиных родителях. Отец, Иван Хабалов, в первые дни войны ушел на фронт. Мать, недолго погоревав, начала развеселую жизнь. Детей (и это Володя хорошо помнит) она надолго оставляла одних, держала взаперти без куска хлеба и стакана воды. Потом, получив из военкомата извещение о том, что муж пропал без вести, забрала их и уехала неизвестно куда.

Володя, движимый единственной целью — найти отца и брата, начал рассылать письма куда только мог. Ему помогали люди цеха, знакомые. Вскоре в дверь квартиры Хабаловых постучалась Валентина Ивановна. Владимир, вернувшись с ночной, спал.

— Володя, одевайся, — сказала она. — Тебя ждут внизу.

— Тетя Валя! — побелев, закричал Владимир. — Я не хочу ее видеть!..

— Володя! — повторила Валентина Ивановна, когда он успокоился.

И он спустился вниз, в потемках подъезда столкнулся с маленьким, судорожно всхлипывающим существом. Молча терпел объятия незнакомой пожи-

лой женщины. Потом по глазам, как и у него, светло-зеленым, по фигуре, родинке на щеке через смутную завесу двадцати двух лет разлуки узнал — мать.

Правда оказалась страшней, чем он мог думать. Е. Я. Павлова, по мужу Хабалова, бросила младшего сына Федора на вокзале станции Камышлов в сорок третьем году, не оставив при нем даже записки. Немного позднее совершила уголовное преступление. От следователя по ее делу скрыла, что у нее есть еще один сын — Владимир. А через полтора года, когда вышла из заключения, не поинтересовалась, где он. Сейчас она живет в Свердловской области в деревне под Камышловом с третьим сыном, Михаилом, которого родила одиннадцать лет спустя.

— Когда бросала нас, на что рассчитывала? — спросил Владимир, совершенно подавленный рассказанным.

— Знала, что свет не без добрых людей...

— Ты не ошиблась...

И встал, давая понять, что разговор раз и навсегда окончен.

Она тоже встала и напоследок сказала:

— И все же, Володя, не та мать, которая воспитала, а та, которая родила...

После этой встречи он долго ходил сам не свой. На его лбу вновь обозначилась поперечная морщина. Никто из окружающих не лез к нему с советами. Понимали, что в таких случаях как человек поступит, так, значит, и нужно и никто не смеет посягнуть на его правоту.

Через месяц поехал в деревню под Камышлов,

накупив для сводного брата гостинцев. Быстро подружился с круглоглазым смешливым Мишкой (сравнивал: до чего он непохож на свою угрюмую мать!), с увлечением рассказывал ему об Уралмаше и в конце концов уговорил, когда тот окончит семилетку, приехать в Свердловск учиться. На прощание у самого порога негромко сказал матери:

— Пиши, как живешь. Я буду отвечать. Вырасти Мишку, выучи его. А не хочешь — отдай его мне...

Она сказала, что будет пока сама воспитывать.

Я видел эту женщину, разговаривал с ней. Жизнь отомстила ей за поступок, совершенный двадцать два года назад: оставила на лице неизгладимые рубцы жестокости, лишила ее многих человеческих чувств. Она спокойно и даже чуть заученно рассказывала, почему и при каких обстоятельствах бросила детей на произвол судьбы... Да, что было, то было. Шла война, осталась с двумя на руках. Карточки, очереди. А жизнь одна, молодость тоже...

Она говорила, а я вспомнил то, что мне рассказывал бывший фронтовик Семен Иванович.

— Гитлеровцы знали нашу слабость: если русский услышит, что плачет ребенок, он не выдержит, полезет сквозь проволочные заграждения, через минное поле. И иногда они специально устраивали детский плач, чтобы обрушить на «сумасшедших» русских огонь. И мы все-таки лезли, и спасали ребятшек, и чудом оставались в живых...

Я уверен: сиди Семен Иванович вместе с нами в час того нелегкого разговора, он мог ей сказать

и такое: у нас были неуязвимые танки, «катюши», миллионы штыков, но они не помогли бы нам, не будь у нас этой всепобеждающей «слабости» — любви к маленькому человеку. Но вряд ли бы что поняла эта женщина, сама переступившая через самое святое.

Она с глухой тоской оглядывала стены своего тихого дома. Потом ее взгляд остановился на табуретке.

— Вот здесь Володя сидел... Добрый он, не знаю даже в кого... — сказала она с усмешкой.

И это ей тоже трудно понять.

В который раз подтвердилось правило: жить для себя — жить для собственной смерти. Все годы этот человек хотел устроить свою жизнь как можно лучше, любя себя, и только себя, не останавливаясь ни перед чем. А к какому разгрому пришел! Право же, несладко на закате жизни оказаться одной, жить в доме, куда никто не заходит. Жители села и почти все родные отвернулись от нее. Сыну, уже большому и сильному, она не осмеливается подписывать письма иначе, как «Е. Я. Павлова».

И он-то, кого она предала, не отвернулся от нее, хотя никто ни вслух, ни в мыслях не посмел бы осудить его, если бы отвернулся...

— Володя, а это не толстовство?

— Тогда все, что мне хорошего сделали люди и особенно Валентина Ивановна, надо назвать толстовством, — ответил он мне. — Хотя бы ради Мишки я должен бывать у них, если нужно будет, помогать...

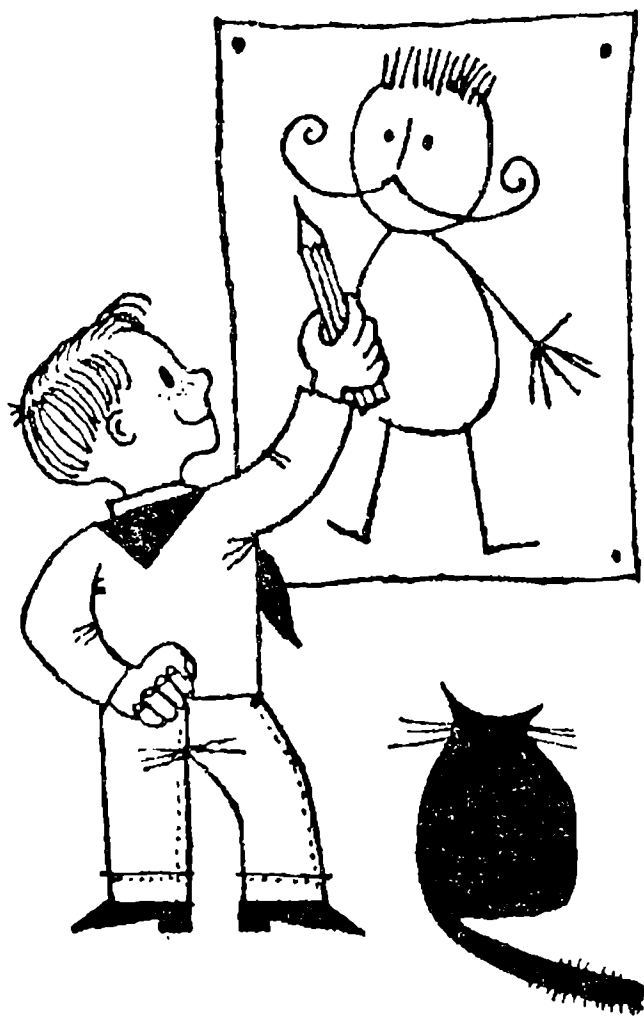
Мне кажется, именно в эти трудные дни Володя нашел мать. Конечно, не ту, которая родила. А ко-

торая воспитала. Недаром он, где бы ни встретил ее, чуть ли не по пояс раскланивается ей.

Валентина Ивановна уже ушла на пенсию. Немного смешно это звучит по отношению к ней. В цехе ее по-прежнему можно встретить чаще, чем дома. Уверен, к ней опять кого-нибудь «прикрепили». И опять она ходит по кабинетам и просит немного подождать.

Еще немного.

ТОВАРИЩ НЕ ПО ГОДАМ

Арифметика детских симпатий:
доброта +
+ принципиальность + эрудиция +
+ чувство юмора и т.д.

Нечто фантастическое: педагогический совет проводят дети.

300 сонетов о старшем друге.

Происшествие, случившееся с Виталием Александровичем Подгородецким.

«Ну, а я за учителя-деспота...»

Можно ли вырасти похожим на самого себя?

Время строить человека.

Конечно, сравнение подростка с загадочным, малоизвестным нам существом, как и всякое сравнение, сильно хромает.

Но верно другое: научный подход к проблеме его воспитания возник сравнительно недавно.

Десятилетиями подросток носил не имя собственное, а скорее псевдонимы: «школьник», «учащийся техникума», «ученик ремесленного училища». Решить проблему его воспитания пытались улучшением учебников, методики преподавания, классного руководства.

Но что такое школьник и вообще школа? Она исстари была населена множеством миров — классов, живущих по особым законам возраста. И часто эти законы, не познанные и не признаваемые нами, преподносили сюрпризы, как правило, неприятные. Что годилось для воспитания пятиклассников, то приносило один лишь вред в старших классах.

Но даже если мы выделим каждый класс в особый объект воспитания, то остановимся только на полпути. В школе подросток находится от силы пять-шесть часов. А дальше... дальше он становится обыкновенным мальчишкой. Двор, улица, речка, кинотеатр — тут теперь его школа. И в ней он тоже интенсивно учится.

Подросток, где бы он ни находился — в школе или вне школы, всегда начинен вопросами, наивными и серьезными. Они воз-

никают у него на каждом шагу: когда приходит к отцу на завод, из любопытства заглянет в церковь, стоит в музее у полотна Пикассо.

Он недоверчиво относится к суждениям своих сверстников. И тут он прав: они знают чуть больше, а иногда меньше, чем он сам. На классных собраниях и школьных диспутах у него вопросов появляется еще больше, чем было.

И тогда он начинает искать человека, который во много раз опытнее и мудрее его. Он отзывает в сторону учителя и рассказывает ему то, что постесняется рассказать родителям. Пишет письмо в редакцию и просит ответить, что такое романтика. Прорывается в кабинет знаменитого ученого и кладет на его стол чертежи только что изобретенного им «вечного двигателя».

Потребность общения со взрослым человеком у него проходит под номером один.

Впрочем, не слишком ли самоуверенно звучит это утверждение?

Однажды «Алый парус» — юношеская страничка «Комсомольской правды» — попросил читателей-подростков рассказать о своем старшем друге.

Кто он? —

спрашивал «АП». — Учитель?

Сосед по квартире?

Руководитель кружка, секции?

Если он есть у тебя,

какие качества

его ума, характера
нравятся тебе больше всего?

А если нет,

расскажи, каким ты его
представляешь?

«Я давно хотел вам написать о Нине Сергеевне, и вдруг вы сами спрашиваете о ней. Кто она и какая? Ну что ж, получайте!..»

Целая тетрадка восторгов минского мальчишки по адресу библиотекаря Нины Сергеевны была получена. Что она такого сделала для него, он не пишет. Но просит редакцию на слово поверить, что Нина Сергеевна «человек, каких, наверное, во всем Советском Союзе не сыскать».

«Я каждый день встречи с Володей закрашиваю в календаре красным карандашом», «Теперь мне ясно, кем быть. Надо вырасти похожим на Константина Петровича!», «И за такого человека я не побоюсь пойти под пули...» — делятся своей радостью, торжественно провозглашают, клянутся мальчишки и девчонки, откликнувшиеся на просьбу «Алого паруса».

Триста их писем, полученных редакцией, — триста маленьких диссертаций на тему «Мой старший друг».

Кому-то их письма покажутся всего лишь милыми, непосредственными. Словом, прочитать на досуге, улыбнуться — и забыть.

К сожалению, мы еще не научились

всерьез относиться к тому, что говорят и думают дети. Крепок житейский предрас-судок: что с них, неразумных, возьмешь?.. Присваиваем ли учителю звание заслужен-ного или увольняем пионервожатого, мне-ние детей по этому поводу нам часто не-известно. И не потому, что его нет, — мы им просто не интересуемся.

Тому, кто занят воспитанием детей и подростков, необходимо знать, как возникают, по каким законам развиваются или угасают их симпатии к взрослым лю-дям. Без такого знания невозможно понять, почему иногда мальчишка, воспитывающий-ся без отца или матери, растет общитель-ным и жизнерадостным, а его сверстник из так называемой благополучной семьи — «трудным», диковатым.

Возьмите с полки любую книгу из серии «Жизнь замечательных людей». И почти в каждой найдете, что великие писатели, уче-ные, патриоты прошлого были вскормлены не только молоком матери, но и духовной пищей, которую им давали умные слуги, чудаковатые учителя, бродячие философы.

В наш век старший друг продолжает оставаться той точкой опоры растущего че-ловека, без которой невозможно его здо-ровое становление.

А сейчас давайте представим себе, что мы присутствуем на педсовете, где решаю-щее слово принадлежит детям. Первый вопрос повестки дня:

В некоторых письмах вопреки правилам правописания личные местоимения «он», «она» пишутся с большой буквы. Подобный прием мы встречаем у средневековых поэтов, которые стремились возвысить своих кумиров над остальными людьми всеми возможными средствами.

«Я не скажу вам, кто Он по фамилии. Боюсь, если вы напечатаете мое письмо, от Бориса Ивановича останутся рожки да ножки. Он такой добрый, что никому не может сказать: «Нет, я устал, я занят». Нас трое. Мы приходим к нему в мастерскую, с его разрешения разбираем будильники и чиним их. Конечно, у нас ничего не получается, а он на это совсем не сердится, показывает, как надо.

...А если узнают о нем другие, то нас уже не трое будет, а сто!» (В. Браун, Москва.)

Отнесемся с пониманием к страху этого маль-

чишки. В самом деле, живет Борис Иванович и, не преследуя никаких честолюбивых целей, потихоньку возится с тремя подростками. И вдруг благодаря газете он становится знаменитостью. Тогда, чего доброго, прибегут к нему из детской комнаты милиции и попросят взять под наблюдение еще пяток мальчишек. Или явится лихой фотокорреспондент и начнет его ставить и так и эдак, а в заключение попросит обнять ребят и улыбнуться так, как он никогда в жизни не улыбался.

Вряд ли все это будет приятно Борису Ивановичу. Реклама ему совсем не нужна. Пусть он и подобные ему люди спокойно делают свое дело без суеты и вспышек магия. Не так уж важно воспитателю знать, что он воспитатель. А в некоторых случаях это даже вредно. Вот почему независимо от желаний авторов писем мы не будем указывать фамилии их кумиров.

Да и задавая вопрос «кто он?», «Алый парус» хотел прежде всего выяснить, какой сорт людей тянется к детям, к кому из взрослых дети неравнодушны.

Казалось бы, сколько, особенно за последние годы, опубликовано статей об учителях и их взаимоотношениях с учениками, статей, как правило рассматривающих эту проблему под критическим углом. Но вот перед нами письма учеников, и две трети из них называют старшим другом не кого-нибудь, а учителя.

На первый взгляд это легко объяснить. У учителя перед людьми других профессий есть преимущество. Он первый взрослый человек после родителей, который входит в жизнь детей, не спрашивая

на то их разрешения. У него такой долг — учить их.

Но одно дело давать им уроки, а другое — стать их другом. Учителю, как никому, трудно завоевать доверие подростков. В этом специфика подросткового возраста — нападать (не в буквальном, конечно, смысле) на того, кто провозгласил себя авторитетом. Учитель живет и работает под обстрелом придирчивых взглядов, спрашивающих: на словах ты хорош, а на деле? Малейшая оплошка — и авторитет качался.

Подросток ищет в старших людях архитектурный план своего роста. Недаром почти все письма, посвященные учителям, заканчиваются клятвой стать педагогом и вырасти похожим точь-в-точь на своего классного руководителя. «И когда-нибудь уже старушкой я сообщу в редакцию, что унаследовала путь моей любимой учительницы», — пишет Валя Маслюк из Чернигова.

Не будем обольщаться. Подрастут, может быть, увлекутся другой профессией. В сегодняшнем их выборе больше чувства благодарности, чем сознания своего призвания. Но в чем мы можем быть совершенно уверены — они будут наследниками нравственных ценностей любимого учителя.

«Я восхищаюсь тем, как он точно умеет отделять красивую фразу от правды, как умеет ценить искренность в людях и сочинениях. Сколько у него было неприятностей из-за этого! Родители жаловались на него директору, считая сочинения своих детей образцом высокой идейности и литературного вкуса. Борис Дмитриевич стоял на своем, называя не понравившиеся ему сочинения изящной словес-

ностью. Для него не обязательно, чтобы мы писали изящно. «Пишите сухо, как получается, но пишите так, чтобы это было ваше, похоже на вас», — часто говорил он» (В а л я К р у г л о в а, Владимирская область).

«Я до сих пор не знаю, шутила она или всерьез говорила, что в ее классе все гении и таланты. В каждом из нас она обязательно находила что-то оригинальное и не успокаивалась, пока это что-то не раскроется» (Н а д я А н д р у с, ст. Иссык).

«Вот я прихожу к нему, и мы начинаем заниматься музыкой. Но прежде чем начать, он спросит: уроки все выучил? Однажды я сказал, а разве вам не все равно? «Конечно, не все равно, — ответил он, — я не хочу, чтобы ты вырос музыкально образованным болваном» (К. Мохнач, Одесса).

«Она не была нашим классным руководителем, но почему-то любила нас больше других классов. Придет и скомандует, подражая военным: «Дивизия, стройсь!» И мы тут же «строились», шли всем классом в кино или смотреть ледоход на Енисее...» (Г е н а С к о р о х о д, Красноярский край).

«До школы он был председателем сельсовета. (С сельсовета его сняли, говорят, за то, что с кем-то в районе поругался.) Но он и в школе продолжал бороться за справедливость, получая за это шишки» (К о л я С у х а н ч и к о в, Пензенская область).

* * *

Не раз говорилось, какой притягательной силой для подростков обладают спортивные секции, клубы по интересам, научные общества и т. п. Когда они

появляются в городе или селе, ребята толпами в них валят.

Из одного только Оренбурга, где создана школа юных геологов, пришло в «Алый парус» несколько писем. Но поразительно: расхваливают ребята не саму школу, а одного молодого инженера-геолога по имени Геннадий Иванович, руководителя этой школы.

«Это очень энергичный, веселый, умный человек, — пишет Жанна Игнатьева. — Ему двадцать девять лет. Он всегда бывает занят, никогда не застанешь его без дела. Он участвует в художественной самодеятельности, он хороший спортсмен, а главное, он очень хороший человек!»

«Геннадий Иванович — мой лучший старший друг!» — восклицают юные оренбуржцы, словно сговорившись. Как же им удастся «поделить» его? Разгадка тут простая: он для них — Человек с большой буквы, а такой — для всех друг, и каждый вправе считать его своим другом. Ведь он (здесь мы процитируем отрывки из нескольких писем) «хотя и повидал больше нашего, но разговаривает, как равный с равными», «неизвестно, когда спит, все время с нами», «и если заметит плохое настроение, обязательно спросит: «Что нос повесил?»

Идет ли речь о руководителе шахматного клуба или тренере спортивной школы, всегда выступает одно и то же правило: не столько шахматы или гимнастика очаровывают ребят, сколько люди, протягивающие им руку дружбы и помощи. Причем в этом возрасте, как никогда, дружба чиста, в ней нет и примеси ревности. Не стоит поэтому удивлять-

ся, когда один взрослый человек ведет за собой сто ребят. Им, таким разным, хватает одного авторитета. А когда нет его, с ними и полк взрослых не управится.

Часто, как показывает почта, дружба взрослого с подростком возникает по чистой случайности. Вот что рассказывает семиклассник из Приморья, подписавшийся полным титулом — Виталий Александрович Подгородецкий: «Как-то возвращаясь домой, я поскользнулся на льду, упал и вывихнул ногу. Было не очень сильно больно, а идти все равно не мог. И тут меня увидел один прохожий. Так, знаете, он взвалил меня, как маленького, на свою широкую спину и тащил до моего дома... И вот с тех пор так: утром он идет на работу, а я в школу. Чтобы нам идти вместе, я встаю на пятнадцать минут раньше... Иногда он приходит к нам домой, помогает делать уроки».

Человек, про которого мы не знаем, где он и кем работает, стал такой радостью мальчишки, что теперь тот не уснет, пока не увидит, что в доме напротив, где живет его взрослый товарищ, погас свет. Хвала взрослому за то, что он есть, что, протянув руку упавшему мальчишке, приветливо улыбнулся и подружился с ним.

Только все это произошло по чистой случайности... Но к этому мы еще вернемся. А сейчас:

КАКИЕ КАЧЕСТВА В НЕМ ПРАВЯТСЯ

Может быть, этот вопрос и не стоило задавать? Ведь как будто ясно: в оценке качеств ума, характера старшего друга дети не могут резко разойтись со взрослыми.

Действительно, принципиальных расхождений нет, но возрастные есть. В уме, характере человека они видят прежде всего ту грань, которая их больше всего привлекает.

Распространено, например, мнение, что подростки, замороженные успехами науки, ценят в учителе превыше всего его знания, эрудицию. Письма ребят об учителях (некоторые из них мы уже процитировали) вносят поправку. В них проглядывает одна тенденция. Не профессиональное умение, а чисто человеческие свойства учителя ставятся нашими корреспондентами на первый план. Конечно, они и к знаниям тянутся. Ограниченный, малообразован-

ный педагог, как бы он ни был добр и отзывчив, не станет их кумиром. Но они каким-то чутьем понимают, что школа должна им давать незыблемый задел нравственного знания, демонстрировать наглядные примеры честности, трудолюбия, мужества. Ведь она для них первая ступенька настоящей жизни. И поэтому уроки принципиальности, доброты, самоотверженности им запоминаются сильнее, чем самый эффектный опыт в кабинете физики.

Симпатии детей — прихотливейшая стихия. Нежелание считаться с тем, что они по-особому оценивают старших, приводят иногда к смешным, а чаще к грустным ситуациям. Блестящий, с точки зрения взрослых, учитель принимается в штыки всем классом. Добровольный наставник с почти что легендарной биографией вызывает рассказами о своем прошлом скуку у непоседливых слушателей.

В этих случаях воспитателям обычно высказывается сочувствие, а дети обвиняются в неблагодарности. Но давайте снова прислушаемся к тому, что они говорят на нашем педсовете:

«У нее умер муж. Три дня она не появлялась в школе. Три дня мы готовились, думали, как вести себя, когда она придет. Ведь когда у кого-то случается несчастье, ты все время боишься, как бы каким-нибудь неосторожным словом не оскорбить человека. Но вот она пришла в класс и спокойно сказала: «Начнем урок».

Меня это потрясло.

Тогда-то я и поняла, за что ее люблю, как никого в школе, и почему я с ней всегда откровенна. Это самая сильная женщина, каких я встречала. Ее

оскорбило бы наше сочувствие» (Люся Рогаева, Волгоград).

«Когда бы я ни пришел к нему, он что-то мудрит со своими приемниками. У него катушки с проволокой, конденсаторы валяются на диване, кухонном столе, под кроватью. А сколько у него книг по радиотехнике! На что он живет, если покупает столько всякой всячины?

Мне бы хоть на капельку так же чем-то увлечься» (Дима Л., Кострома).

«Я спросил однажды, почему он каждый раз, когда проезжает Украину, обязательно заезжает в Миргород. Он ответил: «Там находится могила моего любимого поэта Давида Гурамишвили...» Такой ответ заставил меня серьезно взглянуть на себя» (Р. Бжалава, Абхазия).

«Он говорит, что из-за яхты его и девушки не любят. С собой их брать он боится, а им скучать на берегу не хочется. Таких чудаков, как он, я еще не встречал» (Л. Гурко, Рига).

«А потом про нас стали говорить плохое. Ему, старому человеку, было очень обидно. Но он и вида не подавал. Ни с кем не вступал в пререкания, а мне сказал, что если я боюсь сплетен, то можно прекратить занятия. Как я могла на это согласиться, ведь он меня учит музыке просто потому, что сам ее, как ничто, любит и других учит понимать ее» (Светлана Р., Москва).

Упрямые искатели живых идеалов, они тянутся к ярким, с «изюминкой» личностям, недюжинным натурам. Не просто хорошего человека им подавай, а такого, чтобы он обязательно чем-то возвышался над остальными, чем-то был наделен сверх меры.

Если добротой, то безграничной; щедростью, так без меры; весельем — безудержным.

«В нем есть то, чего нет во мне и, может быть, никогда не будет», — так объясняет свою привязанность к старшему другу Шурик К. из поселка Гусевский.

Но не только «странности» во взрослых оценивают высшим баллом наши юные экзаменаторы. Они ценят требования, какие к ним предъявляют взрослые друзья.

«Никто со мной так не строг, как он!» — пишет с гордостью Миша Довгаль из Одессы. «Я люблю его и боюсь...» — признается другой его сверстник.

Когда начинают разбирать «бунт» какого-нибудь школьного строптивца, он угрюмо пробурчит: «А что ко мне все время придираются?..»

Против какой требовательности они восстают, о какой мечтают?

Лучше всех на этот вопрос отвечает Люся Михайлова из села Мачеха Волгоградской области. Отвечает стихами, правда, не очень совершенными по форме, но точными по мысли.

...Ну, а я
за учителя-деспота,
чтобы был он
придирчиво строг,
но
чтоб мог он сделать
песнею
даже самый трудный урок.

Человеку увлеченному, искренне заинтересованному в них, они простят и повышенный тон, и обидное слово, и даже ошибку. Его способность страстно учить тому, во что сам влюблен без памяти, во

что сам беззаветно верит, — вот о каком «деспотизме» они мечтают, вот власти какого авторитета они готовы подчиниться беспрекословно.

«Ведь возраст такой, что не всегда до нас доходят добрые слова, — самокритично признается Вая Мусиенко из города Днепродзержинска. — Петр Васильевич нам часто приказывал, и мы его слушались...» «Надоедают разговоры про силу воли, трудолюбие, — с кем-то полемизируя, пишет Володя Тобольцев из Благовещенска. — Хочется подружиться с человеком, у кого она есть, эта сила воли».

И как практическое предложение звучат строчки из письма Жоры Адамяна из Армении: «Куда ни придешь: в школу, в Дом пионеров — везде одни женщины. Нельзя ли как-то организовать мужчин?..»

Эти искренние признания заставляют о многом подумать. Мы придаем большое значение трудовому, политическому, эстетическому воспитанию подростков. Но есть такое качество, без которого они не смогут стать борцами ни за идею, ни за прекрасное. Это жизнестойкость. Качество, как известно, вырабатываемое в трудных условиях, в атмосфере умной дисциплины.

Когда стали создаваться подростковые отряды, между ними и школами возник конфликт. Педагогов обижало, что те самые мальчишки, которые ничего не хотели сделать в своем классе, из кожи лезли, чтобы их приняли в отряд. В чем тут дело? Да в том, что в отряде, не в пример многим школам, есть воспитатели-мужчины, там походно-лагерная жизнь, в которой можно испытать свою силу воли, блеснуть ловкостью, проявить выдумку. Все,

чему не научишься в атмосфере словесного воспитания.

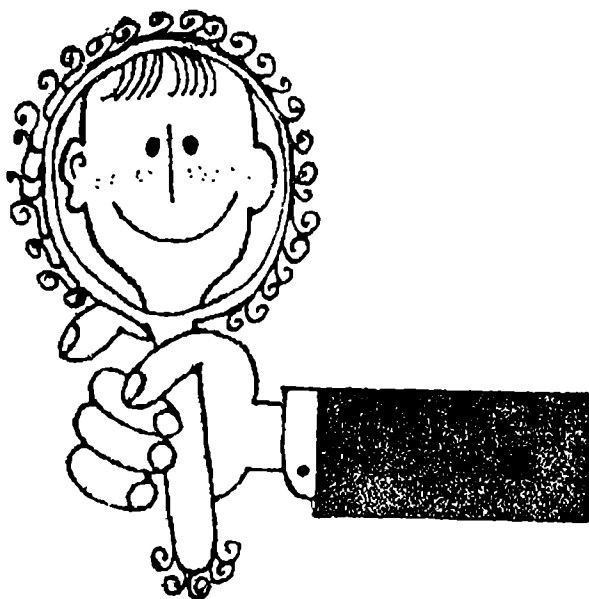
И еще одна интересная особенность проглядывает в письмах. Почти все старшие друзья, о которых пишут ребята, — люди, как правило, молодые. Почему это так, помогает немного понять письмо Славы Дегтярева из Татарии. «Моя мать иногда ворчит: «Товарища по годам не мог, что ли, найти себе?» А что такое товарищ не по годам? Мне пятнадцать лет, а Володе двадцать два. Я учусь в дневной, а он в вечерней. Мы вместе ходим на рыбалку, у нас с ним общая голубятня и даже собака. Как только он приходит с работы, садимся думать, что нам делать».

Не идол, окруженный ореолом недосыгаемости, нужен подростку, а живой пример, которому легко и приятно следовать. Разница в семь лет кажется Славе не такой уж существенной — все, что ему нравится в Володе, он приобретет не в далеком будущем, когда его голова покроется сединой, а совсем скоро. Это настраивает его на бодрый лад. Подросток тянется к старшему другу как к вожаку, бывалому человеку.

Говоря о старшем друге, мы не должны думать, что это обязательно положительная личность, во всех случаях полезная обществу. Даже в преступном мире мы находим людей, умеющих очаровывать ребят. Их качества тоже требуют изучения. Иначе мы никогда не сможем парализовать их влияние на наших подростков.

Но безотносительно к тому, как и чему учит подростка старший друг, берем на себя смелость утверждать, что самая опасная ситуация возникает,

**ЕСЛИ
ЕГО
НЕТ**

«Алый парус»! Ты спрашиваешь, есть ли у меня старший друг. Отвечаю: нет. Да и зачем он мне? Я не хочу терять свою индивидуальность. Буду сам воспитывать свои положительные качества. Это мне поможет стать похожим на самого себя» (В. М-ов, Мурманск).

Как легко угадать за этой задиристостью уязвленное самолюбие мальчишки! Не нашел себе друга — и вот уже смешной и грустный вызов: «стать похожим на самого себя».

— В другом письме горечь обиды вся на поверхности. «Никого, понимаете, никого! Ни соседа, ни руководителя секции. А кого винить в этом? Наверное, я сам какой-нибудь гадкий поросенок. Увижу соседа, обязательно отвернусь в сторону или нарочно уроню что-нибудь» (Владик П., Мытищи).

И все-таки это еще не самые тревожные письма.

Сегодня нет старшего друга, завтра он появится, и ты с удовольствием расстанешься со своей неприступной «индивидуальностью», преодолеешь застенчивость. Но есть в почте одно письмо, которое рассказывает о маленькой драме. Кто знает, не перерастет ли она в будущем в трагедию?

«Здравствуйте, Евгений Иванович! — так начинается оно. — Вчера вашему «чижику-пыжику» было совсем плохо. Я показала свои стихи одному человеку. Он прочитал их, сказал «неплохо». Но стоило мне закрыть дверь, страшно выругался...

Вчера у меня болели ноги, трудно было ходить. Не знаю, при чем здесь ноги, но они болят у меня после таких нервных встрясок. Да, мне было очень плохо! А сейчас все равно. Вы скажете, что с равнодушием не надо мириться. Но что я поделаю, если мне все равно?

Евгений Иванович, вы самый хороший человек из тех, кого я знаю. Плохо только, Евгений Иванович, что я вас придумала, когда прочитала вопрос «Алого паруса». Я вас спрашиваю, как мне дальше жить, во что верить, а вы молчите» (Валя Д., г. Крымск Краснодарского края).

В том-то и дело, что подростки, как бы они иной раз ни афишировали свою «индивидуальность», не могут воспитывать самих себя. Они должны расти похожими на нас, но вырасти лучше, чем мы. Можно поправить ошибки в характере подростка, возникшие на почве плохого воспитания. Но почти невозможно выпрямить душевные искривления, которые получаются, когда у подростка нет живого идеала.

Не хочется, чтобы эти строчки звучали как

упрек всем. Ведь по почте «Алого паруса» видно, что старших друзей наши ребята имеют. Только вот беда — не все. И думается, что если есть малолетние неудачники, то вовсе не потому, что у нас мало хороших взрослых, которые могли бы стать вожаками ребят.

Взрослые тоже могут быть застенчивыми. Не каждый решится подойти к гурьбе ребят, играющих во дворе в футбол, и сказать: «Я хочу быть вашим тренером».

Это заставляет думать о том, как детям и взрослым, не ища удобных предлогов, протянуть друг другу руку дружбы. Не можем ведь мы полагаться только на случайность, какая, например, помогла Виталию Подгородецкому подружиться со взрослым человеком. Мальчишка в тот день мог поскользнуться, а мог и не поскользнуться...

Дети и подростки... Кажется, все лучшие сравнения и поэтические метафоры им отданы. Цветы жизни, надежда земли, наше будущее.

Однако огромные усилия нужны, чтобы цветы дали хорошие плоды, а надежда осуществилась. И по тому, как общество справляется с этой задачей, можно судить, насколько оно сильно и здорово. Талантливый английский педагог лорд Баден-Пауэлл, раздумывая над необходимостью лучшей постановки воспитания молодого поколения, писал: «Одной из причин падения Рима было то, что народ... утратил всякое чувство ответственности за себя и своих детей».

В странах, где дети наследуют от родителей социальное неравенство, проблема их воспитания одна из самых острых и мучительных. Тот же самый Баден-Пауэлл, боясь, как бы Британскую империю не постигла участь Рима, пытался помирить всех детей у бойскаутского костра. Это ему удавалось, но ненадолго.

Если общество основано на эгоизме и корысти, какой бы тонкой ни была спекуляция на чувствах детей, все равно они рано или поздно поймут ложь и лицемерие громких девизов и жестких правил жизни, придуманных для них волевыми воспитателями — «скаут-мастерами».

В других странах с детьми пытались заигрывать. Например, в тридцатые годы в

Турции было сформировано... «детское правительство». Фотографии детей-«министров» печатались в газетах. Какая же задача ставилась перед «правительством»? Бороться за хорошие условия... детского труда.

Проблемы жизни и воспитания детей пытались решить руками самих детей. И ничего, кроме горьких конфузов, из этого, конечно, не вышло.

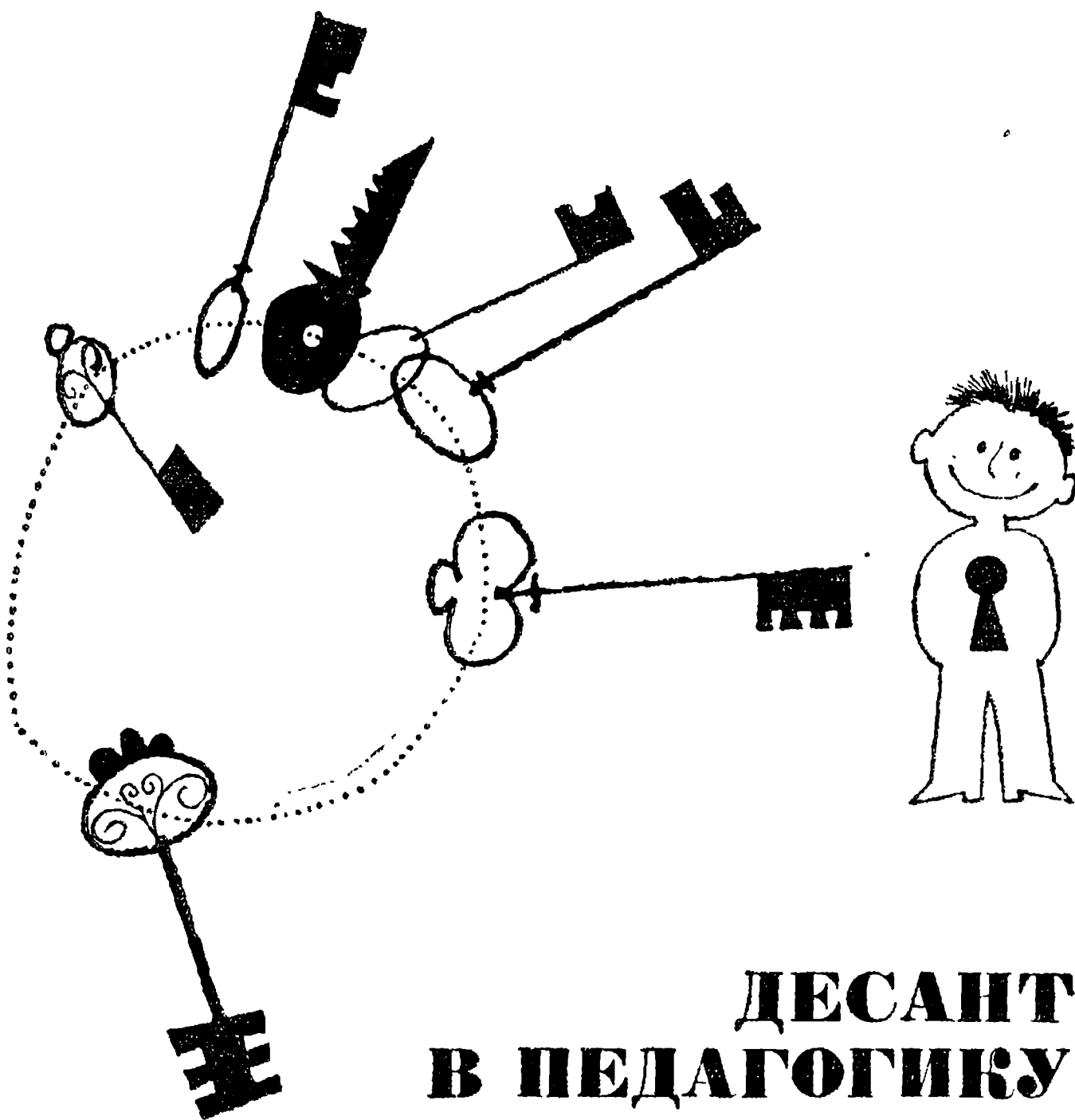
Чтобы дети развивались правильно, общество должно быть справедливым сверху донизу. И в первую очередь справедливым к ним, потому что они действительно его надежда. Справедливость эта выражается прежде всего в том, что оно приставляет к ним лучших своих представителей. Что это так, помогает понять мысль, высказанная К. Д. Ушинским: «...в воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности. Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как бы хитро он ни был придуман, не может заменить личности в деле воспитания».

Это понимал, хотя по-своему, и лорд Баден-Пауэлл. Недаром он всю жизнь без устали призывал нацию отряхнуться от опасного равнодушия к детям. «Я не принадлежу к числу тех пессимистически настроенных людей, которые считают, что наше положение уже безнадежно, — писал он. —

Наоборот, я считаю, что мы только у распути, поэтому особенно важно, чтобы каждый из нас, сохранивший хотя бы искру патриотизма, пришел бы на помощь своей родине в деле обращения подрастающего поколения на надлежащий путь».

Но кто главным образом откликался на его призывы? Отставные офицеры, оказавшиеся не у дел. Эти люди, очаровав детей романтикой походно-лагерной жизни, воспитывали в них готовность не раздумывая выполнить любой приказ «скаут-мастера», неразборчивость в средствах достижения цели. Весь строй жизни «юных разведчиков» основывался на культе сильного и безжалостного человека.

С детьми можно играть, но нельзя обходиться с ними как с игрушками. Истинный и честный воспитатель лепит их мир таким, каким они хотят его видеть: заманчиво просторным, таящим в себе много загадок, которые приятно и полезно отгадывать. Но в то же время это мир реальный, а не искусственно красивый. Нельзя детей насовсем уводить на лесную лужайку, подальше от того, что строят взрослые, с чем они борются, над чем мучаются. С малых лет они должны изучать мир, в котором им придется жить и работать, спорить о нем, думать, как сделать его лучше. Только тогда мы можем быть уверены в них, только тогда они наше будущее.

ДЕСАНТ В ПЕДАГОГИКУ

(Портреты счастливых людей)

Несколько «наблюдений»:

У меня не брат, а друг.
Романтика — кислород детства.
Взрослые и дети равны.
Подростки — тоже идеологи.

Битвы курносых народов.

Володя Березкин ложится на рельсы.

Пришел, увидел, перевоспитал...

«Факел» не погас!

Роберт Петрович среднеарифметический и настоящий.

**Мир создан, чтобы открываться
детям.**

Кто дольше всех живет!

Допустим, что нам удалось наладить школьное и семейное воспитание идеальным образом. Но и тогда воспитание подростков останется проблемой. Жизнь семьи и школы никогда не сможет полностью заменить школу жизни.

Вот раздается последний звонок с уроков — и ребята расходятся по домам. Это значит, что коллектив класса перестал существовать до утра следующего дня.

Но подросток не может жить без общества своих сверстников. Вернувшись из школы или с завода, он смотрит, к какой бы компании во дворе пристроиться. В нем и в это время живет жажда деятельности, активного познания мира. Насколько она велика, говорит один факт. Когда сотрудники общественного института социальных проблем в Ленинграде проводили среди подростков анкету, среди других вопросов они им задали и такой: как вы относитесь к общественной работе? Обнаружилось, что стремление к ней у людей этого возраста в два с лишним раза (!) выше, чем у остальной молодежи.

Поможем мы им организоваться в свободное от учебы и работы время — хорошо; нет — они это прекрасно сделают без нас. Но деятельность стихийно возникшего общества, как правило, носит знак «минус».

В цепи воспитания — семья, школа, завод, улица — самым слабым надо признать

улицу. Ведь это на нее ссылаются, когда выводят кривую роста двоек, проступков, даже преступлений. «Улица довела» — вот как иногда объясняют дику выходку какого-нибудь отбившегося от рук неслуха.

Неправда, не улица—голубая крыша детства каждого человека, — а равнодушие к улице довело. И если она где-то еще дает грустную жатву ребячьих бед, это означает лишь одно: не мы хозяева на ней, а кто-то другой. Не отыскав для себя авторитета, подростки берут пример с антиавторитета.

Все больше становится людей, понимающих, как важно сделать улицу зоной безраздельного нашего влияния. Поняв, что не врагом, а могущественным союзником она может быть, они создают во дворах ребячьи клубы, на речках — флотилии, в лесу — «республики бодрых» и т. д.

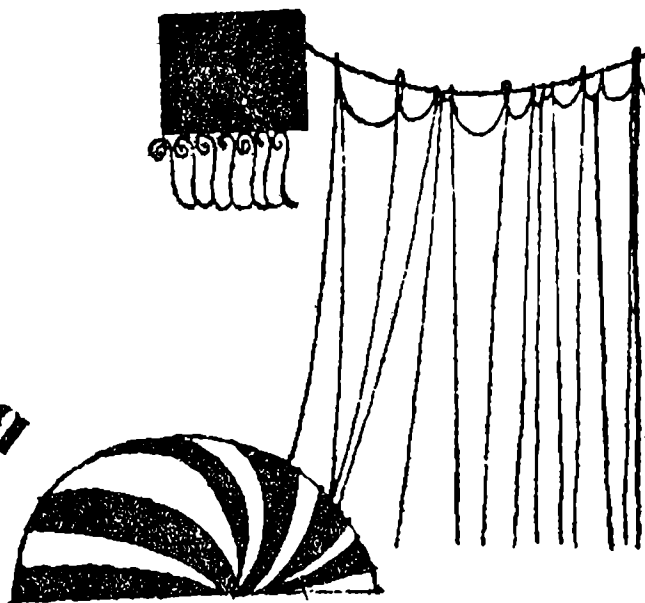
Такое воспитание заметно отличается от школьного. Такой воспитатель — и нет в этом нужды — не хочет повторять то, что делает в классе учитель. Да и как во дворе будешь бороться за успеваемость? Здесь в подростке надо воспитывать такие качества, какие ему школа при всем ее желании не может привить.

Но труд ребячьего комиссара тоже педагогика. Самодеятельная, «дворовая», как бы мы ее ни назвали, но педагогика. И, возникшая в стороне от школы, развиваемая людьми, как правило, не имеющи-

ми специального образования, она — законное дитя науки о воспитании.

Несколько портретов людей, которых принято называть «ребячьими комиссарами», мы предлагаем вниманию читателя в этой главе.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

«Человек должен быть счастливым уже только потому, что сумел родиться...» (Пояснение к одному плакату.)

Секретаря горкома комсомола Германа Черного я ждал в его кабинете.

Кабинет кое-что сказал о хозяине. На столе, на подоконнике беспорядочно высились вороха бумаг. Но трудно было понять, что свело вместе зачитанный до дыр сценарий пьесы, свежую сводку о сборе металлолома и стихи Рильке. На стене, чудом удержавшись на одной кнопке, висело обращение к какому-то нетипичному адресату: «Мальчишки Уссурийска!»

Рабочий день в горкоме уже начался. В кабинет входили, что-то искали молодые, симпатичные, представительно одетые люди, и на каждого я смотрел с надеждой. Но никто из них не был Германом Черным.

Наконец торопливо, подавшись вперед так градусов на шестьдесят, в кабинет вошел высоченный

блондин в белом свитере под пиджаком — ну, прямо сошедший с обложки журнала современный баскетболист. Бросил портфель на пол, слегка помассировал лицо. Понятно было, что начало рабочего дня он честно проспал.

Не успели мы представиться друг другу, начался утренний телефонный благовест.

— Да, это Черный... Как вчера прошел митинг? Очаровательно. Была трибуна... Да, мы без нее еще никак не можем. Был доклад. Выступавшие, естественно, заверили и т. д. Что еще вас интересует? Соревнования на приз «Золотая шайба»? Пишите: в напряженной, упорной борьбе уссурийская «Ракета» победила владивостокский «Океан»... Поедут ли они на соревнования в Москву? Это мы еще посмотрим...

В его серых с просинью глазах прыгал выпавшийся бес озорства.

— Алло? Да, Черный... Можно просто Герман, без Петровича. Виноват, вашу просьбу я опять не выполнил. Вчера освободился в ноль тридцать пять...

Он мгновенно срывал трубку, словно боясь, что его опередят. И вообще говорил с видимым удовольствием, острил, отчеркнув ногтем какую-нибудь пометку в календаре, сам звонил. И все время старался найти полезное дело свободной руке. В основном она занималась яростной утюжкой волос, какие дарятся природой человеку в виде чистого наказания.

— Алло?.. Семинар состоится послезавтра. Что будет? Лекция тов. Черного об эстетическом воспитании. Доклад тов. Черного. Правда, о чем говорить, он пока не имеет никакого представления...

Но вот телефон уgomонился, и тогда началось другое. В кабинет вошла девица весьма решительно-го вида. И тут с Черного сразу смыло телефонный апломб, и весь он стал похож на растерянного мальчишку.

— Ну, милая, ну, дорогая! — умолял он ее. — Неужели так и было: жила в Новосибирске, а потом вдруг взяла и приехала в Уссурийск?..

Видно, чувствуя в собеседнике какую-то слабинку, она с вызовом повторила его слова: взяла и приехала...

— Но это же невозможно! — схватился он за голову и забегал по кабинету. — Бросить работу, институт и прикатить на край света, не зная, зачем, к кому...

Метнулся, благоразумный, как к спасительнице, к вошедшей в кабинет Иде Яковлевне Вильгельмсон, заведующей отделом пропаганды горкома партии. Облегченно вздохнул, когда та взяла устройство судьбы девушки на себя. Посмотрел на меня извиняющимся взглядом: вот, мол, стоит только здесь появиться...

(Вечером в горкомовской машине, когда он вместе со Славой Казанцевым, первым секретарем, поехал кого-то поздравлять с юбилеем, вдруг захохотал:

— Красиво меня провели! Я-то думаю, чего они ко мне идут и идут, а к тебе, Славка, нет. У тебя же на двери никакой таблички, а у меня, дурачка, висит. Все! Сегодня ночью сдеру и повешу на твою дверь...

Слава, поигрывая рулем, хитро смеялся темны-

ми глазами. Дескать, ты в горькоме без году неделя, а у меня такие посетители вот где сидят...)

После обеда перед бюро он работал на рост рядов. Перед ним медленно угасал от страха тощий парнишка, беззвучно шевелил губами. Наверное, в последний раз повторял права и обязанности. А Черный опять обрел уверенность.

— По анкете ты просто молодец, — сказал он. — А вот скажи: есть у тебя какое-то хобби, ради которого ты будешь недосыпать, недоедать и без которого жизнь не в жизнь?

В ответ ему был ошеломленный взгляд. Чувствовалось, что кандидатура такого вопроса не ожидала, да и что это за «хобби», не очень представляла.

Черный вроде бы обрадовался:

— Так, выходит, что ты, редактируя классную стенгазету, совсем этим не увлечен и делаешь просто так? Не выйдет, дорогой. Я не верю в дело, в котором человек не растворяется весь, без остатка...

Если бы в дверь не заглянул следующий, лекции, казалось, не миновать...

Наверное, это обидит Германа, но не могу не признаться: в первые минуты знакомства он вызывал самые противоположные чувства. Не последнее место среди них занимали улыбка и злость. Эдакий кающийся Прометей, прикованный к телефону. А лексикон и повадки ученого-буквоеда, приносящегося добряком, но готового за любую неточность отправить без зачета.

Люди, знакомые с ним давно, говорят, что ка-

ким он был в школе, институте, таким остался и в горкоме. Рассеянным, вечно куда-то опаздывающим, насмешником, любителем нравоучительных монологов, то без копейки денег, то таким богатым, что кричит об этом всем. Ничего в нем не убавила высокая должность. Но это, по-моему, хороший признак. Лично я не верю тому, чьи вкусы, привычки, нрав может изменить должность. Такое происходит в том случае, когда должность человеку противопоказана.

* * *

А теперь оставим кабинет, чтобы в него уже не возвращаться. То, о чем будет рассказано дальше, происходило под открытым небом, на центральных и тупичковых улицах, в клубах и подворотнях — в беспредельном кабинете жизни, где еще не все расставлено так, как нам хотелось бы.

Когда мне, наконец, удалось задать первый вопрос, Герман довольно сдержанно ответил:

— Подростки! Я ими теперь не занимаюсь. Мое дело — идеология...

Это неправда, это он от обиды. Когда-то ему серьезно указали, что из-за подростков он забывает про идеологию.

Но дети есть дети, и про обиды взрослых им знать совсем ни к чему. Молча взвалил на себя идеологию, а поверх нее — подростков. И тащит университет «Современник», университет «Молодого марксиста» и вмешивается в работу школ, разных мальчишеских клубов и дворовых команд, которых он в свое время насоздавал. Временами увлечется

и начинает отбивать хлеб у другого отдела. Его опять слегка проработают. Он соглашается безоговорочно, кивает головой, а сам в эти минуты думает, что подростки тоже идеология, да еще какая...

Чтобы как-то разговорить его, я стал вспоминать одного своего знакомого, в работе с детьми чистейшего самозванца, из всех педагогических талантов обладающего лишь любовью к пацанам, а из деловых качеств только арапистостью.

— А мне он нравится, — с вызовом сказал Герман. — Прошлым летом я такого встречал в арсеньевском военно-спортивном лагере. Позавидовал, как там буквально ни на чем делали для ребят все, что их интересует...

Мне показалось, что говорил он это немного в порядке самозащиты. Оправдывался. Вот как он сам создавал уссурийский лагерь для «трудновоспитуемых» — «Спутник».

Лето уже началось, а не было еще ничего, даже плана. И вдруг Черный ринулся в горком партии к Иде Яковлевне, к прокурору города, позвонил директору двадцать восьмой школы А. С. Ерошкину. Сам взвинченный своей идеей, взвинтил и других. На грузовой машине помчался во Владивосток — за спортивным инвентарем.

Постоянные гости детских комнат милиции, «герои», только что прибывшие из трудовой колонии, беспечно играли в расшибалочку, выкалывали друг другу на руке сердца, пронзенные стрелой. И никак не ожидали, что в один прекрасный летний день за ними на машине приедет долговязый дядя

и начнет им расписывать блага какого-то «Спутника».

Практичные люди, они подумали: а почему бы им и не позагорать где-нибудь за городом, не пострелять из настоящей винтовки? Что касается работы на совхозном поле, так это они еще посмотрят...

Начались дожди, и созданный за пять дней «Спутник» стал расползаться по швам. Черноногие стрелки разбегались. Их ловили, как цыплят, возвращали и усиленно перевоспитывали.

А главного агитатора в лагере в это время не было. Он в институте «госы» сдавал. За все героически отдувался начальник лагеря Ерошкин. Но как только Черный сдал («Свалил! Восьмое чудо света!»), тотчас же приехал в лагерь, кожа да кости, проводить в нем с этими «анчутками» свой законный отпуск.

И в возне с ними умудрился как-то отдохнуть. Ставил психологические эксперименты, порой весьма рискованные. Внезапная идея озарила — поехал к арсеньевцам. Ахнул, когда узнал, что они прямо в канун наводнения собираются в марш-бросок. «Эта авантюра еще почище нашей!» — заливался он торжествующим смехом, когда, вернувшись в «Спутник», рассказывал коллегам о поездке. И чтобы не ударить лицом в грязь, предложил тоже собираться в поход.

А общие итоги были на троечку с плюсом. Он сам это видел. Но еще там, в лагере, вместе с Ерошкиным разработал ни больше ни меньше, как «Проект лагеря труда и отдыха круглогодичного действия». Он мне показывал эту выгоревшую те-

традку в клеточку. В проекте права похожи на обязанности, обязанности — на права, текст присяги — на клятву.

Все для этого лагеря вроде бы есть: и здание, и денег добыл немного, и один городской парк для передачи в ребячью собственность присмотрел.

— Но где взять людей? — спрашивал он меня и, стискивая лоб ладонями, готов был расплющить его. — Классных дам туда не пошлешь, на одних физруках далеко не уедешь...

Сразу и не понять было, наигранное ли это отчаяние или впрямь какая-то большая беда. В прошлые разы удавалось добывать и людей. Когда по разработанному им сценарию устраивалась мальчишеская «битва народов», все было как на настоящих военных учениях. Понадобилась Черному правая рука в отряде макаренковцев, и она появилась: Эдик Алексеев, секретарь комитета масложиркомбината.

— Толик Ерошкин, черт бы побрал, переезжает в другой город...

— Без него трудно будет?

— И это. Но и другое: со всеми тысячами ребят, какие есть в городе, надо работать. Но я не могу понять, почему так мало охотников возиться с ними? Ведь с ними же легче, они чище, чем кто-либо, относятся к комсомолу. Им ведь только дай идею...

Он не только неукротимый прожектер со вселенским размахом, но и, по словам Славы Казанцева, «транжир порядочный». Дай ему волю, наверняка полбюджета города отдаст своим «роман-

тикам» и «оптимистам». Что-то похожее однажды и было. Проводился в Уссурийске грандиозный пионерский форум. Черный, главный заводи́ла этого дела, чего только не придумал. Даже железнодорожный состав, как такси, нанял, чтобы свозить ребят на озеро Хасан. Все были довольны, некоторые родители прослезились. А горкомовская касса навзрыд плакала. После форума он два месяца подряд не получал зарплату.

Его оправдывает только то, что он и к личному бюджету относится без почтения. Прилетел из Москвы — тащит в горком груды футбольных мячей для уличных команд. И это же факт, что пока самодеятельному театру «Юность» не присвоили звания народного, судьба спектаклей зависела от того, сколько заработает его главный режиссер, то есть Герман Черный. (Театр — это уже третий этаж в его ноше.)

* * *

Его замыслы ему же боком выходят. Хочешь не хочешь, а приходится быть доморощенным теоретиком детского движения, учить актив. А что у него за плечами? Двадцать четыре года, педагогический институт, педагогика которого рассчитана на класс, но не на улицу. Литературы о воспитании подростков почти нет. Приходится часто нести отсебятину, идти на риск. Выручает немного кое-какой опыт работы в пионерских лагерях. В вожатые он пошел с четырнадцати лет. А так как по инструкции ему двух лет не хватало, возраст пришлось скрыть. Благо что рост и тогда был подходящим.

Где дети, там, конечно, сразу и учителя и родители. Нужно обладать адским терпением, чтобы доказать очевидное. Например, что «Золотая шайба» и успеваемость ни в какой юридической связи не находятся. Тем не менее раздаются звонки, его просят исключить из такой-то команды таких-то влостных двоечников. По этому поводу он не может подобрать другого слова, кроме как «хамство».

Да и мальчишки с тех пор, как стали именоваться макареновцами или там «оптимистами», бог знает что о себе вообразили. Раньше их в горьком калачом не заманишь. Теперь могут ввалиться донельзя возмущенной ватагой с жалобой на домоуправа, который не хочет купить им «какие-то несчастные клюшки». Ничего не остается, как сделать свирепое лицо и пообещать четвертовать скрягу. А таких конфликтов почти столько же, сколько и домоуправов.

Но больше всего у него хлопот с кровным детищем — «Юностью». Что ни год, то труппа почти наново меняется. В ней ведь в основном старшеклассники. Получил аттестат — и «до свидания, мальчики»! А «главреж» тот же, и у него то же самое — «индивидуалки», «генералки». Опаздывать, правда, чаще стал — какое совещание или бюро заканчивалось минута в минуту? Зато и сидит теперь часто до «ноля тридцати пяти», пока в зале не станет жарко от сценических страстей и обычной репетиционной ругани.

По части ругани он тоже неизменен. Нервничает, морщится от фальши. И, вспыхнув, может залепить «идиота» или крикнуть в сердцах: «Ну что ты стоишь, как корова на льду?!»

А они и не думают оскорбляться. Хотя скажи кому-нибудь из них «корову» в школе, тут же побежит пить уксусную эссенцию. Прямо-таки загадка, куда девается их обидчивость и современная строптивость, когда ими начинает крутить и вертеть этот Герман Черный.

Шестнадцатая школа, где обосновалась «Юность», стала его второй приемной. Просят принять в труппу даже те, кто честно сознает, что таланта перевоплощения нет и никогда не появится. «Ну, хоть осветителем, — просят его, — хоть занавес поднимать». Наведи о просителе справку, ответят: какое ни дай поручение — завалит. А в «Юности» мальчишка, вроде бы совсем пассивный по школьным стандартам, и машину выклянчит на автобазе, и в другом городе, «заделывая гастролы», один организует и помещение для спектакля и гостиницу.

Весна — время, когда надо повыше поднимать воротник, чтоб тебя не узнала какая-нибудь растревоженная родительница. Но все равно где-то настигнет. И разверзнется огнедышащий вулкан родительской любви: «Сын, способнейший математик, о театральном даже и не думает, в разгар выпускных экзаменов вот уже третью ночь не ночует дома! А летом, этим решающим летом, собирается ехать на гастролы. Ему хоть проклятьем грози, а он: «Герман сказал, значит поедем».

Надо успокаивать, говорить, что «способнейшего математика» он сам прогоняет, да тот не уходит.

В гастрольных поездках новые страхи. Приходится ведь бывать и в медвежьих углах, где с транспортом не разбежишься. Набьют в одну от-

крытую машину весь свой скарб, в щели между декорациями сами спрячутся. И поедут. А «главреж» трусит за машиной, пока не убедится, что никто из птенцов не вывалится.

Когда-нибудь они его подведут под монастырь. Им-то невдомек, что существует какой-то порядок, соответствующие инстанции. Из-за этого однажды запахло форменным скандалом. Во время гастролей грузили декорации в вагон. А составу стоять всего пять минут. И вот уже сигнал отправления, а половина декораций еще на перроне. Один из птенцов, Володя Березкин, стал на путях и кричит машинисту: «Не сойду, пока все не погрузим. У нас завтра спектакль. Придут дети, а мы им что скажем — декорации не успели привезти, да?» Тут объявился милиционер. Сначала вежливо взял под козырек, а потом вместе с машинистом принялся стаскивать Володю со стальных рельсов. А тот лег на рельсы. И пока шла эта борьба, все декорации были уже в вагоне.

Ну, не одержимые ли?..

* * *

Нет, не одержимые. Правда, с чьей-то легкой руки таких, как Герман или Володя, стали запросто причислять к лику оных. Это обидно. Словно они, явившись к нам не от мира сего, сами не ведают, что творят, и с донкихотской безоговорочностью лезут на рожон.

Черта с два!

Ведают. Их хлопоты, споры, прожекты — от мира сего. Ради него, иногда наперекор ему.

В Уссурийске не один Черный делает погоду в работе с подростками. Но именно при нем мальчишка стал такой же законной заботой горкома, как и повышение производительности труда на молодежных участках. Понимая, что нигде мы так не безграмотны, неуклюжи, как в обращении с подростками, он ищет, экспериментирует, идет широким фронтом. В том воззвании с нетипичным адресатом без всяких оговорок утверждается, что в соревнованиях на приз «Золотая шайба» имеют право участвовать все, кто «родился в 1951—1953 годах».

— Человек должен быть счастливым уже просто потому, что сумел родиться, — говорил Герман, — нельзя отъединять его от плеча сверстников за то, что он по нашей же чаще всего вине плохо учится. Нельзя лишать его радостей полной самоотдачи потому, что ему, видите ли, грозит великое будущее. Без этого они ни просто хорошими, ни великими не смогут стать.

При всей своей беззаветности, щедрости Герман не так-то беззуб, как кажется. За свои двадцать четыре сумел многим попортить кровь, причем вполне сознательно. Еще когда был вожатым, на него напускались проверочные комиссии. А он стоял на своем. Так буду работать, и не иначе. И в горкоме, выражаясь языком пострадавших, успел кое-кого «съесть», а по его терминологии — вытурить. И не за лень или недобросовестность — за безыдейность.

Вот он дает поручение своему помощнику — побывать на соревнованиях дворовых команд. А помощник, хоть убей его, искренне не пони-

мает — зачем? Ведь он точно знает, что там будет представитель горспортсоюза. В конце концов пойдет. Но будет понуро стоять на краю поля — вылитая жертва «пунктиков» чересчур образованного секретаря горкома. И не подденет мяч, если тот подкатится к его ногам. Несolidно. Еще примут за постороннего...

А Черного все это бесит чрезвычайно. Да как ты смеешь думать, что где-то без тебя обойдется, что-то без тебя не сорвется, не пнуть мяч так, как этого никто не сможет на стадионе? Что тебе делать в горкоме, если ты стесняешься пройти в строю ребят по главной улице, а к «Спутнику» относишься как к очередному мероприятию?

Такой же гнев захлестывал его, когда он говорил о людях, гораздо тоньше, чем он, понимающих проблему подростков, но брезгающих живым общением с ними. Для него их безупречная логика противнее любой лжи.

Он потом договорил то, что не успел сказать вступающему в комсомол парнишке:

— Я никогда не скрывал, что хочу создать не просто театр, а театр Германа Черного. Он будет жить, пока я, как режиссер, живу. Уйду, театр останется, но это будет уже другой театр. Не мой. И работа с людьми не может быть безликой. Ее нет, если в человеке нет своего отношения к ней...

Помощники его часто не понимают. Вот он берет бумагу и пишет в ЦК комсомола:

«Анализируя работу школ со старшеклассниками, приходишь к мысли: а не слишком ли мы увлеклись «культурничеством», работой на интерес? Даже в самых образцовых комсомольских органи-

зациях вся работа свелась к поискам развлекательных форм...»

И это говорит он, основатель «Юности», крестный «романтиков», «оптимистов» — всего того, что опирается на вдруг разозливший его интерес. Что же он предлагает?

«Самым замечательным, массовым делом является сбор металлолома. Надо больше думать о делах практических, полезных, необходимых городу, краю, стране. Возможно, нужно установить комсомольским организациям школ годовой объем работ на энную сумму денег. То ли это будет строительство сооружений, то ли это будут цехи ширпотреба...» Дальше он предлагает поломать всю структуру пионерских советов и комсомольских комитетов в школах, запретить четырнадцатилетним рекомендовать четырнадцатилетних и вообще выделить школьный комсомол в особый отряд, со своими законами, ритуалами, формой.

Пойми, чего он хочет, попробуй за ним угнись...

* * *

В каждом из нас живет наивная вера, что сегодня нам удастся расправиться со всеми мелочами, а завтра мы начнем работать крупно, основательно. Последний телефонный звонок — и здравствуй, солнце, привет, мальчишки! Но это редко у кого получается, и поэтому временами появляется пессимизм, отвлечение к самому себе.

— Мы часто делаем то, чего не должны делать. И не делаем того, что должны делать, — ме-

рял из угла в угол свою квартиру Герман. — Вот я рассказывал по телефону про митинг. Ну ладно, провели. А что он дал? Дошло? Или не дошло? Как надо впредь? Работаем без анализа. Эмпирики, голые эмпирики...

Про тот знаменитый форум он говорил не то что уничтожающим тоном, но прокурорским точно (хотя кто-кто, а он-то мог записать его себе в послужной список — про форум в городе до сих пор помнят).

— Мне кажется, что вреда он в конечном счете принес больше, чем пользы. Все-таки это был праздник семисот ребят, на которых полгода работали двадцать тысяч. А праздники должны устраиваться всеми и для всех. Тогда будет воспитание...

Что же остается? Может быть, лагеря труда и отдыха, столь милые его сердцу? Нет, на отчете о деятельности «Спутника» он карандашом поставил мрачноватый эпиграф: «Воспитывать можно. Воспитать нельзя...»

Эти смятения — отблеск окаянной диалектики мышления. Работаешь, бегаешь, оставляешь себе только сон, и всему, на что тратишь силы, нервы, находишь оправдание. Но вот мысль поднялась чуть выше твоих дел, оглянулась — и все распадается, концы с концами не сводишь. Тогда и в «ноль тридцать пять» не уснешь. Думаешь, а не бросить ли все, не уехать ли далеко-далеко или не поступить, например, в театральный, на режиссерский. И там, как говорится, по терниям — к звездам. А на земле — гори все голубым пламенем.

Но проклятые чувства берут верх над рассудком. Если твоя голова не будет пухнуть от замыслов на следующее лето, кто выдумает палаточное царство Робин Гуда в тайге? Ты не поможешь идеологии шагнуть со сцены прямо в зал, где притихли желторотики и истово ждут ответа, как быть, кем быть — кто же? Хорошо, ты уйдешь, а в твое кресло сядет или серый исполнитель, или холодный умник, у которого куча современных идей, но нет ни грамма трепета...

Тут мы и оставим Германа Черного с его мыслями, какие кому-то покажутся слишком вольными, с его душевной перестрелкой. Пусть это нас не страшит. Страшнее другое — грех безликости, крамола бездействия. А Герман, я уверен, на рельсы ляжет, если придется, чтобы успеть погрузить в поезд жизни свои идеи, страсть, сомнения.

У всех книжек, подобных этой, есть одна трудность. Они написаны про живых людей, а у живых — что ни день, то какие-нибудь перемены. Пока книжка не сдана в набор, надо в нее вписывать новые строчки и абзацы, чтобы поспеть за жизнью.

Вот последние новости о Германе Черном. Его избрали первым секретарем горкома. Но повышение в должности не отделило его от ребят. Он взвалил на себя еще одну ношу: стал «адмиралом» речной флотилии «Альбатрос». На выстроенных своими руками «кораблях» уссурийские «пятнадцатилетние капитаны» спустились вниз по течению реки Суйфун и вошли в Амурский залив Японского моря. «Сразу же попали в шторм, — пишет мне Герман. — Всех укачало (риск сумасшедший, я чуть не поседел — хорошо, что на моей голове это не отражается), но ребята были в восторге...»

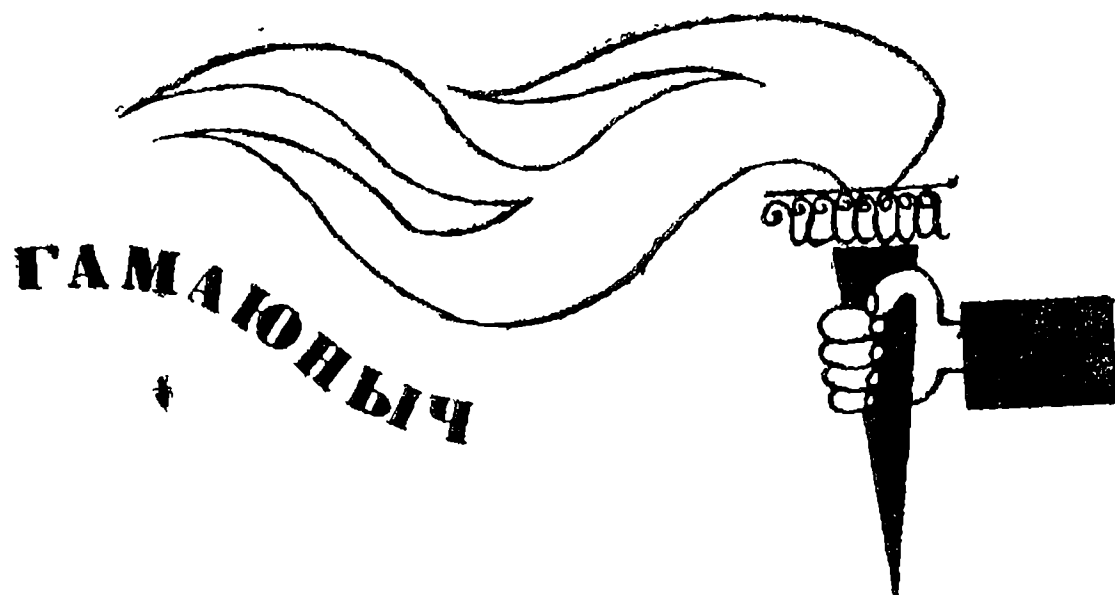
Секретарь горкома комсомола спешит сделать то, к чему почти не притрагивались его предшественники, лихорадочно расширяет фронт работ с мальчишками и девчонками своего города. В этой торопливости его великая забота о них. Но в ней и слабость его. Большой размах не дает Герману спокойно осмыслить все начинания. Он пока что полагается на свой энтузиазм, тонкую, но все же лишь интуицию. На том и другом далеко не уедешь. Кажется, это Герман сам начинает понимать.

«Хочу собрать вокруг горкома людей, которые бы работали на перспективу», — сказал он мне в Москве, куда вместе со своей хоккейной «Ракетой» прилетел добывать «Золотую шайбу».

Но главное, с чего и начинается «ребячий комиссар», он понял: перед лицом комсомола и педагогики все дети, трудные и легкие, равны и каждому из них надо давать по потребностям...

У Германа много общего с героем следующего очерка, Гамаюновым. Оба они — люди, не знающие, что такое усталость, когда речь идет о детях.

Но Гамаюнов постарше и поопытнее. У него есть стремление работать и вширь и вглубь.

«Я знаю среди них хвастунишек, рыцарей на час, проныр... Что тут делать? Топнуть ногой, «разделатъ под орех» на собрании?» *(Вопрос, на который еще не все нашли ответ.)*

Давно я слышал, что у горловских ребят есть большой друг Гамаюныч. Не правда ли, одно диковинное имя тревожит воображение?

Сидит на завалинке улыбчивый добрый дедушка, живая легенда. Непременно участвовал в русско-японской войне. Кавалер всех орденов, тело покрыто боевыми шрамами. Ребята, слушая его баллады, смиренно сидят, благоговейно опустив головы.

Но вот он сам. И ничего в нем нет от традиционного ветерана. Ни медалей, ни боевых шрамов. Его смуглое продолговатое лицо скорее замкнуто,

чем добродушно. Над высоким лбом математика — копна пышных, модно подправленных волос. Когда познакомились, снял очки (как у всех близоруких, глаза стали диковатыми, детски растерянными) и сказал: Гамаюнов, Володя.

Ему двадцать семь лет, женат. Работает в горкоме партии. Заведует кабинетом экономики и техпрогресса. Ездит по заводам, спускается в шахты, привлекая на свет божий жемчужинки изобретательской мысли. Переворачивает горы технической литературы. Выступает с лекциями... Все это делает Владимир Гамаюнов.

А цель моей командировки — Гамаюныч.

Ни обличем, ни родом занятий он не может возбуждать острого любопытства ребят. А вот поди ж ты: когда в одном классе проводилась комсомольская анкета, на вопрос «на кого бы ты хотел походить?» почти все ответили: «На Володю Гамаюнова». Девчушка-восьмиклассница бросается с кулаками на верзилу, посмеявшего непочтительно отозваться о Гамаюныче.

В чем тут дело? Может, в его способности отдавать им себя без остатка? Действительно, дружит он с ними, не поглядывая на часы. По какому-то беспроволочному телефону узнает, где, по какому поводу собираются ребята. И приходит жданным гостем. И сидит до тех пор, пока кто-нибудь из них не вспомнит о расписании работы городского транспорта. Он «замполит» городского совета старшеклассников при горкоме комсомола. У совета суровая, для семейных людей не очень удобная традиция — собираться по воскресеньям. Ни одного заседания Гамаюныч не пропустил. Точно так же, как

ни одно совещание, посвященное работе среди подростков, не проходит без него.

Сбросив пиджак, передает по цепочке кирпичи, вместе с ребятами распевает их любимые песни во время субботника на ударной стройке. Стоит в защите футбольных ворот, предусмотрительно отдав жене очки. Наскоро поужинав, закатывает брюки до колен и мчит на велосипеде в пригородный совхоз, где расположился лагерь труда и отдыха горловских школьников.

Я попал на очередное заседание совета. Продолжалось оно, как и все предыдущие, до полуночи. Повестка: разбор заявлений желающих поехать в Братск, в выездной лагерь труда и отдыха.

Многие заявления нельзя было читать без улыбки. «Родители не согласны, но я их уговорю!» (Наташа Куцова). «Взываю к вашим чувствам. Хочется взглянуть жизни в лицо в таежных условиях. Хочу испытать себя в деле. Родители сознательные, не возражают» (Валерий Стесенко). «Если возьмете, то не пожалеете!» (Вера Семенченко). Святая искренность вперемежку с невинным плутовством...

Гамаюныч, зачитывая заявления, был серьезен, словно речь шла о чьей-то жизни. Просил ребят не рубить сплеча.

— Представляете, как будет обидно, например, Наташе, если она уговорит родителей, а мы ее не возьмем, — тихо сказал он.

Поедут в Братск всего сорок ребят, а заявлений около тысячи. Кого-то обидеть все равно придется. И, несмотря на совет Гамаюныча, кандидатуру Наташи отводят в первом туре голосования. Его это нисколько не смутило. Снова, теперь гораздо про-

страннее, начинает рассуждать, почему Наташу все-таки стоит взять в Братск.

Уж не помню, победила его точка зрения или нет. Но вот что меня поразило: среди вертлявых, мгновенно вскипающих юнцов сидел застывший, с глубокой усталостью в наклоне головы человек. Но стоило ему поднять голову — и иллюзия усталости исчезала. За блеском стекол его очков не так трудно было разглядеть молодой смеющийся вызов: все равно вы, братики мои, будете на лопатках...

Только одним он как будто и занят: чего бы это ему ни стоило, но доказать, что энергии и плеска юности в нем не меньше, чем в них.

Боюсь, уже наскучил примерами самоотверженности Гамаюныча. И заранее согласен, что никогда настоящая дружба не измерялась количеством затраченных на нее часов. Право же, ребятам меньше всего нужны жертвы. Если бы взрослые бросили все свои дела и занимались только подростками, наверное, это было бы такой же бедой, как и полное равнодушие к подросткам.

Однажды я уже встречался с человеком, казалось, столь же преданным ребятам, как и Гамаюныч. Это была молодая учительница. Везде: в гороно, школе — о ней отзывались наилучшим образом.

И вот мы сидим с ней в пустой учительской. Разговор почему-то не клеится. Вдруг моя собеседница с жаром, не стыдясь нечаянного взрыва чувств, разрыдалась.

— Ничего у меня не получается! Кто бы знал, каким напряжением мне дается эта благополучная картина... Да, из-за них я стала заядлой туристкой, хотя у меня ребенок, и в театр я больше люблю хо-

дить, чем в походы. Знаю, у кого из них дома есть письменный стол, а кто занимается на кухне. Бьюсь изо всех сил, чтобы у них собрания проходили живо... И вот вам результат. Они меня не любят. В походе забираешься на какую кручу им вздумается. Сердце вот-вот выпрыгнет. А в глаза им посмотришь — в них жалость...

Может быть, она уже сама поняла, какими добрыми намерениями вымостила дорогу в ад душевных терзаний. Но вот какой вывод вроде бы напрашивается из этой педагогической драмы: чертовски привередливый народ эти подростки. Что им ни подавай — все мало. Чем же тогда особенным угодил им Гамаюныч, если ребята, увидев его у школы, не то что взглядом — во всю звонкую мощь своих легких выражают и уважение и любовь к этому человеку?

Нелегко разгадывать такие загадки. Капризы ребячьей привязанности надо изучать годами. Давайте посмотрим на Гамаюныча глазами ребят. Не ручаюсь за стенографическую точность записанных разговоров. Но за точность мысли ручаюсь.

В а л я Ч у п р у н о в (уже не школьник, работает на заводе):

«Он еще когда на шахте работал, был в нашей школе вожатым. Смотрим, какой-то парень, на профессора очень похожий, с пионерами возится. Ну, и нам, уже здоровым лбам, стало завидно. У малышни есть настоящий взрослый друг, а у нас нет. А к кому пойдешь? Учителям мы и без того все нервы повыдергивали. Те же, кто приходил к нам и говорил, что прикреплены к школе от такой-то организации, почему-то быстро откреплялись...

С Гамаюнычем получилось, что ни мы, ни он к нам не навязывались. Он подарил нам идею — создать при школе клуб старшеклассников «Факел». Мы за эту идею руками и ногами. Объяснил, что будем работать, как сами захотим. Оркестр? Пожалуйста. Диспуты? Сколько нам угодно. И сказал, что он сам в клубе будет тем, кем назначим. Сначала думали: вот строит демократа! А когда увидели, что он, как и мы, переживает перед концертом, в щелочку подглядывает, много ли ребят пришло, думать об этом перестали.

Как нам стало хорошо жить! Столько друзей появилось у каждого. Говорили о цели жизни, призвании, любви. Гамаюныч-то это все уже прошел. А все равно толковал наравне с нами. Словно заново все хотел понять. Очень жаль, что «Факел» недолго просуществовал!»

«Лорка Севостьянова! Вот кто вам нараскажет про Гамаюныча интересных историй. Она в нем души не чает», — посоветовали мне в пятой школе.

Лариса: «Он удивительный человек. А доказать это, наверное, не смогу. Все в нем, как подумаешь, просто и обычно.

Вот мы сидим на совете и решаем, как провести воскресник по закладке сквера. Все, кажется, предусмотрели. Только на вопросе о лопатах споткнулись. Где их взять? Каждый приносит с собой? Не хорошо лезть с ними в трамвай. А самое главное, ведь договорились: лопаты будут вручаться на месте, торжественно, как оружие. Ну и спорим. Все предложения проваливаются одно за другим. Гамаюныч молчит. Требуем, чтобы он высказал свое

мнение. А он: «Вы подумайте еще немножечко...» Поправил очки, улыбнулся в кулак, и все.

Опять думаем, спорим. Уже охрипли, да и по домам пора. Наконец ставим вопрос ребром: что предлагает «замполит»?

— Лопаты можно взять в «Зеленстрое».

Тут мы возмутились. Это же форменное издевательство! Почему молчал раньше и так затянул заседание?

— А я хотел, чтобы вы сами до всего дошли. И вы почти правильно решили...

Хитрый, знал, что мы без его «немножечко» сидели бы до утра.

Но мы иногда идем против него. Например, проводили маевку. Хотели, чтобы все было, как у первых революционеров. С костром, ночевкой в поле. Погода была холодной, и Гамаюныч, понятно, боялся за нас. А мы ничего не боялись. Проголосовали за ночевку. И спрашиваем его: ну как, остаемся? Разозлился. Говорит, проголосовали, значит, остаемся...

А вышло, как он предсказывал. Все околели от холода. Мальчишки перецапались между собой. Кто-то кричал, что мы скатились в болото стихийного большинства, зазнались. Гамаюныч сидел у костра и молчал...»

Если Саша Полищук скажет «да», Гена Уваров говорит «нет». И наоборот. Я не открываю никакого секрета. О поединке характеров этих мальчишек в 68-й школе все знают. Но поразительное согласие воцарилось между ними, когда они заговорили о Гамаюныче.

Саша: «Что мне больше всего в нем нравится?

А то, что ему нравится быть с нами. Не просто среди нас, а с нами. Помню, как мы, горловские, собрались в гости к комсомольцам Красного Луча. Уже сидим в автобусе. И вдруг видим: Гамаюныч идет!!! Прямо с поезда — в командировке был — и с нами поехал. В тот вечер я набрался храбрости и спросил: и как это, Володя, на вас жена не восстанет?

Он засмеялся и сказал: «Она у меня политически грамотная...»

Гена: Сашка правильно говорит: Гамаюныч с нами не играет. У него к нам все серьезно. Он хотя и старше нас, и все мы знаем, что пешки против него, но как-то он так ведет себя, что мы забываем об этом.

Саша: Как он умеет верить в нас! Если говорить откровенно, то я в совет старшеклассников пришел только для того, чтобы вместе с ними на сбор в Киев съездить. Потом сознался во всем Гамаюнычу. А он на это мне ответил: «А я все знал...»

Спросите, чего я сейчас больше всего боюсь? Как бы его куда-нибудь повыше не забрали. Что мы тогда будем без него делать?

Гена: Сашка, не надо быть эгоистом. Если заберут, так для пользы людей».

И тут они снова схватились. Но поединок теперь шел за то, кто лучше и точнее обрисует портрет Гамаюныча.

И еще один факт из биографии Гамаюнова.

Полгода назад, когда идея о «трудовом десанте» в Братск только забрезжила, возник вопрос: как ехать туда, не зная, где придется жить и что делать? Всем стало грустно: не вышло бы авантюры...

И вдруг встает Валерка Быков, а за ним Миша Цуканов, оба десятиклассники, и храбро заявляют: едем туда на разведку, устраиваемся работать, поступаем в вечернюю и готовим «десант» к приему...

Все сначала остолбенели, потом зашумели. Глубокой зимой, в немыслимую сибирскую даль, два щупленьких мальчишки!..

Гамаюныч молчал.

Через слезы, уговоры, угрозы родителей поехали. А через два месяца за ними — еще двое. И мерзли, и мотались по частным квартирам, и брали приступом неприступные кабинеты. Все что нужно сделали. И ни разу не телеграфировали «SOS!».

Вот так коротко об этой истории, достойной вести.

Только почему, спросят меня, надо ее считать фактом из биографии Гамаюнова? Он же молчал...

Потому и поехали, что молчал. Он терпеливо ждет, когда наступит высший момент воспитания — без подсказки, понуканий, без щедрых авансов подростки, почти дети, идут на то, на что не все взрослые способны.

У меня и сейчас стоят в ушах слова Саши Полищука, которые он сказал тоном глубокого изумления:

— Как он умеет верить в нас!..

А может, все их восторги пройдут, как проходят с годами веснушки? И останется в памяти Гамаюныч — добрый гений, забава их еще во многом детского самолюбия.

Но вот любопытная деталь дружбы двадцатисемилетнего с шестнадцатилетними.

Петя Лазаренко (77-я школа): «Может, это плохо, но мы его иногда критикуем. Например, научили коротко говорить. А то как закатит часа на полтора... И вообще с ним можно не соглашаться. Не то что просто разрешает тебе спорить с ним, а будет тебя презирать за постоянное поддакивание...

А знаете, как это хорошо, как это заставляет уважать взрослого, если с ним можно, не боясь последствий, спорить.

Витя Марач (та же школа): А то ведь бывает так. Опоздал на урок физики — двойка по физике. Кто-то из ребят возразил — садись, двойка. «А за что?» — удивился третий. И тоже получил двойку. Не всякий взрослый терпит возражения.

Петя: Гамаюныч не просто разрешает спорить. Ему самому интересно наше мнение. При нем захочешь промолчать — не выйдет.

Витя: До сих пор не понимаю, почему он пошел в горный, а не в педагогический!»

Теперь вслушаемся в то, что говорит уже знакомый нам Валя Чупрунов: «Когда я пришел на завод, то как будто ослеп: ничего хорошего не вижу. В школе было одно. А тут, смотрю, один брак за первый сорт спихивает, другой головы бесплатно не повернет. И вот иду в горком партии, к Гамаюнычу. Мы с ним всегда были откровеннее, чем даже с родными. Потому что он откровеннее был с нами, чем они. Не помню случая, чтобы он не ответил на какой-то вопрос. Даже на такой, от которого другие взрослые бледнели или начинали кричать, что у тебя еще нос не дорос, чтобы судить о таких вещах... И вот выкладываю ему все начистоту.

— А ты, Валя, не спеши с выводами, — сказал он. — Присмотрись лучше. Я, когда после института на шахту пришел, тоже, как и ты, переживал. По-немногу разобрался. Хороших людей оказалось больше...»

И все же мне хотелось знать спокойную, без крайностей правду о Гамаюныче. За «золотой серединой» пошел к взрослым. Удивительно: взрослые говорили о нем с юношеской пылкостью. Учителя, комсомольские работники без тени профессиональной ревности признавали в нем великолепного воспитателя. Рассказывали, как в его руках безнадежные тихони становились главными ораторами на диспуте, способные зазнайки — скромными работягами.

Получалась картина воспитательного чародейства. Гамаюныч пришел, увидел, победил... Постойте, тогда почему же о «Факеле» — первой искре дружбы взрослого с подростками — Валею Чупруновым было сказано с таким глубоким сожалением?

Гамаюнов: «Тут вот в чем дело. Клуб просуществовал недолго, потому что его закрыли. Один руководитель той школы признал его вредным. Сказал, что «Факел» разжигает не те страсти, какие нужно: ученики стали слишком много рассуждать, увлекаться модными танцами и т. д. Мне было предъявлено обвинение в том, что подрываю авторитет учителей, преследуя какую-то выгоду.

Я не стерпел напраслины и ушел. Можешь расценивать это как отступление. Временное. Но дал себе слово: помогать хорошим учителям и подрывать «авторитет» плохих, действовать против угнетающей опеки методом от противного. Не ясно? По-

нимаешь, для малышей еще нужна какая-то «конфетка»: пообещать им что-нибудь за хорошее поведение. А этим ребятам достаточно, чтобы взрослый хотя бы кивком головы одобрил их первую самостоятельную мысль, поступок. Если его нет рядом с ними, они теряются. Я бы назвал это неуверенностью возраста.

Послушай, как дальше события развивались. Заккрытие «Факела» привело ребят в отчаяние. Ведь они впервые дерзнули, поверили в себя. И тут им сказали: зачем выдумывать новое?! Но они решили возродить «Факел», теперь в городском масштабе. «Тайно», потому что обожглись. И вот в двух шагах от шумной улицы, в сквере, собирались и полусшепотом обсуждали, как и с чего начать. Меня, по старой памяти что ли, тоже пригласили. И что же? Ничего они так страстно не хотели, как чтобы в их школах клокотала беспокойная, деловая, яркая жизнь. Им надоело нудно пилить друг друга за двойки, заклинять на собраниях скуку, выходить на воскресники по объявлению «явка строго обязательна». Им больше нравилось заканчивать собрания остроумными «похоронами скуки», высаживать «трудо-вые десанты» на стройках, совхозных полях. И они хотели, чтобы не кто-то, а они сами творили этот бодрый, неповторимый ни в каком другом возрасте стиль жизни. А когда их поддерживали горком партии и горком комсомола, они буквально прыгали от радости, ночами не спали, готовясь к комсомольскому форуму или к отъезду в лагерь труда и отдыха.

В Горловке они не какие-то особенные. Я знаю среди них хвастунишек, рыцарей на час, проныр.

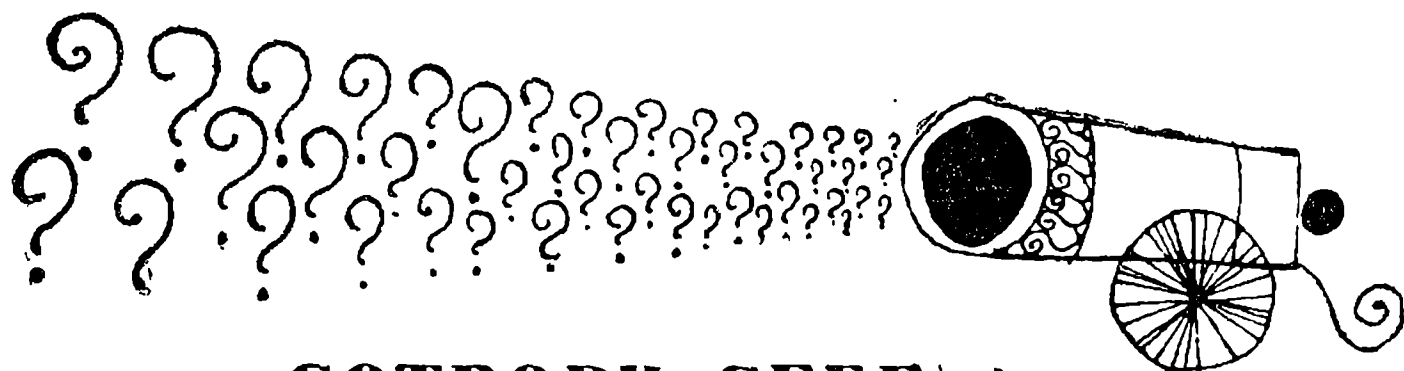
И все это написано на их лицах — таких бесхитростных, пронизываемых! Что тут делать? Топнуть ногой, «разделаться под орех» на собрании? То, что у них снаружи, может уйти вглубь, затаиться. А по-моему, мальчишку лучше поставить в такое положение, чтобы он сам понял, как для него же вредны, невыносимы ложь, лень. И сам признался в этом вслух.

Откровенно говоря, я не верю, когда о взрослых друзьях ребят говорят как о неисправимых добряках, благодетелях. У меня были моменты, когда уставал, был зол. Жене давал слово, что следующий отпуск проведу с ней и сынишкой. И кажется, ни разу не сдержал своего обещания. Сказать, что с ребятами отдыхаешь душой, это еще не все сказать. С ними хорошо сохраняешься. Может быть, не всегда признаваясь себе, учишься у них относиться к жизни молодо, весело...»

Если попытаться нарисовать «иерархическую лестницу» горловского совета, то «ребячий комиссар» окажется не на верхней ее ступеньке, а где-то в центре. Это самое правильное положение — быть не над детьми, а быть рядом с ними, среди них. Роль старшего человека в коллективе ближе всего к обязанностям режиссера. Сам на сцене не играет, но ходом пьесы руководит.

И хоть «ребячьи комиссары» работают, как правило, не в школах, никто не сказал, что находки «дворовой» педагогики в школе не ко двору. Нет, среди учителей встречаются такие, что ломают обычные представления об учительском труде. Всем образом жизни, манерой обращения с учениками они, сами того порой не подозревая, бросают вызов ремесленничеству, тусклому урокодательству.

И это тоже десант в педагогику.

СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА

— Какую же вы тогда отводите роль учителю?

— Во всяком случае, не роль наседки... *(Неожиданный поворот разговора.)*

Признаюсь, никогда я так не робел перед бумагой, как в этот раз. У нее, бумаги, вдруг появились глаза. Голубые, черные, умные, наивные. Но все с тревогой на меня взирающие.

Приехал журналист со своим спешным пером собрать материал об их любимом учителе и лучшим старшем друге Роберте Петровиче Уёмове. А что нужно журналисту? Немного фактов, пару сравнений, чуть-чуть сиропа... и им будет очень стыдно перед Робертом Петровичем.

«Он среднеарифметическое между учителем и учеником». Володя Яковлев, поэт и боксер

из 11-го «А», и глазом не моргнул, выдав ему эту заковыристую, не очень уж теплую характеристику.

Как, как? Среднеарифметическое? Остальные мои собеседники из других «А» и «Б» переглянулись. И тут же все согласились. Володька в самое яблочко попал!.. Но, набрасывая словесный портрет Роберта Петровича, они скоро забыли, что говорят не о ровеснике.

— Куда мы, туда и он...

— Ему что ни скажи, он могила!

— Только попробуйте написать о нем в таком стиле: он немолодой человек, но с молодой душой... Мы забываем, что он старше нас в два раза...

Даю им клятву, что «молодой души» не будет, и слушаю дальше.

Оказывается, Роберт Петрович, как в чем-то не успевающий, может честно сказать: «Я не знаю...»

И если ему хотят выложить всю правду в глаза, говорит, краснея, свое любимое: «Валяйте...»

И когда с его мнением кто-то не согласен, воинственно щурит глаза: «Спорим?»

Послушать их, так семейный человек Роберт Петрович безвылазно живет в школе. Исправно разносит по классам пригласительные билеты на КВН. Часами сидит на «огоньках» и вместе с ними поет, философствует. Гримирует артистов из драмкружка. И если какая-нибудь самодеятельная «прима» закапризничает, он, режиссер, уговаривает ее взять себя в руки.

В учительскую после уроков если и заходит, то только накинуть пальто. И с оравой школьных искусствоведов шествует на концерт. А порт-

фель свой раскрывает лишь потому, что всегда в нем носит кеды. Роберт Петрович, видите ли, ни одну игру в волейбол на школьном дворе не пропускает. «Играет он не очень чтобы... — снисходительно замечает местный «забойщик». — Но в защите ничего...»

Смотрю на них с любопытством и вслух думаю: во что же они ставят его уроки! А весь класс на разные лады кричит:

— Да разве это уроки? Чистый отдых. Спорим, формулируем...

И уже с чуть заметным смущением признаются: мы его после урока часто просим провести еще один урок. Он смотрит на часы, а они жалостливо: «Ну, Роберт Петрович, пожалуйста!» Потом он попадает в засаду десятиклассников. Тем, оказывается, просто невтерпех знать, что думает «Ну, Роберт Петрович» о джазовой музыке, а еще об игре Смоктуновского.

Где-то уже к полуночи он вспоминает, в каком классе оставил свой портфель. И, старательно обходя блюдца луж, эти светлые глаза здешнего горкомхоза, добирается к своему дому. А у подъезда, с ноги на ногу переминаясь, его уже поджидает фигура, сутулая от какой-то великой полночной заботы. Голос, знакомый по бойким, незадумчивым ответам на уроках, и не узнать. Теперь он срывается от волнения:

— Роберт Петрович, можно вам задать один вопрос?

— Страшный?

— Личного порядка.

— Ну, валяй...

Фигуре что? Она потом, воодушевленно шлепая по лужам, пойдет осмысливать сказанное. А в окошке квартиры Роберта Петровича будет гореть свет. До тех пор пока звездный циферблат не накренится к глубокой ночи. У Роберта Петровича в портфеле, кроме кефов, есть еще непроверенные тетрадки, нераспечатанные письма.

«Нам бы такую усидчивость!» — завистливо вздыхали старшеклассники. И тут уже начинали склонять свои «среднеарифметические» восторги в пользу Роберта Петровича — учителя.

* * *

По школьному кабинету, снятому нами для разговора с глазу на глаз, неторопливо расхаживал со вкусом одетый, надменно-красивой наружности человек. Голова у него была почти совсем седая, и это выгодно подчеркивало молодость его лица и глаз.

— Поверьте, лично мне неприятно, когда с учениками носятся, заигрывают, — говорил он, слегка окая. — Иногда слышишь: «Мальчики, на вечер придете? Понимаю... Вы хотите прийти не одни. Ну что ж, это лучше, чем где-нибудь на стороне...»

Ничего для начала, подумал я про себя, несколько обескураженный иронией собеседника. А тот вежливым, но решительным жестом отстранил незримого оппонента и продолжал:

— Нет, я против того, чтоб принимать их такими, какие они есть. Иначе придется признать, что мы, учителя, для них уже ничего не значим. Вот я на уроке рассказываю о тех, кто погиб за нас,

А ученик в это время демонстрирует соседке свои комические таланты. Скажите, как мне тут поступить?

— Поднимаете и стыдите? — ушел я от прямого ответа.

— Поставив по стойке «смирно», руки по швам? Извините, но такими приемами не пользуюсь. Они уже вышли из возраста «ванек-встанек». И прекрасно сознают, что не какие-нибудь «винтики». Но иногда, как этот остряк, воображают себя свободно движущимся телом, ни с чем и ни с кем не связанным. Я прошу его покинуть класс. Пусть походит по коридору, сам поработает головой...

Все-таки, мысленно спорю с ним, школьный коридор еще никого не перевоспитал. И вслух спрашиваю:

— Какую же вы тогда отводите роль учителю?

— Во всяком случае, не роль наседки. Если выполнить все рекомендации, так мне надо день-деньской обивать пороги квартир своих учеников. Заботиться, чтобы они по утрам делали физзарядку. Уговаривать пьющего отца не пить. Лезть в душу мальчику Пете и выведывать, не являются ли его двойки результатом ужасной ссоры с девочкой Леной... Не надо все валить на учителя. Днем он ведет борьбу за знания, дисциплину, а вечером — с ошибками в тетрадках...

Я ничего не понимал. Передо мной стоял величественный, сверхзанятый, недоступный учитель. Именно тот, кого ребята многих школ ждут не дождутся, когда он к ним снизойдет. И пока он торжественно исправляет их грамматические ошибки, они без него совершают жизненные.

Было над чем подумать. За что же в него влюблены все ученики? Может, в их отсутствие он совершает какое-то душевное переодевание?

И тут я вспомнил слова Саши Морозовой из 10-го «Б»: «Он человек особенный. Сразу может и не понравиться...»

* * *

Верно, вначале грезился прописной ребячий хороводник. Но вот состоялся разговор в кабинете. И образ (а может, схема?) лучезарного добряка неудержимо расползлся. Лишь потом, наедине с блокнотом, пришлось распутывать клубок самых противоречивых впечатлений и выводить истинный узор человека.

Запомнился его урок обществоведения. Тема, кажется, была: связь теории с практикой. Говорил Роберт Петрович тихо, даже как-то нехотя (потом узнал: это он больные голосовые связки раскачивает). Но через несколько минут в классе уже кипели полемические страсти. Атаковался Генка Васильев с его озорной аксиомой: теоретический человек чище! В пику ему Валерка Семешкин обливал ядом презрения «хилых книжников».

Предчувствуя звонок, Роберт Петрович говорит «стоп». И тут он сшибает лбами Васильева и Семешкина, а потом, гвоздя блистательной логикой и неведь где раскопанными примерами, разбивает обоих в пух и прах.

— На следующем уроке, — раскатисто звучит его голос в зачарованной тишине класса, — поговорим о главном недостатке современной школы...

Больше, чем с другими классами, он натерпелся с этим.

А другие педагоги наплакались. Вбегали в учительскую, хватались за голову: «Нет, такими в их годы мы не были...» Ничего не скажешь, знаменитый, с перчиком был класс. В итоговых докладах он упоминался обычно там, где оратор, горестно помолчав, приступал: «Однако в нашей школе...» Росли в нем тайные курильщики и явные двоечники, буйные срывщики уроков и злорадные молчалники на собраниях. Не помогали ни вызовы родителей, ни куплеты сатириков из пионерской дружины. Загадкой для всех оставалась их жуткая сплоченность. Не захотят работать на картошке под руководством учителя — и тот, проклиная свой жребий, едет с докладной к директору.

Им, конечно, было все равно, что историю и обществоведение у них будет вести новый учитель, «некто Уёмов». На все попытки «Эр-Пэ» (Роберта Петровича то бишь) найти общий язык передние и задние парты отвечали дурашливым великовозрастным прысканьем.

Жуйте, Роберт Петрович, жуйте! А мы проглотим. Учитель рассказывает, ученик слушает. А эти штучки — «ваше мнение», «давайте поспорим» — мы уже знаем. Скажешь что-нибудь непрограммное и потом доказывай на собрании, что ты не слон. А вы лучше расскажите нам, какими лично вы были, когда учились. Поведайте нам о том времени, когда и цветы пахли приятнее и сомнений никаких не было... Что? Остаться после урока и поговорить об искусстве? Это в нашем-то городке, где ни опер, ни галерей? Нет, Роберт Петрович, мы очень сильно

устаем. Сами же читаете в газетах о перегрузке бедных деток, которым очень некогда...

Статую и ту бы вывели из себя их притворные вздохи, ехидные переглядки. А «Эр-Пэ» умел так увлекаться неожиданно подвернувшейся темой, что к звонку растерянно бормотал: «Ну вот, я, кажется, сорвал урок...» Чистокровный гуманитар, о странных свойствах материи он рассказывал им куда интереснее, чем физик на уроке физики. И, бередя их периферийную приниженность, говорил с ними, как со знатоками, о голосе несравненной Ренаты Скотто.

Никакая эрудиция не помогла бы ему найти с ними общий язык, не будь он с ними искренен до конца. «Эр-Пэ» не ждал, когда они осмелятся задать ему вопрос из серии «страшных». Сам поднимал с места, и паясничавший умник вставал, глядя исподлобья, говорил: «Хорошо, я отвечу. Но без последствий?»

Пожалуйста, не стройте из себя всезнаек. В ваши годы вы могли бы уже больше понимать. Но когда-то вас отучили спрашивать... Вот вы и пыжитесь со своим полужнанием.

Вопросы, вопросы!.. Они становятся страшными, когда на них боятся отвечать. Вдруг почти двухметровые мальчики все не переварят? И тогда жди расстройства ученических мозгов.

А они все поймут! У них взгляд на мир чище и добрей, чем у нас, взрослых. И объяснять им все надо лучше, мужественней...

Он сам накликал на себя бурю их любознательности. Той, что только для «могилы». Оказалось, рано постаревших ироников жгуче интересуется, бы-

вает ли любовь с первого взгляда, с чего начинается поэт — с радости или страдания. Они подстерегали его, где только могли, со своими роковыми тайнами и внезапными открытиями. Другой бы давно осатанел или заготовил впрок ласковые штампы. А он, черпая из какого-то бездонного кладезя свежие слова и чувства, готов отвечать всегда. Даже когда в кармане лежит телеграмма и надо срочно ехать к больному отцу.

Они всегда немного эгоисты. Им кажется, что мир только для того и создан, чтобы открываться им. Но Роберт Петрович не хочет разрушать эту их счастливую иллюзию. Ту, которая сделала Левушку Львом Толстым, привела Колумба в Новый Свет.

И вот они, перегруженные детки, торопясь заслужить его доверие, пишут сочинения по обществоведению, доклады о кибернетике. Не зная нотной грамоты, самоотверженно берутся руководить духовым оркестром.

Зачем ему, завучу младших классов, имеющему несколько часов в старших классах, вести себя как будто он освобожденный вожатый? Из этого сдержанного, архикорректного человека мне удалось (почти что клещами) вытащить всего только: «Это помогает работать...» И вообще он счел мою командировку чистым недоразумением. Уверял, что в обращении с ребятами он-то как раз суров и иногда резок. И не со всеми одинаков. Есть среди них серьезные ребята и есть серьезничающие. Последних он не любит.

А если что-то делает для старшеклассников, то только уступая их просьбам. И уж не знаю от

скромности или гордыни, считает, что их любовь и наивна и недолговечна. И говорит, что не обольщается этой любовью.

* * *

Иному баловню столичной жизни учитель Уёмов может показаться неглупым, занятым, но постным человеком. А в чем-то даже консервативным.

Во всем он верен себе — в величавых манерах, щепетильной пунктуальности, вкусах. Часами может говорить о Чайковском, Шаляпине, Левитане. Но уклоняется от споров с учениками о джазовой музыке. Брезгливо относится к фильмам, где в любви объясняются с сигаретой в зубах. А вот на «Гамлета» просто обязал сходить, заранее пообещав, что на уроке никого не спросит.

И в стиле преподавания тоже ровен, не устраивает гонок за модными педагогическими изюминками. Разрешая спорить, последнее слово оставляет все же за собой — хорошо, когда ученик умеет мыслить, но и слушать он тоже обязан.

Однажды к нему на урок приехало сразу одиннадцать инспекторов. Некоторые из них имели научные степени, заведовали кафедрами. Кое-что в его методике им не понравилось. Уёмов, вежливо склонив голову, выслушал их. Но согласился только с одним замечанием, а остальные девять категорически отверг.

— Да, горд ваш Уёмов! — сказали на прощание директору школы обиженные инспектора.

Есть в нем прочный стержень, который не гнется, не кланяется перед ветрами и поветриями вре-

мени. И кажется, как начало воспитания, таким академичным человеком и должен быть учитель. Он ведь готовит не на сегодня и завтра, а навсегда. В нем есть ровный свет, и он светит своим питомцам через толщу лет, когда его уже давно нет с ними. Осторожно, но упрямо он делает им прививки трудолюбия, отзывчивости, благородства. Того, что не подвергнется инфляции никогда, к чему остальное приложится.

Я попробовал было испытать их любовь к нему планами выпускников. Так и мнилось, что все они спят и видят себя на стезе своего кумира. А потом понял, что это и наивно и книжно. В жизни же всего несколько человек думают идти в «пед». Одна девочка, вся обмерев от вопроса, ответила:

— В учителя? Чтобы мучаться, как он? Нет!

Высшая оценка учителю может выставляться и коленопреклоненным страхом перед его крестом. Он, с туманом недоспанных ночей в глазах, донашивающий голосовые связки, всегда будет для них притягательным образцом счастливого самоотвержения. И, глядя на них, бегущих к Роберту Петровичу на переменках, думаешь: как нелишне идеалам, даже самым верным, быть еще и живыми.

Сейчас выпускники тянутся мечтами к вычислительным машинам, фонтанирующей нефти, летным училищам с дальним прицелом на космос. И очень скоро в расчете на удачу они разлетятся кто куда, стремясь подняться как можно выше. А внизу, как в кинокадре, снятом с вертолета, в солоновато-горьком вихре ежегодных расставаний останется и будет делать свое дело их «Эр-Пэ», человек, который учит.

Как воспитывать и кто воспитывает... Пожалуй, это основные вопросы педагогики. И хотя они одинаково важны, как две стороны одной качели, следует признать, что вопрос «как?» беспокоит наши умы сильнее, чем вопрос «кто?».

Посмотрите: газеты и журналы наперебой обсуждают формы и методы классной работы, идейного, эстетического воспитания и т. д. Со всем жаром изучается опыт образцово-показательных школ, лучших домов пионеров. Но поразительно, точно расписанный механизм методики, применяемый в одной школе, не срабатывает в другой. Например, «бои ораторов», придуманные в Горловке, в других местах выродились в бессмысленную словесную потасовку. Подобное случилось с «трудовыми десантами», когда они вышли за пределы лагеря «Орленок», где эта форма оправдала себя с блеском.

И тогда опыт, на самом деле хороший, ставится под сомнение как не вполне достоверный или даже вредный. Снова педагоги, воспитатели ищут другие ключики к сердцам подростков. И вот у иного целый набор методических отмычек, а ни одна из них не действует.

Не слишком ли сильно мы раскачиваемся в одну сторону? Никакая хитроумная методика, никакие изощренные педагогические приемы не дадут нам избавления от скуки и формализма, мучительной для де-

тей атмосферы голого назидания, если, изучая какой-то опыт, мы с тем же усердием не изучим того, кто этот опыт вызвал к жизни.

Не в методике, а в человеке часто содержится причина горьких недоразумений, связанных с заимствованием опыта воспитания. К сожалению, иногда забывается одно из правил педагогики, которое звучит, как аксиома: данная методика требует данный тип воспитателя. То, что великолепно получилось у вожатых «Орленка», у других воспитателей — и вовсе не потому, что они были плохими, — не получилось.

Из каких качеств складывается личность воспитателя, призванная стать живым идеалом наших ребят, способная к творческому усвоению накопленного опыта? Это непростой вопрос. На конгрессе психологов, что недавно состоялся в Москве, один ученый докладывал о результатах анкеты «Какого учителя ты любишь?», которая проводилась среди школьников. Какой причудливый хаос симпатий подростков предстал перед исследователями! Одни ученики на первое место поставили учителя-весельчака, другие — спортсмена. Не были обойдены вниманием даже учителя — худощавые брюнеты, и учителя — отцы больших семейств. Но при подсчете голосов победителем вышел учитель-эрудит. Это в выпускных классах. В восьмых-девятых классах любимым учителем назвали того, кто откровенен

с учениками, интересуется их внутренним миром.

Это наводит вот на какую мысль: тип воспитателя во многом диктуется запросами и спецификой возраста воспитанников. Если подумать, то нет ничего неожиданного в том, что чемпионом симпатий выпускников оказался учитель-эрудит. Ведь в выпускных классах знание не только источник радости, но уже и источник тревоги. Вопрос «кем стать?» ставится ребром. Какую профессию, какую науку предпочесть всем остальным? Профессий на свете, как показывает статистика, больше двух тысяч. Наука то и дело угощает молодое воображение парадоксами: биология братается с физикой, математика с лингвистикой... Вот и попробуй разберись в одиночку.

Есть еще одно загадочное свойство этого возраста. Еще не овладев как следует школьной программой, подросток уже тянется к научным исследованиям. Тот, кто хоть раз был в мастерской скульптора, поймет его состояние. Наибольшее любопытство вызывают те работы, какие скульптор до поры до времени закрыл от посторонних глаз полотном. И подростка, когда он еще только постигает азы науки, неудержимо тянет к ее «белым пятнам». Ему невдомек пока, что нелегка доля ученого, но он смотрит на людей науки как на всемогущих Хоттабычей.

УЧЕНЫЕ ВО

ДВОРЦЕ

Не знаю, путем ли логических умозаключений или благодаря педагогической интуиции, но в Тбилисском дворце пионеров давно поняли, как сильна у современных подростков тяга к науке и какой жгучий интерес вызывают у них ее служители. Поняли — и постарались сделать так, чтобы пионеры и школьники, нынешние хозяева бывшей резиденции царского вельможи, имели своих «придворных» «звездочетов», «геометров», «алхимиков» и т. д.

В кабинетах и залах дворца в любой час дня можно встретиться с академиком, доктором исторических, кандидатом физико-математических наук, доцентом, аспирантом. Некоторые из них бывают здесь так часто, что посторонний человек и впрямь может заподозрить, что маститые ученые состоят в штате дворца. В дни конкурсов по черчению почти

вся кафедра инженерной графики ТПИ здесь днюет и ночует.

Постоянные контакты ученых с детьми стали нормой жизни дворца, судя по всему, нормой, одинаково приятной и полезной для обеих сторон. Астроном академик Е. Харадзе, едва вернувшись в Тбилиси с Абастуманской обсерватории, первым делом приехал во дворец, чтобы на многолюдной пресс-конференции рассказать ребятам о результатах последних наблюдений за вселенной. Мне рассказывали, что ныне уже покойный историк Н. Бердзенишвили принес на суд ребят из клуба юных краеведов свой только что написанный учебник по истории. Не думаю, что лишь формальная вежливость заставила ученого после этой встречи оставить в летописи клуба следующую запись: «У меня было чувство, что я сдавал экзамен... Не могу сказать, что сдал его на «отлично». Но с удовлетворением возвращаюсь в свой кабинет, чтобы продолжить работу».

Не хочу умалять заслуг штатных работников дворца, но все его клубы, станции, «литературные салоны» в один день перестали бы существовать, откажи ученым их добрая воля и энергия. Ведь они не только отвечают на вопросы тысяч детей, но и организуют тысячи детей. Каждое лето из парадных дверей дворца выходят в экспедиции партии юных геологов, ботаников, географов и т. п. И обязательно на двадцать-тридцать ребят есть хотя бы один всамделишный ученый.

Кажется, вот и ответ, как перед всеми детьми открыть горизонты науки: приставить к каждому пионерскому отряду по одному ученому. Благо что

в нашей стране такая пропорция вполне реальна. Но практика дворца показывает, что дело тут не только в количестве сознательных мужей науки.

На началах любви

Расскажу об одном ученом друге грузинской ребятни. О Георгии Спиридоновиче Читая.

Ему семьдесят шесть лет. Член-корреспондент АН республики, заведующий секцией этнографии академии, руководитель кропотливейших работ по составлению этнографического атласа Грузии. Не трудно представить, какая уйма забот и обязанностей у старого ученого... Но он ко всему прочему еще и почетный председатель клуба юных краеведов.

Наивным окажется тот, кто подумает, что эта должность обязывает профессора Читая делать лишь благосклонные кивки восхищенным его ученостью детям. Он уходит с заседаний клуба, унося в своем портфеле первые работы детей, прочитать которые сможет только дома, перед сном. Иногда дети приходят к нему прямо в академию — просто поговорить. Ему пишут письма дети со всех концов Грузии. И не всегда их вопросы носят чисто научный характер. Старого профессора просят ответить, в чем смысл жизни, что такое дружба, любовь. Когда он берет их с собой в экспедиции, ему приходится быть и лектором-импровизатором у костра и бдительной няней, следящей за тем, чтобы непоседливые этнографы плотно поели и хорошо выспались.

Да и сам Георгий Спиридонович не таков, чтобы почетное председательствование превращать в пышную, но пустую формальность. Он принадлежит к породе людей, которые умеют сочетать высокую

культуру и эрудицию с редкой сердечностью. Он покинет затянувшееся заседание секции этнографии академии, чтобы поспеть на собрание юных этнографов. Простенькой археологической находке мальчишки обрадуется, как мировому открытию. И внимательно выслушает точку зрения какой-нибудь быстрой на научные выводы десятиклассницы.

Два года назад профессор Читая многих людей поверг в смятение. В канун Международного конгресса антропологов и этнографов он заявил, что намерен добиваться участия в конгрессе своих юных коллег.

— Мы сначала подумали, что это причуда старого ученого, — признался Джуаншер Кварацхелия, директор дворца. — Где это видано, чтобы школьников пригласили на международный научный конгресс? Но когда оргкомитет конгресса познакомился с материалами, собранными нашими этнографами, их пригласили безоговорочно...

Думаю, что немало антропологов и этнографов, отечественных и зарубежных, с ревностью смотрели на грузинского профессора, окруженного целым выводком совсем молоденьких учеников. И легко представить себе чувства Георгия Спиридоновича, когда председатель конгресса предоставил слово десятикласснику Мише Гватуа.

Это был триумф не только крупного ученого, но и блестящего воспитателя.

И если резвые ряды юных этнографов дворца продолжают сегодня расти, то за это мы должны быть благодарны не столько интересной науке, сколько интересному человеку. Он сам красноречивее любых объявлений, в нем самом живет методика,

воспламеняющая страсть к познанию. Живые образцы, сами того иногда не преследуя, склоняют к подражанию. Но подражанию не слепому, а творческому. В практике Георгия Спиридоновича есть случай, который на первый взгляд противоречит его педагогической уверенности. Миша Гватуа, тот, что выступал на конгрессе, любимец профессора и самый усердный его ученик, после школы вдруг подался в физики. Первая измена идеалу? Но ведь профессор Читая не собирается делать всех своих воспитанников этнографами. Он хочет, чтобы молодое поколение людей любило и уважало знания.

— Для меня самое неприятное зрелище — это когда дети выступают по бумажке, написанной взрослым, — говорил старый ученый. — Так нетрудно приучить их и думать по бумажке, судить о прошлом и настоящем страны по подсказке. Наша же общая задача — воспитать реального человека, а не послушного догматика...

Думаю, что Миша Гватуа и на почве физики будет верен своему учителю. Яблоко ведь падает недалеко от яблони...

Не так легко понять, что помогает профессору Читая и другим ученым Тбилиси без усталости возиться с ребятей. Может, их куда-то вызвали и дали такое обязательное поручение? В это не верится. По поручению можно заниматься всем, только не воспитанием детей. Можно перед человеком поставить такую же высокую задачу, какой одержим профессор Читая, а человек с задачей, извините, не справится, будь он даже семи пядей сознательности во лбу. Можно даже обладать универсальными

знаниями в области педагогики и быть беспомощным и нелепым в обращении с детьми.

Просматривая стенограмму одного совещания во дворце, я обратил внимание на слова, сказанные одним ученым: «Говорят, что мы здесь работаем на общественных началах. Это неправильно. Мы работаем здесь прежде всего на началах любви к нашим прекрасным детям, которые радуют нас результатами своего умственного труда...»

Поверх всех качеств воспитателя — специальной подготовки, общего уровня культуры лежит доброта, не знающая границ. В ней, пожалуй, разгадка, как люди, занятые до предела, все-таки урывают время для детей. У них, видимо, есть те резервы сил, каких нет и никогда не будет у того, кто любит детей абстрактной любовью. И сами дети, существа с необыкновенно тонким чутьем к доброте, льнут только к тем, кто любит их и относится к ним серьезно, с обезоруживающей смелостью через все заслоны секретарш прорываются только в те кабинеты, где, знают, не получат холодный поворот от ворот. Их сто-кратное счастье, если добрый человек к тому же умный, образованный человек, тот, кого мы кратко и не совсем точно зовем — «эрудит».

От куколок — к Абхазскому хребту

Горячая любовь и знание интересов ребят помогают добрым людям из Тбилиси выбирать такую методику, которая обеспечивает им живой контакт с детьми. То есть то, в чем они сами находят огромное удовольствие. Здесь же во дворце я познакомился с Ириной Давидовной Микеладзе, заведующей кабинетом краеведения. Двадцать лет назад она, ар-

хеолог по профессии, пришла во дворец к детям. Да так с тех пор и работает здесь. Многие ее воспитанники уже доктора и кандидаты наук, а она — заведующая кабинетом краеведения. Но, признаюсь, я еще не встречал более счастливого человека, чем она. Весь день-деньской окружена стайкой влюбленных в нее ребят.

Без такой беззаветной преданности детям все системы воспитания мертвы. И она-то для нас должна служить главным мерилom способности воспитателя к творчеству и вообще его пригодности к «строевой службе». Нет ее — не помогут человеку ни семинары, ни многократные курсы переподготовки.

Вот Ирина Давидовна ведет в музее занятия. Все ребята — новички клуба, пришли в него весной. Нелли, Светы, Жоры, Нодары из разных школ города.

Чтобы сразу дать им боевое крещение, Ирина Давидовна летом повела их в экспедицию. И чтобы они не думали, что идут всего-навсего на веселую прогулку, объяснила задачи экспедиции. Одну им дал институт искусствоведения: описать состояние памятников культуры эпохи Шота Руставели. Другое поручение было от профессора Читая.

И вот они вернулись, обрабатывают материалы.

— Ребята, — спрашиваю их, — а какое самое яркое впечатление у вас осталось от экспедиции?

Одна девочка, по-ученически подняв руку, ответила:

— Как мы мальчишек-засонь обмазывали зубной пастой...

Все они, грузинские и русские дети, громко засмеялись. А я в эту минуту украдкой взглянул на

Ирину Давидовну. Что изобразит ее лицо? Растерянность, гнев, возмущение?

Она тоже от всей души смеялась.

В них еще долго будет жить детство. Но и обмывая друг друга зубной пастой, бегая взапуски по горным лугам, они успели сделать все, о чем их просили взрослые. И вернулись из экспедиции уже немного другими. Одна девочка призналась, что за это лето она узнала прежде незнакомых ребят лучше, чем своих одноклассников за восемь лет учебы.

Сколько уже написано бумаг и произнесено речей про то, как воспитать в детях чувство самостоятельности, пробудить в них инициативу! Но поменьше бы статей и речей, а побольше дел для детей, точно угаданных, попавших в самое «яблочко» возраста.

Детям, постучавшимся во дворец, такие дела предлагаются. Им, чтобы пойти летом в романтическую экспедицию, надо основательно поработать руками и головой. И маршрут разработать, и обязанности между собой распределить, и приобрести навыки исследовательской работы, в кои входит также умение орудовать лопатой и щеткой, и храбрости набраться, чтобы остановить академика и заговорить с ним.

В экспедициях они учатся тому, чему не научишь их во время тихих классных бесед. Мальчишки вдруг становятся рыцарями и несут на своих плечах девчонок, когда те уже не могут идти. И девчонки начинают проявлять при раскопках настойчивость, обычно присущую мальчишкам.

Тур Хейердал, замечательный ученый нашего

времени, как-то признался, что в школе он был посредственным учеником. «Все́му виной было то обстоятельство, — объяснял он, — что мальчиком я вечно уносился в мечтах в далекие страны, рисовал в тетрадках фигурки жителей далеких земель». И он же, говоря о главном качестве ученого, сказал: «В науке самое важное — научиться добывать факты».

Вот это и делают ученые — друзья дворца: не лишая ребят кислорода их возраста — романтики, учат их наблюдать. Они понимают, что дети и даже подростки, играя, познают мир. И приобщение к науке начинают с лепки кукол далеких наших предков, приготовления мингрельского сыра. И терпеливо ждут взрыва взрослости, такой, какую проявил воспитанник клуба краеведов Коля Беручашвили. Еще будучи школьником, он взялся за составление карты Абхазского хребта, проблему, пока не очень ясную для крупных географов.

Приятные хлопоты

Однако ради справедливости не будем складывать все розы у ног ученых.

Может быть, где-нибудь, узнав, сколько докторов и кандидатов работает во дворце, завистливо вздохнут: «Нам бы такой активчик! Горюшка бы не знали...»

Но это не так просто — создать актив старших друзей ребят.

А так как не просто, иногда идут по наиболее легкому пути. Нанимают для руководства кружками либо вечно торопящихся куда-то совместителей,

либо людей, которым счастье отказало на другой работе.

А настоящие, взаправдашние ученые?

— Нет уж, извините! — раздраженно скажут вам в некоторых домах пионеров. — И звонили и пригласительные билеты посылали. Заняты. Невсегда...

А вот во дворец они приходят сами, предлагают свои услуги. Физики, астрономы, задетые успехами гуманитариев, атакуют директора Кварацхелия на совещаниях: открывайте обсерваторию, оснащайте кабинеты современным оборудованием...

— Я бы рад, — разводит руками Джуаншер. — Да средств пока не хватает...

А они ничего не признают: открывай — и все...

Все это можно было бы отнести за счет одного патриотизма ученых, если бы не одно обстоятельство. Они просят открывать не кружки, а ребячьи объединения, подобные клубу краеведов, станции топонимиков.

Дело в том, что в традиционном кружке ученым тесно. Его программа всего лишь чуть шире того или иного раздела школьной программы. Работать по такой программе педагогу одно удовольствие: отметки ставить не надо, а все равно повышение успеваемости налицо.

Но ученого не устраивают тихие шажки от раздела к разделу. Он хочет углубленного изучения научных проблем.

У каждого ученого есть свой конек, своя излюбленная тема. Попробуйте вогнать его пристрастие в прокрустово ложе плана, спущенного сверху ка-

ким-нибудь методкабинетом. Получите: «Занят. Некогда...»

Выход один — менять формы научной работы с детьми. Во дворце нашли их: клубы, станции, курсы...

Еще ни в одном финансовом органе не зарегистрированные, ребячьи клубы при дворце растут и крепнут. В отличие от кружков они не ограничены жестким возрастным цензом. Бок о бок со степенными десятиклассниками работают непоседливые четвероклассники. В одной и той же комнате лепятся куколки и вычерчиваются карты хребтов. Взаимообучение возрастов.

Создавая клубы, руководители дворца столкнулись вот с какой проблемой. Не в каждом городке и селе есть Дом пионеров, но везде есть ребята, бредящие наукой. Как тут быть? И тогда городской Дворец пионеров открыл свои двери для ребят всей республики. Членом клуба можно стать независимо от того, где ты живешь. Клубы обросли филиалами и секциями на местах.

Замечательным явлением в жизни дворца стали республиканские учебно-творческие конференции. Тысячи представителей клубов и его «дочерних предприятий» собираются в Тбилиси, чтобы представить и обсудить свои доклады по истории, физические рефераты, показать макеты атомных реакторов, скульптуры, стенгазеты и т. д. И тут все без исключения ученые покидают свои кабинеты и лаборатории, чтобы быть в эти дни с ребятами. Для некоторых из них встречи с «клубистами» имеют и чисто научный интерес. Материалы по этнографии, лингвистике, биологии и другим наукам, соб-

ранные ребятами в разных уголках республики, часто представляют уникальный интерес.

В клубах дворца, где склонности школьников выявляются самым естественным образом, часто можно встретить вузовских администраторов, озабоченных проблемой набора талантливой молодежи.

— Ко мне последнее время стал частенько заходить декан философского факультета Шота Габелая, — с чисто кавказской лукавинкой в голосе рассказывал мне Джуаншер Кварацхелия. — Говорит, что его осенила идея: создать при дворце клуб юных философов. И зачем ему лишние хлопоты?..

Но, судя по той энергии и убежденности, с какой Джуаншер и его помощники помогают ребячьим клубам, можно быть уверенным, что хлопоты Шота Габелая не лишние и не напрасные...

* * *

И в заключение небольшой эпизод.

Мне захотелось посмотреть экспозиции Государственного музея Грузии, а там в этот день был не то санитарный день, не то инвентаризация. И ни одного гида. Моим спутником был студент второго курса географического факультета Тбилисского университета Коля Беручашвили.

Лучшего гида, кажется, нельзя было желать. В осколках амфор, поднятых со дна Черного моря, Коля легко угадывал тончайшие оттенки эллинских цивилизаций. Не глядя на таблички, он определял возраст грузинских фресок.

Когда мы выходили из музея, я сказал:

— Ты, наверное, из-за меня опоздал на лекции?

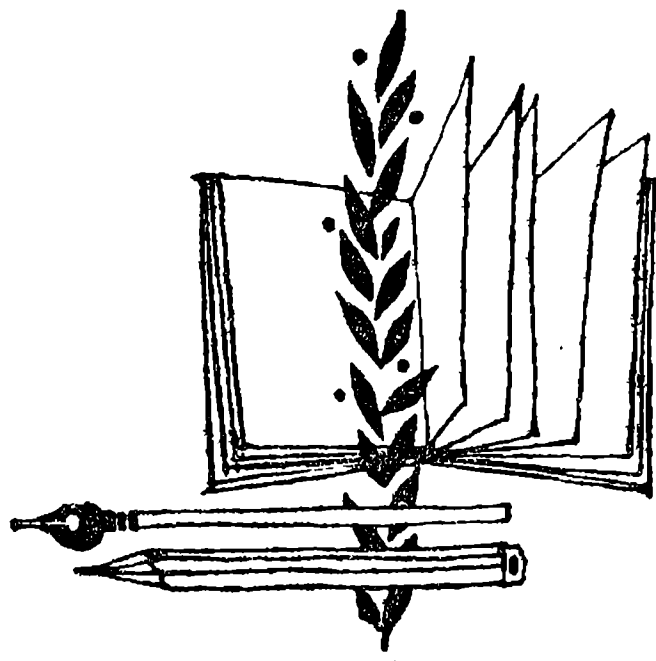
— А я сейчас не хожу на них, — ответил Коля. — За второй курс я все сдал на первом.

Кажется, я понял, для чего он решил выкроить свободный год. Для путешествий. В клубе юных краеведов, куда Коля пришел еще пятиклассником, он заболел неизлечимой любовью к Кавказу. И за свои девятнадцать лет успел его исколесить вдоль и поперек. На одной из конференций клуба Коля обнаружил такое глубокое знание обычаев и диалектов Кавказа, что многие делегаты в перерывах подходили к нему, вполне уверенные, что он из того же села, что и они. А Коля — коренной тбилисец.

Я познакомился с ним в ту минуту, когда он, уже студент, пришел в музей краеведения дворца. Пришел, чтобы в деталях договориться, каким должен быть новый клуб дворца — клуб юных путешественников. Коля пожелал быть его основателем и руководителем.

Я смотрел на него, спортивного вида юношу с недюжинной для девятнадцати лет эрудицией, и увидел в нем — да простят читатели мне такой стилистический эксперимент — воспитанного воспитателями воспитателя. Готов побиться об заклад, что Коля станет большим ученым-эрудитом и обязательно — ученым во дворце.

**УЧИТЕЛЬ,
ПЕРЕД
ИМЕНЕМ
ТВОИМ...**

Откровенный панегирик

Говорят, что не мы выбираем дороги, а они выбирают нас. Мысль красивая, интересная, но не на все случаи жизни верная.

Дорогу учителя и воспитателя люди выбирают сами.

Не уставлена она, как некоторые, яркими вывесками века. Не манит сокровенной тайной живой клетки, не обещает дать в руки светоносный меч лазера. Встав на эту дорогу, ты знаешь: твой труд будет скромн и тих, терпеливые будни ждут тебя, а не цепь сенсационных открытий. Правда, порывшись в памяти, можно найти примеры другого исхода. Были учителями, вожатыми, а стали знаменитыми учеными, писателями. Вон крупнейший математик времени Колмогоров начал со школьного учителя...

Но примеры примерами, а на каждого ученого

или писателя, в прошлом скромного педагога, приходится тысячи и тысячи людей, до конца дней оставшихся работать в школе, в детской комнате милиции, детприемнике.

Но если не научный подвиг, не слава всемирно известного, что же тогда зовет тысячи и тысячи на нелегкую дорогу воспитателя?

Человек рождается — это всеобщая радость, но в то же время и всеобщий риск. Кем, каким он вырастет? Ведь никто не знал наперед, что получится из Эйхмана...

Счастье воспитателя равно счастью женщины, ставшей матерью. Только вместо родовых болей никогда не утихающие боли поисков, как защитить дитя человеческое от инфекций эгоизма и жестокости, как сделать его жизнь честной и прекрасной.

Кем только не приходится быть воспитателю! Судьей первых заключений о жизни — внимательным и справедливым. Врачом болезней роста — ведь душа, как и позвоночник, может искривиться. Тренером силы воли, памяти...

Все профессии должны склонить головы перед профессией воспитателя. Как перед своей общей матерью.

Все остальные дарования отступают перед талантом воспитателя. Можно повторить физический опыт, подтвердивший теорию относительности, пройти тем же маршрутом, какими шли первые землепроходцы. Но невозможно след в след повторить путь Германа Черного, скопировать методику Владимира Гамаюнова. Этот путь каждый раз новый: воспитание — самое неотделимое от человека искусство. Его творит яркая, глубокая, неповторимая

в диалектике ума и чувств личность. Лучшие педагоги и воспитатели всех времен — и Песталоцци, и Ушинский, и Макаренко — были людьми «одной, но пламенной страсти».

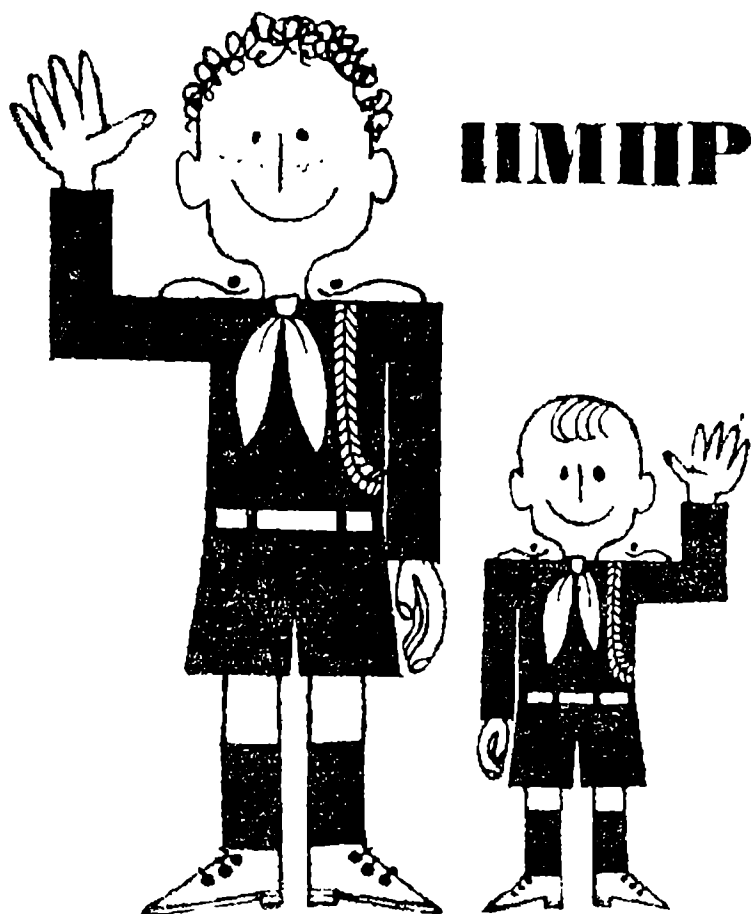
Как ни один труд в мире, труд воспитателя требует от человека полной самоотдачи. На этой стезе ждут его предельная, но счастливая усталость, ежегодные расставания, особую боль и радость которых приходится узнать каждому школьному учителю и воспитателю.

Когда гитлеровцы увозили воспитанников польского педагога Януша Корчака, чтобы убить их, у него была возможность остаться в живых. Но он отверг ее и был с детьми до последних минут их и своей жизни. Вот еще какой может быть самоотдача воспитателя.

Но за нее высшая, ни с чем не сравнимая плата. Воспитателю удастся сделать больше всех. Свои личные планы он осуществляет в сотнях своих воспитанников. Герман Титов, прорвавшись в космос, в числе авторов своего подвига первым назвал любимого учителя. Сколько замечательных людей, когда-то стоявших у края пропасти, и поныне с благодарностью вспоминают первого основателя педагогической коммуны — Макаренко.

Славою своих воспитанников славен воспитатель, человек с самой долговечной жизнью.

ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ИМПРОВИЗАЦИИ

Винни-Пух и его грузья:

Рабочие и маршалы, лесная
лужайка и музыкальный ключ,
цифра 24 и приветливый „дикарь“.

«Умеешь ли ты прыгать на левой
ноге!»

Вместо ордена... шоколадка.

Как увидеть лес, не побывав в нем.

Еще раз о пользе гибридизации.

Форма — это содержание!

Песнь сквозь слезы.

За высшую плату — за «спасибо».

Сигналы бодрости.

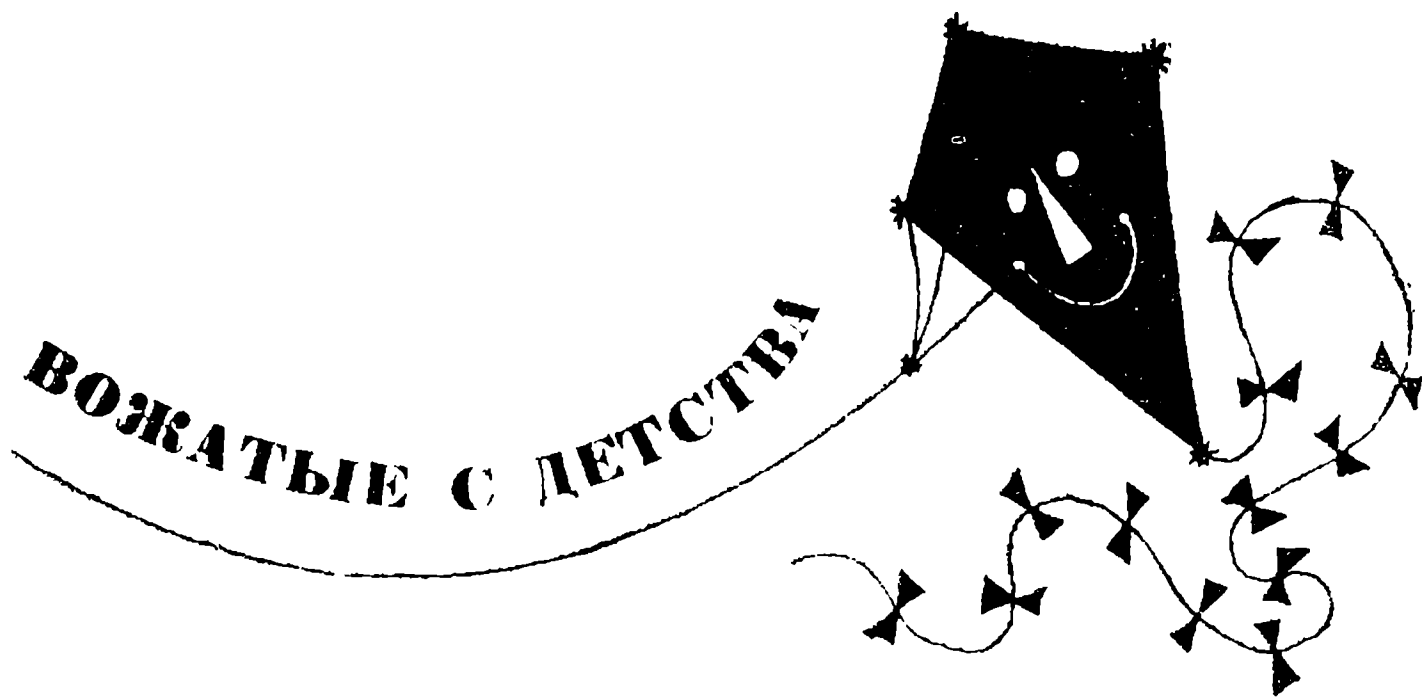
Когда люди более всего похожи друг на друга? Когда они дети. Белые, черные, рыжие, голубоглазые, они любят одно и боятся одного и того же.

И закономерности их роста почти одни и те же. Особенно справедливо это, когда дети растут в одинаковых социальных условиях.

Когда мне представилась возможность поехать в Польскую Народную Республику, признаюсь, я составил «донкихотский» план поездки. Обязательно побывать там-то и там-то, во что бы то ни стало встретиться с тем-то и тем-то.

Но мои планы рухнули, как только я зашел в Главный штаб Союза польских харцеров — молодежной организации, объединяющей в своих рядах полтора миллиона детей и вожатых. Здесь я встретил отличных знатоков детской психологии, выдумщиков интересных походов, игр, соревнований. Своим живым характером, преданностью детям они поразительно напомнили мне моих отечественных друзей — «ребячьих комиссаров».

Вместо прежних планов возник другой: увидеть и рассказать о том, как польские друзья, хорошо усвоив педагогическое наследие Макаренко, Корчака, нашли в воспитании детей нечто такое, что неплохо в порядке взаимообучения усвоить нам.

Почему Очень Важные Люди и просто люди любят харцеров?

Начать с вожатого. Точнее говоря, с того, как взрослые люди становятся друзьями детей. Сначала мне самому это решение казалось малообъяснимым. В самом деле, почему рассказ о детской организации надо начинать со взрослых?

Подумал и понял, что резон в этом есть. И не один. Во-первых, вожатые, или, как их называют в Польше, инструкторы, наравне с детьми подчиняются общей дисциплине, платят членские взносы. Во-вторых, если бы мы харцерских вожатых представили в виде армии, то одну ее крупную дивизию должны составить люди не такие уж взрослые — 16—18 лет. И в-третьих... Тут мы предоставим слово Витеку Кинецкому, начальнику Главного штаба СПХ:

— Вожатый — основной вопрос харцерского движения.

Эта же мысль, судя по всему, принципиального свойства, высказывалась и другими моими собеседниками. Мне говорили: мы считаем, что нет организации, если нет инструктора. Правда, этот принцип несколько сдерживает рост нашей организации. Но ведь никто не открывает школу, если нет учителей. По-нашему, уж лучше не начинать совсем, чем начинать плохо.

Как же решается эта проблема всех проблем? Забегая чуть вперед, скажу: своеобразно и удачно.

Но было бы несправедливым приписывать успех только союзу. Это прекрасно сознают его руководители. Заслуга харцеров состоит прежде всего в том, что они умело используют благоприятную обстановку для воспитания детей, создавшуюся в стране, строящей социализм.

Нет, я не стану вычерчивать диаграмму роста заботы о детях, утяжелять статью колонками цифр. Расскажу только об одном эпизоде. Как-то на досуге я спросил Мачека Бега, моего польского друга и коллегу, читал ли он «Винни-Пуха». Он изумленно посмотрел на меня и, смутившись, сознался, что не читал. Но через минуту нам стало ясно, что мы оба пали жертвами различных переводов названий этой книжки. В Польше медвежонок Винни-Пух известен как Кубусь-Пухатек.

— Еще как известен! — воскликнул Мачек. — Слушай, что я тебе расскажу...

Однажды юные варшавяне попросили Очень Важных Людей (так в харцерстве называют людей с высоким положением) увековечить память доб-

рого гения их детства. Очень Важные Люди, конечно же, занятые люди, выбрали минутку, чтобы улыбнуться... и принять постановление: отныне и вовеки одна из центральных улиц столицы будет носить имя Кубуся-Пухатека. Журналисты устроили конкурс среди художников на лучшее оформление улицы...

Это пример, так сказать, нематериальной заботы о детях. Но это также пример того, с каким уважением можно и нужно относиться к нуждам детей, похожим иногда вроде бы на несерьезный каприз. Воспитание нового поколения осуществляется прежде всего людьми, а потом уже цифрами. И когда есть знание и понимание интересов детей, гораздо легче заботиться о них практически.

В связи с этим нельзя, хотя бы коротко, не сказать о Союзе друзей польских харцеров. Это настоящее, массовое движение взрослых, решивших помогать детской организации во всех ее начинаниях. Сейчас почти при каждой харцерской дружине действует кружок старших друзей. Взрослые решают те вопросы, какие детям решить не под силу: это и кадры инструкторов, и средства, необходимые на проведение какой-то харцерской операции, и т. д. Возглавляет Союз друзей член политбюро, министр обороны маршал Мариан Спыхальский, самый большой и верный друг харцеров.

Во время летних отпусков тысячи взрослых поляков, презрев усталость, махнув рукой на соблазны курортных пляжей, едут в харцерские лагеря, становятся инструкторами. Такой педагог-доброволец (а это может быть и крупный ученый, и партийный работник, и рабочий, и адвокат) меняет

свой цивильный костюм на шорты и майку, а диету — на картошку, печенную в костре.

В моем блокноте есть такая пометка: дети и интеллигентность. Объясню ее происхождение. С кем бы из инструкторов мне ни пришлось говорить, мои собеседники свободно и глубоко мыслили на темы воспитания. Я нисколько не преувеличиваю: они не только практики, но и теоретики харцерского движения, хотя не имеют никаких научных степеней и трудов. Эту эрудицию я замечал и у людей, формально никак не связанных с харцерством. Видимо, интерес к воспитанию детей в Польше становится таким же обязательным признаком интеллигентности, как, например, интерес к музыке, кибернетике или генетике.

* * *

Все взрослые, за редкими исключениями, любят детей. Но, несмотря на это, не каждого из них уговоришь работать с детьми.

Попробуем разобраться, в чем тут дело. Спросим себя: что нам нравится в маленьком человеке? Вспомним хрестоматийные признаки его обаяния: пухлые губы, чистый и наивный взгляд, непосредственность. Ну, а если перед нами не один маленький человек, а дружина мальчишек и девчонок, наконец, целая организация?

Оказывается, и дружина и вся организация тоже должны иметь те симпатичные качества, которые будут примагничивать взрослого человека. Если организация сулит ему радость, удовлетворение, он сам пойдет в нее, его не надо агитировать.

«В харцерстве я нашла тот эликсир молодости, какой безуспешно искал Фауст», — сказала мне Маргарита Шиманек, экономист текстильной фабрики города Бельска. Да простят меня мои собеседники, польские инструкторы, за то, что выдам одну их тайну! Им, несмотря на груз прожитых лет, тоже хочется играть. Не только воспитывать, делиться умом-разумом, но и побыть в роли лихого бесстрашного командира, удивить ребят каким-то мастерством. Я видел, с каким, ну, ничуть не скрываемым достоинством инструкторы носят нарядную харцерскую форму, как они временами бережно поправляют голубой или серебряный шнур, перекинутый через плечо.

Харцерство с его высоким романтическим настроением сборов, походов, чарующей красотой лагерной жизни дает возможность взрослому почувствовать себя частицей этого смеющегося, бодрого племени. Исполнение гражданского долга становится приятным. И долгу хорошо и человеку тоже.

Главное-то, конечно, не в шнурах и не в званиях. Это может скоро приестся. Но не приедается творчество. Взрослому, вступающему в СПХ, говорят: вся надежда на тебя, на твою выдумку, педагогическую мудрость. Ему надо, чтобы покорить детей, быть и образованным человеком, и знать бразильскую систему игры в футбол, и провести политический диспут, не надеясь на помощь заезжей знаменитости.

Уйма обязанностей. Но чем сложнее, неожиданнее они, тем охотнее взрослый принимает их.

Бывает, что вожатым становится скучный, ворчливый резонер. Но долго он не сможет работать.

Ведь если держать дружину на простенькой каше словесного воспитания, то ребята просто-напросто разбегутся. А чтобы свести к минимуму подобные случаи, в харцерстве принято будущего инструктора подвергать целой системе испытаний. И только после положительного ответа авторитетной комиссии кандидату доверяются дети.

* * *

Будь это здание прозрачным, в нем можно было бы наблюдать поразительные сцены. Вот двадцать взрослых людей прилежно вырезают бумажных змеев и потом, выбежав на улицу, начинают их запускать с чисто детским азартом. В другой комнате почти в полной темноте все что-то толкут в ступе. Толкут до тех пор, пока не достигнут колдовского эффекта: «вода», смешанная с «землей», дает пламя.

Или вдруг все по сигналу садятся в автобус, уезжают в горы и там, соблюдая полную тишину, идут по глухой партизанской тропе, находят пенёк, а в нем записку совершенно таинственного содержания.

Кажется, довольно мистифицировать читателя. Так проходит подготовка польских вожатых в школе инструкторов Хожувского харцерского центра. Здесь они, объединившись в звенья, отряды, дружины, учатся делать то, чему потом должны научить своих воспитанников.

Польский вожатый, выражаясь словами Януша Корчака, не имеет права задавать детям вопросов типа «кого ты больше любишь — папу или маму?». Он должен в первую очередь спросить: умеете ли

вы прыгать на левой ноге? И если не умеют, покажет. Почему придается такое большое значение умению вожатого? Это идет от одного неумолимого педагогического принципа: вожатый должен не только показать детям, как делать, но и проделать вместе с ними всю работу от начала до конца. Без этого, считают в СПХ, невозможен его высокий авторитет. Вот почему, когда, например, начинается рейд «Харцерский олимпийский бег», то по спортивным дорожкам стадионов бегут не только дети, но и взрослые члены СПХ, начиная с Витека Кинецкого и кончая инструктором низшей ступени.

Большое значение придается и теоретической подготовке инструкторов. Им читают лекции по педагогике, психологии. На специальных занятиях они обсуждают результаты различных социологических исследований среди детей и подростков. В Хожувском центре имеется богатая библиотека харцерской методической литературы, которой, кстати говоря, с каждым годом выпускается все больше.

Школа инструкторов в Хожуве — пример того, как воспитание воспитателей осуществляется планомерно и сверху. Но не менее интересно и то, как в СПХ идет подготовка вожатого снизу.

На эту тему у меня был разговор с группой инструкторов Бельска, собравшихся в вожатском кафе городского Дома харцерства. Мне объяснили, что все идет по принципу цепной реакции. Каждый инструктор имеет трех заместителей из числа ребят. Первый, мальчишка или девчонка 14—15 лет, становится его дублером, «тенью», заменяет инструктора, когда тот болен или в командировке. Двое других, ребята помладше, помогают инструктору в про-

ведении игр, походов, экскурсий на завод и т. д. Работа инструктора будет признана неудовлетворительной, если он из среды детей не сумеет выделить своего преемника.

— А каких ребят вы больше всего любите? — спросил я своих собеседников. И чтобы выяснить одну интересовавшую меня закономерность, попросил их перечислить главные качества, какие им нравятся в харцерах.

В кафе былолюдно, сами собой напрашивались письменные ответы, как при анкете. А так как бумаги под рукой ни у кого не было, в ход пошли салфетки. (Да простят нас социологи за такой примитив!)

И уже ночью в поезде «Катовицы — Краков» мы с Мачеком стали подводить итоги. Первое место получил мальчишка — хороший организатор, коллективист, неукротимый фантазер.

Можно сказать, что харцерский инструктор начинает подготовку к вожатской работе... с восьми лет. В самом молодом звене харцерства — дружинах зухов — звеньевые меняются через два-три месяца. Таким образом, каждый зух имеет возможность поруководить звеном. У старших харцеров один из самых главных знаков отличия — «Знак организатора детей». Шестнадцатилетний мальчишка должен уметь для малышей своего двора провести «международную олимпиаду», построить «хижину Робинзона» или создать «фабрику игрушек».

Все это помогает осуществлять один важный принцип: организация сама воспитывает своих организаторов с таким же автоматизмом, с каким армия готовит из солдат офицеров. Когда необходимо

для дружины подыскать толкового инструктора, руководители харцерства идут в вуз или в воинскую часть. И сначала спрашивают, не кто хочет быть вожатым, а кто был харцером. Как правило, кто был харцером, тот и хочет и может быть инструктором.

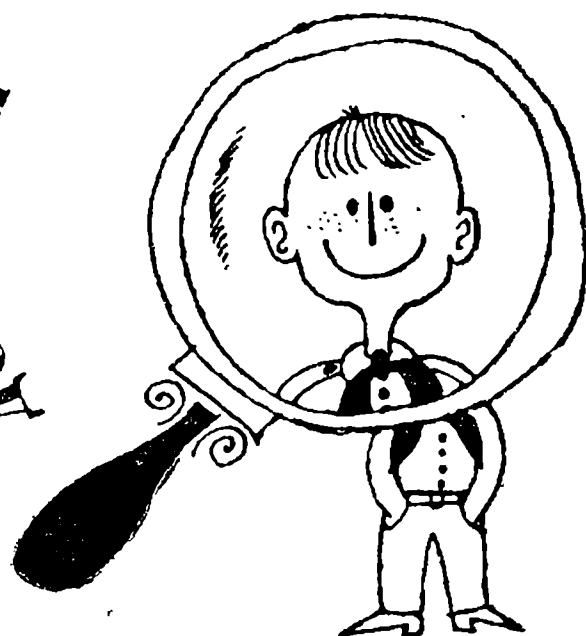
Разумеется, даже при такой продуманной системе воспитания вожатых, какая есть в СПХ, их кое-где все же не хватает. В Главном штабе озабочены этим фактом, но не идут на аврал. Мне рассказывали, что некоторые организации готовы выделить для СПХ средства, которые бы дали возможность иметь платных инструкторов. В Главном штабе не торопятся дать согласие на это.

— Сразу же возникнет щекотливая ситуация. Кто-то будет «иметь» за работу с детьми, а кто-то «не иметь», — сказал один из моих собеседников. — Боюсь, что это больше повредит делу, чем поможет...

И в то же время ведутся настойчивые поиски бескорыстных друзей харцеров. Тут члены союза проявляют настоящую изобретательность и даже дипломатию, вполне здесь простительную. Ученым, к которым так тянутся современные ребята, предлагается богатейший научный материал, собранный харцерами во время рейда «Победа». Летом сотни дружин дают концерты для солдат Войска Польского. Чтобы вызвать у взрослых людей симпатию к союзу, их даже премируют. Только не спешите делать выводы. Я видел, как представитель Главного штаба вручал призы за хорошее отношение к харцерам людям, занимающим довольно высокие посты в министерствах и профсоюзах. Призом служила шоколадка.

НЕПРОТОРЕННОЙ

ДОРОГОЙ

«Дети вообще» и «группа неформальной связи» в частности.

Это было восемь лет назад. Несколько людей, вовсе не альпинистов, по пояс в снегу поднимались на одну из вершин Польских Татр. Когда они достигли цели и собрались погреться в охотничьей избушке, кто-то из них сказал, что предстоящая работа будет такой же трудной, как путь, который они преодолели.

Так во время занятий харцерских инструкторов с работниками детских санаториев родилось название замечательного эксперимента СПХ — «Непшертартны шлях». В переводе на русский это означает: непроторенная дорога...

Мальчишку скрутил недуг. Он месяцами, а иногда годами лежит в больнице или санатории. Когда-

нибудь он победит болезнь и вернется в школу. Тогда начнется вторая его драма. Он отстанет от сверстников не только в учебе, но и в общественном росте... Как бы ни мал был процент таких мальчишек и девчонок, их тоже нельзя сбрасывать со счетов.

А что, если?.. Сперва эта мысль казалась многим вздорной. Харцерские дружины в лечебных санаториях? Харцерство, стиль которого походы, темпераментные игры, — среди больных детей?

Теперь уже никто не сомневается, что это возможно. Шестьсот дружин сегодня идут «непроторенной дорогой». Правда, в слове «идут» много аллегорий. Некоторые дружины не могут ходить, они закованы в гипс, им врачи не разрешают вставать. Но в палатах слышны смех, харцерские песни. Второй этаж по радио переговаривается с первым, играет с ним в шахматы и обсуждает новую книгу. А чтобы эти ребята не так сильно завидовали своим здоровым сверстникам, инструкторы устраивают для них... «экскурсии» в лес, горы. Дети жадно смотрят цветные диафильмы, специально снятые для них в окрестностях санатория.

— Конечно, тут надо иметь крепкие нервы, чтобы не выбежать из палаты и не разреветься, — рассказывала мне в Кракове Мария Лычко, руководитель «Непшетартного шляха».

В Варшаве я встретился с детьми, которые тоже нуждаются в лечении, но в лечении особого рода. Это были ученики специальной школы, где собираются юные правонарушители. Только вот, глядя на них, никак не подумаешь, что это «трудные» дети. Жизнерадостные, смышленные, они наравне с деть-

ми нормальных школ добывают харцерские звания «электрика», «художника», «поваренка», значки «знаний», «организаторов свободного времени» и т. д.

Дружины харцеров в воспитательных колониях — другое направление «Непшетартного шляха». «Здесь нам очень пригодился опыт вашего замечательного педагога Макаренко», — говорили деятели СПХ.

Сейчас союз проводит еще один эксперимент — создает харцерские отряды во дворах. Подворотня становится ареной борьбы с уличным анархизмом. Возникают дружины поющих харцеров, морские отряды, между дворами устраиваются футбольные, хоккейные соревнования.

Откуда идет эта страсть к рискованным опытам, в которых шансы на успех и неудачу примерно одинаковы? Зачем, казалось бы, союзу вторгаться в зоны воспитания, которые искони подведомственны другим организациям?

Вот что мне удалось вынести из многочисленных бесед на эту тему. Все дети, как бы они ни были запущенны, в каких бы особых условиях ни росли, нуждаются в организации. Только организация, только воспитание через коллектив поможет им выработать социалистическое сознание. Нельзя делить детей на «плохих» и «хороших», «наших» и «не наших». В противном случае организации грозит перспектива выродиться в элиту благовоспитанных паинок, мало на что способную.

В СПХ чрезвычайно популярна идея «равного старта». Предмет особого внимания — сельские ребята. И тут делается ставка на то, чтобы одни дети

помогли другим. Харцерские городские дружины устраивают лагеря в отдаленных селах и во все свои игры, дела вовлекают местных ребят. Распространена форма городских лагерей. Сельские мальчишки и девчонки имеют возможность в каникулярное время жить в городе, впитывать в себя городскую культуру.

* * *

Реальный взгляд на вещи, здоровый практицизм в СПХ сочетается с уважительным отношением к науке о воспитании детей.

— Если бы мы вели разговор двадцать лет назад, — сказал мне руководитель харцерского центра в Хожуве Франтишек Кисперский, — мы уложились бы в полчаса. Все искусство воспитания детей сводилось к тому, чтобы научить их ставить палатку или делать что-нибудь в этом роде. А сейчас харцерство становится наукой, педагогикой детского движения. И поэтому наберитесь терпения...

Многое из того, что сегодня есть в структуре харцерской организации, ее программе и формах работы, сделано на основе научных наблюдений. Вот примеры. Звено зухов, польских октябрят, как правило, состоит из шести человек. Почему не больше и не меньше? Мне объяснили: есть такое понятие — «группа неформальной связи». В ней действуют внутренние законы взаимных симпатий детей этого возраста. Шестерка создает наиболее благоприятную атмосферу дружбы, откровенности. В группе числом побольше — 10—12 детей — естественность связей уже нарушается, связи становятся

искусственными... В харцерстве есть и такая «магическая» цифра — 24. Любой инструктор, как бы он ни был опытен и сведущ в ребячьих душах, может руководить только двадцатью четырьмя харцерами (допустимо отклонение плюс-минус два).

Харцерские теоретики объясняют этот, казалось бы чисто арифметический, барьер пределом педагогических возможностей инструктора. Практика показала, говорят они, что в большом отряде рано или поздно появляются дети, ускользающие от внимания вожатого. А это в СПХ считается недопустимым.

* * *

Ярче всего линия научного подхода к проблемам детского движения воплощена в деятельности психо-педагогического центра СПХ.

Для чего понадобилось его создание? Дело в том, что ученые-педагоги, психологи заняты прежде всего изучением поведения детей вообще. Результаты их исследований не устраивали практиков харцерского движения. Они чувствовали потребность в научном знании не детей вообще, а детей, состоящих в организации. И хотя руководители СПХ сами по образованию главным образом социологи, психологи, философы, они искали ученых, которые бы только тем и занимались, что изучали проблемы организации.

И такие ученые нашлись. Это и руководитель центра, адъюнкт психологии, доктор Антонина Гурицка, магистр философии Ядвига Бурска и магистр психологии воспитания Кристина Гошковска и дру-

гие. Шефство над работой центра осуществляет кафедра психологии Варшавского университета.

За пять лет своего существования центр провел около сорока социологических исследований. В практику его работы прочно вошли массовые опросы, анкеты. Ставятся психологические эксперименты.

В те дни, когда я был в Варшаве, президиум Центрального совета СПХ одобрил предложение раздробить кружки инструкторов на более мелкие группы. (А в харцерстве есть не только коллективы детей, но и коллективы вожатых — кружки.) Такое предложение внес психо-педагогический центр. Исследуя проблему закрепления инструкторских кадров, ученые подметили одну особенность: в тех районах, где членов кружка меньше, чем положено по «штатному расписанию», молодые инструкторы дольше и охотнее работают в дружинах. И наоборот. Секрет заключается вот в чем. Атмосфера в маленьких кружках теплее, сердечнее, чем в больших, где часто царит официоз. Молодые люди, отдающие почти весь досуг детям, находили в своем небольшом кружке единомышленников, друзей, подруг, любимых. Общественная работа не мешала молодым людям решать чисто личные задачи.

Кажется, все так просто и ясно! Но понадобилось целое исследование, чтобы эта истина стала очевидной.

Другое исследование центра, сделанное по прямому заказу Главного штаба, — насколько совпадают интересы детей с интересами их взрослых друзей — послужило толчком к проведению операции «Харцерский крест на комбинезоне». Обнаружилось,

что почти все дети мечтают побывать на заводах, посмотреть, как работают их отцы.

Конечно, не все исследования центра имеют чисто прикладное значение. Но все они насыщают программу союза современными идеями, помогают его руководителям трезвее оценивать некоторые явления.

В Кракове мне рассказывали о таком на первый взгляд курьезном случае. Несколько девочек попросили принять их в союз. Инструктор спросил: «А чего вы ждете от харцерства?» И девочки, святая наивность, ответили: мы думаем, что харцеры нас научат красиво танцевать, помогут познакомиться со знаменитыми писателями... Вот и все.

Мотивы, конечно, не могут не вызвать улыбку. Плохо, если они вызовут раздражение.

В СПХ без паники относятся к подобным «сюрпризам» действительности. Вот результаты анкеты центра «Почему ты вступаешь в союз». «Нам хочется почаще быть в лесу, в поле», — отвечали ребята. «Нам очень нравится харцерская форма. Мы тоже хотим ходить строем». И так далее.

«Эти желания, кажущиеся иногда нам, взрослым, наивными, вызваны естественными потребностями растущего человека», — объясняют харцерские педагоги. Вот почему программа деятельности дружин зухов удовлетворяет прежде всего такие запросы детей.

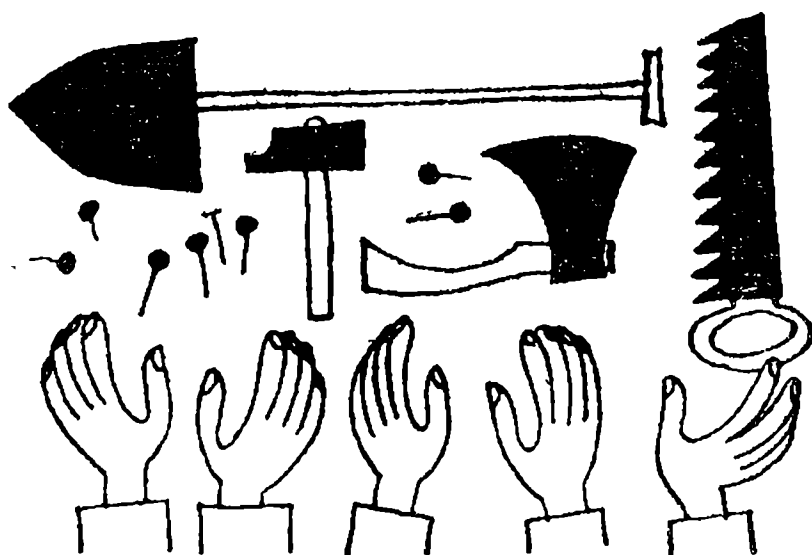
Но параллельно с этим, исподволь, с большим педагогическим тактом, инструктор начинает развивать в них общественные интересы. Тот краковский инструктор, о котором рассказывалось выше, спокойно принял заказ девочек. И уроки танцев су-

мел превратить в уроки эстетического воспитания. А встречи с писателями — в диспуты на политические темы.

Теперь обратимся к результатам опроса среди старших харцеров. Первое место в их интересах занимают человек и его жизнь, вопросы политики, войны и мира, прошлое и настоящее страны.

Сосредоточив главное внимание на проблемах харцерской организации, работники центра ведут научную разведку и на флангах, а иногда и на задворках жизни детей. Изучают явления, на первый взгляд не имеющие никакого отношения к харцерству. Примером могут служить исследования стихийных детских сообществ, попросту говоря дворовых компаний. Некоторые элементы их организации, творчески осмысленные, вошли в плоть и кровь харцерства. И помогли ему стать сильнее с такой же закономерностью, с какой прививки диких сортов делают устойчивей культурные.

ИГРА ВСЕРЬЕЗ

Как случилось, что сухопутная
Силезия стала морской?

Маленький тихий городок Фромборк не узнать. Сюда приехали тысячи харцеров в рабочих комбинезонах — ученики профессиональных школ. Дымится асфальт новых улиц, голубые сполохи электросварки мечутся над новостройками, под ребячье дружное «ура» поднимаются мачты неоновых фонарей.

Все лето работали харцеры. А осенью на центральной площади Фромборка при огромном стечении народа мэр города вручает юным строителям дипломы «хонорис кауза» — почетных граждан Фромборка.

Да простят меня читатели за то, что я так своевольно обошелся с временем. Ничего подобного во Фромборке не было и пока нет. Но будет!

— Сначала было ощущение, что харцерам профессиональных школ надо дать какое-то красивое задание, — рассказывал мне Мечик Шеминский, заведующий отделом старших харцеров Главного штаба. — Но какое?..

Сидели вечерами, ожесточенно курили, думали «в плане бреда». Заковать Вислу в дамбы? Не потянут ребята. Слишком специфична работа. Построить шоссе? Уже было.

Кто-то неуверенно сказал: «Вот есть маленькие города, которые плохо растут...»

Пошли с этой еще смутной идеей в Совет Министров. Там воскликнули: «Вы нам посланы с неба! Скоро исполнится 500 лет со дня рождения Коперника. Во Фромборк, где долгие годы жил и работал великий ученый, съедутся тысячи гостей и туристов. Город нужно будет подготовить к празднествам. Мы вас обеспечим всем необходимым, а вы нам дайте руки...»

Обратите внимание: юбилей Коперника будет через семь лет, а операция уже началась.

Выезд первых строительных бригад намечен на лето 1967 года. Но уже весной 1966 сотни дружин письмом «самого» начальника были оповещены о начале операции.

Я нарочно избрал в качестве примера дело, которое еще только будет. С такой тщательностью в СПХ готовятся все операции, кампании. Продумать наперед все, что можно, заранее свести к минимуму холостые ходы, издержки. И только после этого будоражить дружины.

— Пусть задания будут настолько трудными, чтобы молодежь хотела их принимать, и настолько

легкими, чтобы она могла их выполнить, — говорят деятели СПХ. — Необходимо, чтобы деятельность дружины была и общественно полезной и давала харцерам максимум радости.

Это правило пронизывает все харцерские начинания. Оно и определяет выбор заданий для дружин — трудных и в то же время легких.

Характерна в этом смысле операция «Бещацкие гостиницы». Название свое она ведет от Бещац — прекрасного для туризма, но еще мало освоенного края Польши. Прошлым летом сюда приехали сотни дружин. Разбив лагерь, ребята устраивали походы, военно-спортивные игры. Коротче, отдыхали. Но и работали! Проголодавшийся турист мог задешево подкрепиться в харцерском «кафе». А пока он после обеда отдыхал в палаточном «номере», ребята проявляли его фотопленку и печатали снимки. В передвижном ларьке забывчивые путешественники покупали спички, соль, а рыболовы — свеженакопанных червей.

— Никто, конечно, харцерам не внушал, что именно они решат проблему обслуживания туристов в Бещацах, — говорили мне в Главном штабе. — Но у них было удовлетворение оттого, что смогли быть полезными другим. И это главное...

Насколько я успел заметить, в харцерстве запрещают детям говорить громкие слова типа «это наш труд», «это наш вклад»... В СПХ понимают, что результаты деятельности одной дружины, как бы она ни старалась, будут скромны. Они станут ощутимы, когда не одна, а десятки, сотни дружин участвуют в какой-то операции. И вот тут у харцеров появляется высокое чувство принадлежности к своему сою-

зу, сознание общей силы. Это мы построили шоссе! Это наши руки омолодят Фромборк.

Союз харцеров, пользующийся большой поддержкой общественности, мог бы иметь сотни благоустроенных летних лагерей. Но у него их нет, нет и стремления иметь их. Харцеры сами строят свои лагеря. Строят задолго до того, как наступит лето. Стулья, кровати, вешалки — все делают сами. На палатки зарабатывают.

Но обратим внимание и на другое. На стремление, чтобы любое харцерское дело было красивым, легким.

В Катовицком воеводстве с большим успехом проходит операция «Были, есть и будем». Она рассчитана на воспитание патриотизма, гордости за боевое революционное прошлое индустриальной Силезии. Стремясь как можно нагляднее представить весь героический драматизм знаменитых силезских восстаний, харцеры устраивают «рабочие сходки», «маевки».

Лесные «кафе», «рабочие сходки»... Не игра ли все это? Да, игра. И «хонорис кауза» Фромборка и письмо «самого» начальника тоже.

Но игра не как случайный всплеск чьей-то фантазии или вынужденная уступка возрасту по принципу «чем бы дитя ни тешилось...». А игра как обязательный элемент методики работы, и не только с зухами или младшими харцерами, но и с харцерами-подростками. Эта-то романтика высокого накала, остроумная выдумка и делают задания заманчивыми и выполнимыми.

Многие харцерские формы работы, в том числе и «детская республика» во дворе, и встречи с Очень

Важными Людьми, и Время Великой Импровизации, в которое дружины сами ищут задание, вполне можно отнести под рубрику «красивых дел». И в том, что форма здесь называется делом, нет никакой смысловой оплошности. Ведь в воспитании и содержание и форма одинаково важны. Попробуй что-то из них недооценить — жди или содержательную скуку, или принаряженную пустоту. В истории харцерства было и то и другое. Сегодняшнее руководство СПХ стремится таких ошибок не повторять.

* * *

В основу руководства союзом положена не директива, а предложение.

Вернее, много предложений, каждое из которых актуально и для страны и для союза. Предложения, в свою очередь, вытекают из главных направлений деятельности СПХ.

На основе предложений Главного штаба областные штабы составляют программы деятельности дружин. Эти программы также содержат в себе много вариантов. И так вплоть до «элементарной частицы» союза — звена.

Как правило, деятельность дружин совпадает с задачами, стоящими перед взрослым населением области, района. Так, например, в программе харцерской организации Люблинского воеводства, преимущественно сельского, на первый план выдвинуты задания, связанные с культурным прогрессом деревни, ее общественной перестройкой. Такой же актуальностью насыщены программы гданьской, кошалинской и других организаций. Но сталкиваешь-

ся и с вещами, которые вроде бы противоречат этому правилу. Вот Силезия. Типично сухопутная область. А «морских дружин» в ней больше, чем где-либо в Польше. Никакого противоречия, конечно, тут нет. «Сухопутные» мальчишки и девчонки всегда тянутся к морю сильнее, чем те, кто видит море повседневно. И своим воображением могут рядовое озеро превратить в Тихий океан. А силезская программа, в которой есть и водный спорт, помогает им реализовать полезную мечту.

Конечно, все это не означает, что в СПХ начисто отказались от воздействия сверху на выбор заданий дружинами. Ежегодно союз проводит рейды. Прошлым летом каждая дружина получила письмо начальника Главного штаба за личной подписью В. Кинецкого. На конверте была пометка: вскрыть в такой-то день и час. Уже одно это дисциплинировало дружину — она жила ожиданием какого-то значительного события. И вот письмо зачитывается вслух. Дружине предписывается разыскать следы одного из героев войны, привести в порядок памятники погибшим в борьбе с фашизмом и т. д. Так началась операция «Победа».

С помощью рейдов директива мгновенно передается ее исполнителям. Этапы обсуждений сознательно исключаются. Приказ есть приказ. И чтобы его выполнить, необходимо поднять на ноги всю организацию.

* * *

Это все из области руководства сверху. А встречает ли оно инициативу снизу? Мои собеседники

начинали приводить примеры. Вот в горах Силезии харцеры, разыскивая «орлиные гнезда» партизан, неожиданно, вне плана операции, начали восстанавливать мосты через речки, разрушенные во время войны. Вот во многих дружинах «харцерская осень дружбы» продолжается весь год...

— Достаточно, — говорил я, извиняясь за свою нетерпеливость. — В биологии ростки провоцируются различными растворами, светом. А каков рецепт вашего «раствора»?

Мне объясняли: инициативу харцеров «провоцирует» право выбора того задания, которое наиболее отвечает их личным интересам, а в перспективе и интересам общества. Выбрав себе такое задание, они расцветчивают его своей выдумкой, начинают «импровизацию», часто весьма складную и содержательную, как, например, восстановление мостов.

— Ну, а как быть, если ни одно предложение не устраивает детей? — спросил я руководителя школы инструкторов в Хожуве Зигмунта Блендовского.

Он спокойно ответил:

— Такого не может быть.

Продолжая спор на эту тему, мы с ним избрали чисто теоретическую ситуацию. Союз проводит кампанию по связи с производством. Инструктор хочет сводить отряд зухов на завод. А дети увлечены фотографированием и рисованием. Как тут быть, что надо сделать, чтобы не подавить их самостоятельность?

Зигмунт, сам много лет работавший инструктором, на минуту задумался. Потом улыбнулся и сказал:

— Прекрасно! Я им скажу: давайте пойдём на завод. Там мы нарисуем «портреты наших отцов», сделаем клумбы цветов...

А теперь перекинем мостик разговора от самостоятельности к самоуправлению. Сложный вопрос. Столько из-за него было поломано пик! Одни говорят: дети вообще не способны к самоуправлению. Другие: без него немыслимо настоящее воспитание. В СПХ на этот счет рассуждают так: не самоуправление детей, а самоуправление организации детей при обязательном участии в нём взрослого человека — инструктора.

— И если есть дружины, которые работают без взрослого, что бывает, например, в летних лагерях, так это исключение лишь подтверждает правило, — говорил мне Кинецкий. — Влияние взрослого в самоуправляемых дружинах продолжается как бы по инерции...

Польский вожатый никогда не скажет детям: думайте сами, делайте сами. Он говорит: подумаем вместе, сделаем вместе, ибо понимает, что взростать дети, предоставленные самим себе, могут, но плоды такого роста часто бывают горькими и даже гнилыми.

«Самая низкооплачиваемая работа в Польше — это работа с детьми». Имеется в виду, конечно, общественная работа. Это шутка, в которой все надо понимать наоборот. Десятки тысяч польских «ребячьих комиссаров» получают высшую плату за свои душевные труды и огорчения — растёт здоровое, жизнерадостное поколение, готовое и строить социализм и сражаться за него.

Колумбы страны детства

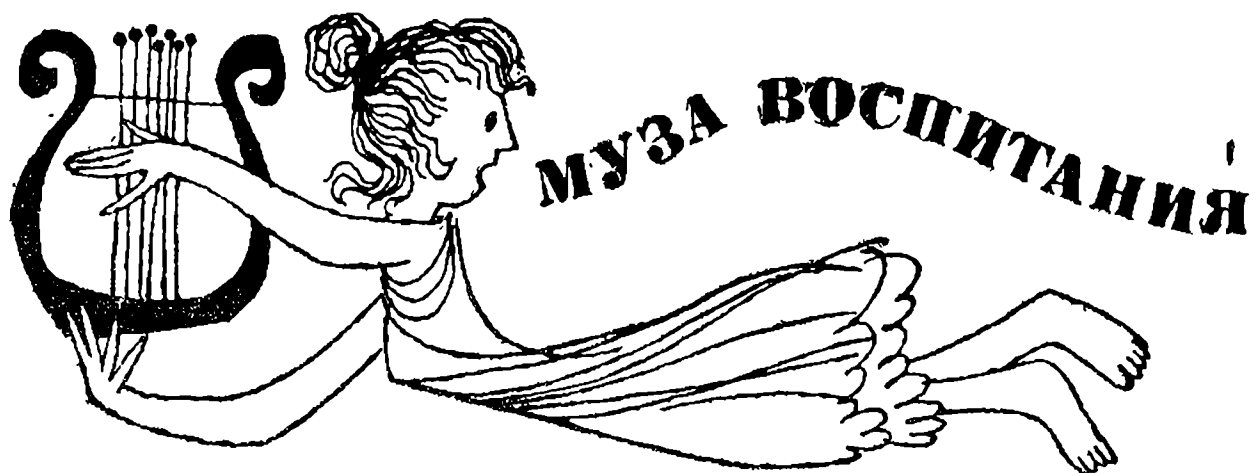
(Еще два „портрета счастливых“)

Говорить с мастерами воспитания—истинное наслаждение.

На первый взгляд это может показаться сильным преувеличением. Ведь каждый из нас в душе считает себя знатоком детей, педагогом-самородком. Но это иллюзия. Работа воспитателя лишь кажется несложной. Попробуйте сами, без внутренней подготовки, взяться за его дело. Концы с концами не сведешь.

Свои прозрачные суждения мастер воспитания вынес как драгоценный камень из труднодоступной страны детства. Чтобы увидеть, чего это ему стоило, взгляни на его виски, на гору книг, которую он перевернул. Но с улыбкой человека, который нисколько не жалеет о своем трудном путешествии, легко и непринужденно он опрокинет навзничь твои примитивные и самонадеянные представления о работе с детьми. И получаешь удовольствие, мало с чем сравнимое, — расстаешься с собственными заблуждениями...

Средством записанных разговоров мне хотелось бы представить некоторых воспитателей Польши и еще одной страны, в которой мне удалось побывать, — Чехословакии.

Певца Владислава Скорачевского я ждал, как мы с ним и договорились, в кафе «Тóска» на улице Мольера, рядом с оперным театром. Вопреки всем законам рентабельной торговли официанток в кафе было больше, чем посетителей. Ничего не попишешь, раннее утро воскресенья. Многие варшавяне в этот час еще спали. Мой самоотверженный переводчик с легкой грустью посматривал за окно. Конечно же, ему грезились воскресные радости. Чтобы как-то утешить его, я сказал, что пробудем здесь не больше часа. А про себя побаивался, что выйдем из кафе еще раньше. Певца хорошо слушать, когда он поет. А вот когда он говорит...

В кафе стремительно вошел коренастый подвижный человек, одетый и настроенный, как видно, буднично. Снял на ходу пальто, берет, кинул их на вешалку, заказал чашку кофе и подсел к нам. Это

и был певец Большого театра Владислав Скорачевский, заслуженный деятель культуры Народной Польши. Он извинился за небольшое опоздание («Для репетиции смешанного хора мальчиков и девочек надо было найти зал») и спросил, какие будут к нему вопросы.

Разговор наш шел, конечно, об искусстве. Однако не об оперном, над которым в паре шефствуют Мельпомена и Евтерпа. Не знаю, была ли у эллинов муза воспитания детей. Но именно об этом тончайшем, не каждому доступном виде искусства мы и условились со Скорачевским поговорить.

Владислав имеет еще одно звание. Его удостоены в Польше всего тридцать три человека. На русском языке оно, наверное, точнее всего будет звучать так: лучший вожатый страны. Это звание Скорачевскому присвоено за талантливое руководство детским коллективом — харцерской артистической дружиной.

Если вы будете в Варшаве и на улице встретите стайку бегущих мальчишек и девчонок с инструментами под мышкой, в красно-белых галстуках со знаком музыкального ключа, наверняка не ошибетесь — это питомцы Скорачевского.

Мой первый вопрос:

— Вы могли бы сейчас пить кофе дома, читать утреннюю газету. Что же вас привело в театр сегодня?

Скорачевский: Видите ли, я человек относительно не молодой. Мне сорок пять лет. Хочется ещё что-то успеть сделать, поэтому залеживаться в постели утрами не люблю.

Но сегодня, как и в другие дни, меня сюда при-

вели, конечно, не привычки возраста. Может, это прозвучит высокопарно, но я этого не боюсь — приводит сюда идея.

Я воевал, был участником Варшавского восстания. Знаю, и не по книгам, каким был путь Польши к новой жизни. Чтобы трагедии прошлых лет больше не повторились, надо иметь здоровую целеустремленную молодежь. А чтобы она была такой, ее нужно воспитывать, работать с ней.

— Владислав, вы ведь «отбиваете» детей у родителей и школы. Они не возражают против этого?

— Насколько мне известно, нет. Правда, иногда звонят родители и выражают беспокойство по поводу того, что их ребенок в чем-то сильно изменился. Например, один отец был сильно недоволен тем, что его дочь решила убирать в своей комнате сама и отказалась от услуг домработницы.

Когда между моим юным другом и его родителями возникает недопонимание и меня приглашают на роль третейского судьи (а это, я вам скажу, всегда труднейшая партия!), я придерживаюсь правила: истина находится посередине.

Верно, молодые люди не всегда понимают и даже не всегда хотят понять особенности, в которых воспитывались родители, трудности, какие пришлось вынести старшим. Не все взрослые, в свою очередь, в силах отрешиться от груза некоторых предубеждений. Но хотя истина и находится посередине, я стараюсь чаще становиться на сторону детей — ведь по сравнению со взрослыми, имеющими свои вкусы, привычки, взгляды, подростки безоружны в этом столкновении: их вкусы еще не сформировались, взгляды не устоялись, привычки не окрепли.

(К слову сказать, у Владислава триста пятьдесят мальчишек и девчонок от 7 до 17 лет. Все они, потом я увидел, боготворят этого человека. Их смешливость и непоседливость как рукой снимает, когда он берет в руки дирижерскую палочку. Что бы он ни делал, заставлял ли их по десять раз повторять одно и то же место, сердился ли на фальшь, они во все глаза смотрели на него и были покорны каждому его слову, жесту. Ни дать ни взять оркестр очарованных душ.

Однако прервем это отступление и дадим Владиславу закончить свою мысль.)

— Я думаю, что людей, работающих с молодежью за высшую плату — за «спасибо», должно быть как можно больше. Дети, когда они находятся вне стен дома и школы, уходят из-под власти родителей и учителей. А думать, что они когда-то могут обходиться без нашей власти, вернее нашего влияния, — значит играть на руку уличному анархизму. Они не могут без нас, в этом их счастье, а бывает, и горе. Когда некогда учителю и отцу, на смену им должен приходиться человек, который в эту минуту свободен.

Без него, по крайней мере сегодня, нам никак не обойтись. Посмотрите, школьное и семейное воспитание опирается в основном на долг. Дети, хотя бы они того или нет, должны учиться, вести себя так, как требуют взрослые. Но ведь и им хочется выражать свою волю! Причем прежде всего добрую волю. Для этого и создана наша дружина. В ней они делают только то, что отвечает их желаниям. У них есть право оставаться в дружине на долгие годы или уйти из нее на второй день.

Когда исполняется их воля, они доверчивее относятся к своему долгу.

Не хочу обижать родителей и учителей, но я часто оказываюсь в более выгодном положении, чем они. Мои ребята знают, что у меня нет на них права «семейной собственности», что в отличие от учителя я им не буду выставлять отметку по поведению. И именно поэтому непослушание перестает для них быть привлекательным.

— Какими, на ваш взгляд, могут быть средства воспитания детей, когда они вне стен дома и школы?

— Я могу ответить на этот вопрос, только заранее знаю, что многие со мной будут не согласны.

Мне кажется, что в наше время сильно недооценивают роль музыки в воспитании, причем в широком смысле слова. А я убежден, что музыка содержит в себе решительно все средства воздействия на человека. Она сродни воспитанию в том смысле, что в нем тоже необходима полная гармония. И поверьте, это вовсе не профессиональный заскок. Если мы научим детей любить и понимать музыку, они будут и интернационалистами, и патриотами, и борцами за прекрасное... Впрочем, назовите мне качество, которое музыка не могла бы воспитать?

— Ну, например, деловитость...

— Вы ошибаетесь! Мои ребята вовсе не белоручки. Они и инструменты на себе таскают и деньги на гастрольные поездки зарабатывают. Хотите конкретный пример? В Грюнвальде, на слете польской молодежи, создалась аварийная ситуация. Гостей приехало намного больше, чем ожидалось. Надо было срочно строить добавочный лагерь.

Не говоря уже о том, что наша дружина первой вызвалась помочь, она и с поразительной быстротой сделала все, что нужно. Ребята строили лагерь теми самыми руками, которыми вечером того же дня, на концерте, должны были работать смычками.

(Странно. В Катовицах я познакомился еще с одним старшим другом польских ребят, художником-баталистом Лешеком Пясецким. И он с той же убежденностью, что и Скорачевский, доказывал: интерес к истории и традициям страны способен воспитать в человеке все, что ему необходимо в наш век. Под руководством Лешека ребята создали первый в Польше музей народного быта. И каких это трудов им стоило, сколько им пришлось обойти воеводств и во сколько домов постучаться!

Написал и подумал, что ничего странного нет. Ведь когда о своем увлечении говорят увлеченные люди, необъективность — простительная единственно в этом случае — неизбежна.)

— Владислав, раз уж вы придаете музыке такое универсальное значение, то ваш стиль, как воспитателя, наверное, мягок, так сказать, пластичен?

Он попросил дважды перевести этот мой вопрос. Поняв его, заразительно засмеялся.

— Все почему-то думают, что где музыка, там сплошной елей. Это неправильно. В мою задачу не входит воспитание гениев, никого из детей я не убеждаю, что они со временем внесут вклад в мировую культуру. Хотя должен сказать, что из ансамбля вышли люди и широко известные. Семнадцать музыкантов оркестра оперного театра — воспитанники нашей дружины. Но все это люди, которых мы не холили и не баловали.

Я против приказного тона, но я за дисциплину такую же четкую, как в армии. И система наказаний в дружине напоминает армейскую. Провинился — выполни вне очереди какую-то черную работу. С ними иногда можно и нужно пофамильярничать. Это порой действует лучше, чем обстоятельная педагогическая беседа.

Возможно, в полемике я кое-что и заостряю. Но я никогда не отказывался от принуждения, если оно диктуется обстановкой. Вот пример. Я замечаю, что некоторым родителям безразлично, бывают ли их дети в театрах, музеях. Лишь бы учились хорошо, лишь бы ни в чем дурном не были замешаны. Но я думаю, если в человеке не воспитывать чувства прекрасного, его смирение — до поры до времени. Вот почему я обязываю членов дружины регулярно посещать и театры и музеи и бывать на концертах. Первое время они делают это неохотно, потом с большим удовольствием. Насилие? Да, но на каком-то этапе и оно оказывается необходимым.

У нас есть совет дружины. Я не допускаю мысли, чтобы его заседания проходили без моего участия. По некоторым вопросам, например куда поехать на гастроли, беру право решающего голоса. Что же касается наказаний, стараюсь отходить на второй план. Пусть дети видят, что их вина вовсе не передо мной, придирчивым взрослым, а вина перед товарищами.

Но как руководитель дружины я снова выхожу на первый план, когда возникает опасность, что будет наказано то, что ненаказуемо. Например, в дружине возникает любовь. Не надо бояться любви. Есть другая опасность: непонятые, они погряз-

нут в цинизме. Если у моих старших воспитанников возникает желание соединить свою судьбу, мы празднуем красивую, поэтичную свадьбу.

Мне бы хотелось подчеркнуть, что я не любитель коллективных проработок. Допустим, если девочка ведет себя легкомысленно, не допускаю мысли, чтобы вопрос о ее поведении был поставлен на общем собрании дружины. Такой способ обсуждения, как правило, дает обратные результаты, а порой и ужасные.

— Еще один, заранее извиняюсь, не очень тактичный вопрос. Когда вы уйдете на пенсию, не боитесь, что без вас дружина распадется?

— О том, что когда-нибудь придется уходить и из театра и из дружины, я уже думал, хотя, честно говоря, не тороплюсь. Но даже если бы я был бессмертен (увы, этого не бывает), все равно я бы не полагался только на себя. Дружина растет, задачи воспитания с каждым годом усложняются. Да и мне было бы крайне неприятно, если бы без меня мое дело исчезло. Чего ж я тогда стою сейчас?

У меня есть помощники из числа моих питомцев. Кто-то из них заменит меня. В присланных со стороны воспитателей я не очень верю.

— И последняя просьба. Расскажите о самом для вас незабываемом событии в жизни дружины.

— Можно начать с небольшой интриги? Однажды на мое имя от начальника варшавской милиции пришло благодарственное письмо...

Случилось вот что. В Варшаве тысячи молодых людей собрались на свой праздник. Наша дружина вместе с другими ансамблями вышла на эстраду,

чтобы исполнить хоровую песню. И вот оркестр уже заиграл, как вдруг кто-то взорвал петарду со слезоточивым газом. Как потом выяснилось, это была чисто хулиганская выходка без всякой политической подкладки.

Но что бы там ни было, возникла паника. Певцы стали покидать эстраду, заволновались и зрители. И тут я чуть не умер от счастья и гордости за своих ребят. Они-то стояли там же, где и были! Газ имел глаза, они захлебывались от слез, но пели!

Это потрясло всех. Паника моментально улеглась, милиция облегченно вздохнула.

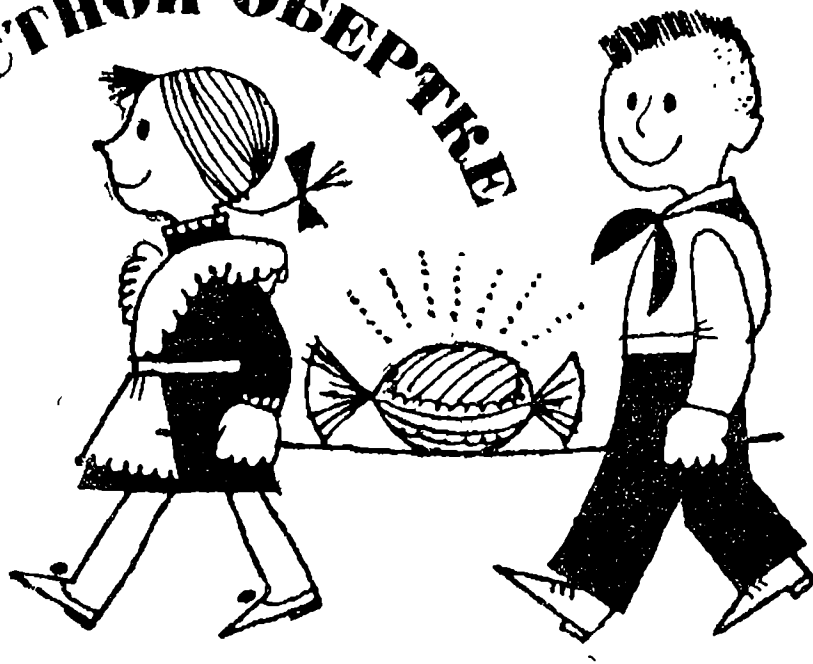
Что же касается меня, я в эти мгновения думал, что, наверное, лучшего подарка, чем тот, который сделали ребята, до меня никто еще не получал!

* * *

Как интервьюеру, мне хотелось бы признаться в одном обстоятельстве. Не все, что здесь рассказано, я услышал от Скорачевского в кафе «Тóска». Мы там были не больше четверти часа. Так и не притронувшись к чашке кофе, Владислав, извинившись, встал и сказал, что должен идти в театр — начинается репетиция симфонического оркестра.

Мне пришлось еще несколько раз встречаться с ним, чтобы закончить беседу. И все урывками, потому что занят Скорачевский отчаянно. Он участвует почти в каждом спектакле театра (какая опера обходится без баса?). К тому же Владислав — секретарь партийного комитета театра. Но кто бы из детей ни подходил к нему за чем-нибудь, он ни разу не сказал: я занят...

„КОНФЕТКА“ В ЧЕСТНОЙ ОБЕРТКЕ

Петр Андреле в прошлом журналист. Возможно, эта профессия наложила какой-то отпечаток на его характер. Секретарь комитета чехословацкого союза молодежи города Хомутова — человек чрезвычайно подвижный, вечно куда-то торопящийся. Но когда ему задаешь вопросы, он становится задумчивым, о некоторых вещах говорит с нескрываемой горечью и даже сарказмом.

— Иногда такое впечатление создается, что мы долго спали. Но вот проснулись и увидели, что мы работали с молодежью, как говорится, в общем и целом. Всем одни задания, ко всем один подход. Как будто человек, находящийся в союзе одиннадцать лет, засох, как мумия.

А он меняется, в некоторых отношениях весьма существенно. Приняли в союз мальчишку, а провожаем семьянина.

Вот что я заметил, когда работал в заводской многотиражке, а потом председателем заводского комитета союза. Устраиваем мы собрание, говорим о механизации, автоматизации, квартирах для молодоженов. И сразу видишь, на собрании появляется скучающая фракция. Ученики, практиканты из училищ и техникумов, зевают, дурачатся, сколько им ни делай замечаний.

— Ну, квартиры для молодоженов их действительно мало волнуют. Но механизация и автоматизация?..

— Видишь ли, подростки-рабочие, с одной стороны, в самом деле интересуются «взрослыми» проблемами. Они хотят получить квалификацию, хорошо зарабатывать. Но, с другой стороны, это сущие дети. Их привязанности многообразны: станок и футбольное поле, техническая учеба и веселая свалка на полянке. Как тут быть? Силком втаскивать их во взрослую общественную жизнь? А не возненавидит ли он ее навсегда, слишком рано овзросленный?

С этим надо считаться. Над этим мы думали, когда разрабатывали условия молодежного соревнования под названием «Тысяча градусов бодрости».

— В чем его суть?

— По своей форме оно напоминает состязание, конкурс. Каждому участнику вручаем памятку, в которой сказано, за что надо соревноваться и каков будет результат в случае победы. Каждое выполненное условие оценивается очками.

Допустим, если ты хоть один раз примешь участие в строительстве заводского плавательного бас-

сейна, ты получишь пять очков. Если приведешь с собой товарища — десять очков, двух — двадцать. Если ты в ходе соревнования подашь какую-то интересную идею и реализуешь ее сам в течение месяца — тебе засчитают пятьдесят пять очков.

Всего их надо набрать тысячу. Но это редко кому удастся. Зато победитель получает высшую премию — бесплатную туристскую путевку для поездки за границу. Другим вручаются палатки, наборы грампластинок, футбольные мячи.

(То, о чем рассказывал Петр, напоминало по форме соревнование «Сигнал», проводившееся среди молодежи крупнейшего центра текстильной промышленности Чехословакии — в городе Наход. Название соревнования включает в себя начальные буквы шести слов, которые, если их перевести на русский, будут звучать так: мастерство, инициатива, жизнь под открытым небом, сила воли, атлетика и литература. Это шесть направлений соревнования, каждое включает в себя несколько условий. Некоторые из них могут на первый взгляд показаться смешными и несерьезными. Например, чтобы заработать очки по «силе воли», надо выдержать несколько испытаний. Если ты начал рано курить, вот тебе условие: целую неделю не притрагивайся к сигаретам. Если тебя подруги уже упрекали в том, что ты много разговариваешь на работе, дай «обет молчания», в течение дня не произнеси ни слова. А в итоге тоже приз.)

Я спросил Петра, в чем состоит существенная разница между их «Тысячью» и «Сигналом». Он ответил:

— Разницы почти никакой. В Находе молодежь

составляют главным образом девушки и юноши не старше 16—17 лет. И наше соревнование рассчитано прежде всего на подростков, хотя мы, конечно, не возражаем, если в нем захочет участвовать кто-то постарше.

Расскажу два эпизода из «Тысячи градусов». В одно из воскресений четырнадцать парнишек и одна девчонка с завода шарикоподшипников сели в автобус и отъехали в нем от города на тридцать километров. Потом подошли к реке, разделись до плавок, отдали одежду одной девушке, наняли для нее такси и сказали: «Отвези в город». А сами, кто на самодельном плоту, кто на надувном матрасе, стали спускаться вниз по течению реки. Вечером они были в городе и получили большое количество очков.

На этом же заводе у них была группа соперников примерно того же возраста. Что сделали они? Тоже сели в автобус и отъехали на нем пятьдесят километров. А потом пошли в город пешком. Но по дороге просили встречных путников удостоверить подписью, что их видели пешими в таком-то месте в такой-то час.

Потом был отчаянный спор, кто же из них остроумнее выполнил условие по спорту. Комитету союза завода пришлось создавать специальный арбитраж. И вообще надо отметить: никакое еще соревнование не проходило в нашем городе так горячо, с таким азартом. И этот взрыв выдумки, инициативы был даже несколько неожиданным для нас. Потом поняли: возраст!

Параллельно с «Тысячью градусов» проходила операция «Всюду был». Цель ее обычная: разы-

скать неиспользованное оборудование, металлический лом. Но мы дали такое направление операции: искать в заброшенных помещениях, на чердаках. Участники операции назывались «разведчиками». Отыскав что-нибудь ценное, они писали «боевое донесение» на имя директора. Всего было находок на 3 миллиона крон. Лучших мы, конечно, наградили.

— То, о чем ты говоришь, Петр: путевки, палатки и т. д. — в воспитании называется «конфеткой».

— Согласен.

— Но многие люди, я знаю, считают, что для подростка «конфетка» не нужна...

— Это смотря как ее понимать. «Конфетка» в честной обертке нужна.

Ребенок получит игрушку за хорошее поведение и радуется. Подростку вручают футбольный мяч, и он необыкновенно горд. Но ведь этот мяч он мог спокойно купить в магазине. Нет, он полгода ходит на воскресники, участвует в молодежных вечерах, ходит в походы. «Тысяча градусов» для него мостик, соединяющий полянку с цехом, его детские запросы со взрослыми.

Какую бы сторону жизни мы ни взяли, всегда надо помнить, что ему и уже и еще шестнадцать. Вот он идет отдыхать. Куда, в профсоюзный клуб? Но там ему тоже будет не по себе. Там все рассчитано на солидного, степенного человека.

Ему нужен свой клуб. Ладно, создаем. Но где его разместить? Это тоже важно. Они, как я успел заметить, не очень любят новые здания со строгой обстановкой. И вот, создавая молодежный клуб, мы использовали старое бомбоубежище. Опять вопрос:

как его назвать? Назвали «У дикаря». Ведь они еще не остыли от приключенческих фильмов и детективных повестей...

* * *

Подражая стилю одной сказки, скажу: я в этом клубе был, приятный коктейль пил...

А если серьезно, «У дикаря» — отличный клуб. Его создавали умные и веселые люди.

Тут танцы вперемежку с разговорами о жизни и профессии, работают телевизор и бар, стены увешаны космическими картами и доспехами средневековых рыцарей. А все начинается с двери, у которой электрический звонок, а под звонком надпись: «Звонить три раза. Всегда ваш «дикарь».

И только тут я понял, что Петр во многих случаях, когда говорил «мы», мог бы сказать «я». Это он придумал «Тысячу градусов», был главным декоратором «Дикаря». В клубе, среди ребят, он чувствовал себя как рыба в воде. Танцевал, на ходу выдавал деньги — касса клуба всегда при нем, в правом кармане пиджака. Посидел на вертящемся стульчике стойки и поговорил с дежурным барменом, шестнадцатилетним Стефаном Маркевичем.

Когда мы выходили из «Дикаря», Петр хлопнул меня по плечу и спросил:

— Ну как, «конфетка» нужна?

— В честной обертке, — ответил я, — нужна.

**ЭЛИКСИР
МОЛОДОСТИ**

А вы сможете так:

Все отдать, все взв?
Любить, никого не прощать?
Учить детей, учась у них?
Войти в законы?

Помогать другим побеждать себя?

**Место на земле, где Светка с Ирой
не разойдутся.**

«Фи, как это непедагогично!»

Сэн, сэновцы и Ф. Я.

«Коммуна шагает и криво и прямо».

**Режиссеры, композиторы, физики и
даже «шизики».**

Кто-то сказал, что подростки — наиболее очаровательная ветвь человечества, бурливая, беспорядочная, прекрасная.

Кому-то послышится в этом утверждении излишнее умиление. Кому-то, только не воспитателю. Один он знает, какое это огромное и острое счастье — быть рядом с ними.

Мы ошибаемся, думая, что, заботясь о них, творим добро в одностороннем порядке. Существует еще одна необходимость общения с ними — они воспитывают взрослых.

В самом деле, разве только однажды мы изменяли свое решение, воздерживались от какого-то необдуманного поступка из-за пристального взгляда сына, слова, ненароком брошенного учеником? Их мгновенная готовность к добру, непосредственность и чистота в отношении к другим заставляют нас критически относиться к тем нашим затверделым привычкам, которые мы сокрушенно объясняем одним словом — годы...

— Вы знаете, почему мы стареем? — спросил меня как-то один из знакомых «ребячьих комиссаров». — Оттого, что мы боимся остаться детьми...

Это, конечно, надо понимать условно. Буквальный смысл сказанного вот какой: всегда держаться как можно ближе к детям. Их видение мира несколько отличается от нашего. Наше мудрее, их острее. Мы

любим и ненавидим зрело, основательно, они пылко. Научившись смотреть на вещи их глазами, мы становимся наблюдательнее.

Общение с детьми, как ничто другое, заставляет человека расти умом и сердцем до преклонных лет, открывать в себе такие резервы, о каких он и не подозревал.

Что все это так, убедимся на судьбе одного воспитателя.

И на последнем слове этой истории простимся.

УНИВЕРСИТЕТ Ф. Я.

Время от времени появляется слух, что Фрунзенская коммуна распалась. Кто-то в связи с этим горюет, кому-то все равно. Но верят: рано или поздно такое должно было произойти.

А коммуна торжественно справила свое семилетие. Летом она большим табором кочует по «стране Ефимии», то бишь Ефимовскому району Ленинградской области. Кочует с рюкзаками на плечах. Проводит «трудовые десанты». Спорит о смысле жизни без отрыва от картофельной грядки. Аборигены «Ефимии» не в первый раз видят коммунаров у себя. Но каждый раз удивляются: откуда, с какой планеты вы взялись такие? Работать даже при свете луны. Ругать товарища за то, что у него нет своего мнения, так, будто он что-то украл. Выстроить своими руками обелиск и написать на нем имена всех тех ефимовцев, кто, возможно, не падал грудью на амбразуру, но просто от пули погиб.

В конце лета коммуна вернется в Ленинград. Загорелая, с облупленным носом, веселым вызовом в глазах: эй вы, пижоны, которые все лето слонялись по Невскому, послушав нас, вы схватите хроническую неизлечимую зависть...

Но зимой (тогда обычно и возникают грустные слухи) коммуна становится тихой, как река, которая в одном месте вдруг почти вся уходит под землю. Узким ручьем течет она во Фрунзенский дом пионеров, к методисту Файне Яковлевне, председателю ревкома коммуны. (За глаза многие коммунары не называют ее полным именем-отчеством. Коротко и деловито: Ф. Я.)

Управление коммуной осуществляется следующим образом. Ф. Я. сидит за столом, прижав плечом к уху телефонную трубку. Вся напряженное внимание. Около нее стоит юноша, воплощение воспитанности, ждет, когда предревкома закончит разговор.

— Давай пошевелим насчет заседания совета, — говорит ему Ф. Я., зажав один конец трубки.

Юноша делает растерянные глаза: вы же заняты!

— Ничего. Через полчаса он скажет, что ему от меня нужно, а я уже давно в курсе. Как насчет среды?..

— В среду мы завалимся!

— Разумеется! — это она в трубку.

Через полчаса оба разговора закончены. Благодарь. Все высокие договаривающиеся стороны довольны...

То и дело хлопает многострадальная дверь пионерской комнаты. Кого-то утром, еще в постели,

озарит сверхгениальная идея насчет операции «ММ» (мальчишкам мальчишеское). Скорей к Ф. Я. Какой-нибудь Светке невтерпез увидеться с Иркой и узнать, что она думает о поведении Людки. А во всем мире есть только одно место, где они не разойдутся, — та же пионерская комната.

Вот и идет здесь с утра до вечера, как принято говорить в коммуне, великий «треп».

— Понимаешь, средним учителем еще можно быть. Но средним режиссером?

— А я иду-у-у, шагаю по Москве-е-е...

— Тогда это болезнь воли! Потому что если уж мы получили место под солнцем, то мы должны быть людьми...

Ну что в этом «трепе» от коммуны? А надоест им говорить, так фокусы новые начнут друг другу демонстрировать, а некоторые живчики борьбу в вольном стиле затеют.

— Эй, народ, расходитесь! — вскипит Ф. Я., не выдержав под вечер гвалта. Ноль внимания. Заклеймив как следует их великовозрастную дурь, выдвинет ящик стола и упрется взглядом в раскрытую еще вчера книгу. Почитать, что ли, пока они уберутся? Но через час, не перелистнув ни страницы, положит на стол крышечку от монпансье. В нее летит ученическая медь, самый неутомимый оратор бежит за пирожками.

Войди сюда посторонний человек, что он может подумать? Сплошное праздношатание. Да и председатель ревкома тоже хорош. Сиделка какая-то, няня из бюро добрых услуг, не дает никаких основополагающих указаний, никакой у нее солидности ни в жестах, ни в позе. Обычная женщина. Вопреки

элементарному педагогическому такту кричит детям, что они ей смертельно надоели и скоро, очень скоро она от них навсегда отдохнет.

Но про свою генеральную тему, усталость, Ф. Я. мгновенно забудет, если вы скажете, что пришли в коммуну за опытом. Не польщенного деятеля увидите, а сердитую, с грозным хохолком наседку. Ей будут слать записки: «Ф. Я.! Пожалейте человека!», а она вас не пожалеет, на каждый вопрос — сдержанный колкий ответ.

Ее злит, когда слово в слово записывают коммунарские выдумки. «Съезды мечтателей» — ах, как здорово, проведем у себя! Анкета «Почему мы серые?» — мы тоже за социологию. «Откровенные разговоры» — да это как раз то, чего нам не хватает.

Procul este profani! Отойдите, непосвященные! Вам совсем не того, что вы думаете, не хватает...

В какую графу запишешь бормотанье, лепет, ропот коммуны, в каком кабинете отчитаешься за прожитый день? Рост человека так же незаметен для глаза, как движение часовой стрелки.

В этом легком непринужденном «трепе» обмозговывается все то, что происходит вокруг и в самой коммуне. В невидимую коробку из-под монпансье день-деньской летят идейки и идеищи — коммуна готовится к очередному прыжку. Здесь они прицеливаются друг к другу, сходятся, расходятся во мнениях. И под сурдинку шуток шлифуют себя.

Да она и сама только делает вид, что с трудом терпит этот «треп». Вслушиваться в него ей так же необходимо, как пчеловоду прижиматься ухом к улью перед сбором меда.

А что касается желающих подражать коммуне, ей нужно знать, что именно вас толкнуло к детям. Если только чувство, вы ошиблись адресом.

— Я не люблю детей, — скажет она, не моргнув. — Но работать с ними люблю.

Вы можете ей хоть с утра до вечера рассказывать, какими архиполезными делами заняты ваши питомцы — труд, космос, помощь бабушкам. «А что это дает? — с чисто коммерческой прямоотой спросит она. — Какая главная мысль стоит за этим? Какого эффекта вы ждете через два-три года?» И если вы честно признаетесь, что главная мысль чем-то их занять, от чего-то отвлечь, она посмотрит на вас как на шарлатана, причем весьма опасного.

* * *

С такой же неохотой она рассказывает о своем прошлом. Один коммунар поставил перед собой цель — разговорить во что бы то ни стало Ф. Я. Первая удача ему улыбнулась лишь на шестой год. И то, рассказав кусочек, она поставила точку. Немалых трудов стоило превратить точку в запятую.

Она четырнадцати лет ушла на фронт. Военному сказала, что паспорт потеряла, а родителям вообще ничего не сказала. Вернулась в Ленинград (город после войны и блокады, что еще скажешь?) младшим лейтенантом. Надо было учиться, но надо было и есть. Из всех мирных профессий ей приглянулась работа вожатой. Голос у нее был хорошо поставлен, армейская выправка налицо. На фронте она

умела командовать военнопленными, а уж с этой-то мелюзгой как-нибудь управится. «И — Вася!» — таким словечком она тогда заканчивала свои недолгие раздумья вслух и про себя.

Дети слушались ее по первому слову. На того, кто шумел и баловался, она показывала любимчикам глазами: проучите его! Обо всем, что происходило в школе, она знала лучше директора.

В двоечниках, драчунах она видела своих личных врагов — они могли отнять у нее «место под солнцем». И ей доставляло истинное наслаждение мстить «этим паразитам» за проделки — отбирать у них портфели, вызывать их родителей. И добивалась того, чего хотела, — примерного послушания.

Это днем, а вечером она начисто выбрасывала из головы школу. Сидела в какой-нибудь теплой компании и изливала свою злость на тех, кто в войну отсиживался в тылу, на «интеллигентов», которые хотят слишком много знать. Да наплевать ей на высшее образование, получить бы диплом педучилища, и — Вася! Ей хотелось вкусно есть, сладко пить, красиво одеваться. Идеалы слишком известные, чтобы называть их своими именами.

Это вечером, а днем ее пионеры громче всех барабанили, четче других рапортовали. Ее дети на смотрах ели глазами начальство, в положенном месте улыбались. Она четко докладывала о проявленном дружиной энтузиазме.

И вот печальный парадокс! Она так увлеклась организацией счастливых улыбок, так вдохновенно

выдумывала гладкие отчеты, что сама начинала верить: а им и в самом деле весело и то, о чем она докладывала, было. Поднималось настроение: так и нужно, побольше радостных моментов, свидетельств дружбы...

Правда, она и тогда по-своему любила детей. Ей было приятно, что они ее слушались по первому слову, а учителей слушались не всегда. Уж такими милыми кажутся они, когда делают все, чего хочешь ты. Даже по головкам их гладить хочется. Сам начинаешь расти в своих глазах — не зря ешь хлеб...

Тем более ее хвалили сверху. Никто ведь не знал, что она тогда обманывала себя и других. Сначала ее взяли в райком комсомола, потом, когда окончила педучилище, послали в Дом пионеров — опытом делиться. Открывалась широкая дорога деятеля детского движения...

Но тут случилось такое, что заставило ее остановить победный шаг. Остановиться и задуматься.

Во Фрунзенском доме пионеров возник СЭН — совет энтузиастов. Несколько талантливых педагогов задались целью, опираясь на Макаренко и свой опыт, научно растить пионерский актив, подготовить искусников самого тонкого ремесла — воспитания детей. Чтобы потом они, повзрослев, собрали вокруг себя десяток-другой мальчишек и девчонок. Так возникла коммуна.

Вообще говоря, это была не первая попытка — растить актив. В том же Фрунзенском доме пионеров время от времени собирали председателей советов дружин, отрядов. Перед ними выступали мето-

дисты, затейники, режиссеры. Хорошо, дельно выступали.

Странное, однако, возникало положение. Пока взрослые говорили, детям было все ясно, все понятно. Они рвались с лекций в свои школы — скорее за дело!

Но едва они брались за него — всё рассыпалось. Такое понятное на словах оказывалось невыполнимым на деле.

Сэновцы подошли к этой задаче по-другому. Учить не на лекциях, семинарах. Учить на жизни. Ставить ребят с пышными титулами председателей в положение исполнителей собственных выдумок.

Сбор — туристский поход, сбор — уборка урожая, сбор — игра с малышами. Жизнь в палатках, в общежитии школы-интерната. Забота о режиме сбора, питании, транспорте возложена на самих детей, точнее говоря на совет командиров. А командирами за сбор успеют побыть все или почти все. Точно так же, как и рядовыми.

Первое, что приходит в голову, — завалить их по уши поручениями. Вдруг они начнут творить, как говорится, в процессе? Но часто самый «загруженный» мальчишка оказывается беспомощным и смешным, когда ему надо самому принять решение. Он привык, чтобы за него думали. Ведь и поручение для него было придумано.

Можно вроде бы положиться на ум, доброту, энтузиазм взрослого, на его непререкаемый авторитет. Ради дружбы с ним они начнут думать. Только чтобы он был доволен ими. А внутренней потребности творить, выдумывать у них все-таки не возникнет.

И тогда, решили сэновцы, остается только одно — положиться на общественное мнение самих детей. А чтобы оно возникало, они придумали бесхитростный, но надежно действующий механизм — «огоньки». Во время сбора каждый вечер, каким бы трудным ни был день, обсуждение результатов работы. Железный закон коммунарской жизни, от которого ни на один сантиметр нельзя отступать.

«Ребенок» (так сэновцы полушутя называли коммунаров) попадает в щекотливое положение. Он идет на «огонек» и наперед знает, что будет дана оценка его работе, его поступкам. И в то же время он сам будет оценивать работу других, потому что он и есть то самое общественное мнение. Надо думать, как завтра сделать все лучше, интереснее.

А взрослый? Он весь состоит из «коварства» и «любви». Взрослый постепенно перекладывает ответственность за прожитый день на своих младших друзей. Но, любя их, он не может не работать, не думать, не ошибаться вместе с ними. Это педагогическое великодушие усложняет его жизнь. Дети оценивают, иногда критически, и его работу и его поступки. Но, как мы потом убедимся, именно это помогает взрослому расти вместе с детьми.

В ревком вошла Ф. Я. Как представитель власть предержащих в Доме пионеров.

Первое время она не понимала, о чем сэновцы говорили, и смотрела на них как на «заучившихся психов».

Но и слепой бы увидел: за три-четыре дня коммунарского сбора в детях совершались потрясающие перемены. Они трудились усерднее, если за

ними никто не следил. Побивали взрослых в остроумных выдумках. Во всеуслышание сознавались в таких тончайших отступлениях от совести, в каких раньше не могли себе признаться мысленно. И что больше всего уязвляло Ф. Я., добивались этих перемен сэновцы легко, словно отдыхая. Ей-то в школе даже видимость инициативы детей стоила немалых нервов.

Никто не знал, что она, участвуя в «откровенных разговорах» коммунаров, вместе с ними раздумывала над своей «серостью», искала ответы на многие вопросы жизни. И понимала: не так жила, не тому радовалась, не на том стояла.

До коммуны она не поверила бы, что дети могут что-то делать «за так». Вот на ревкоме принято решение провести операцию «РС» (ребятам села). Ну чего они, насквозь городские мальчишки и девчонки, задолжали сельским? Но вот они с песнями моют и скребут старую избу, чтобы открыть в ней детский сад «Светлячок». С утра до вечера самоабвенно крутят для сельской малышни диафильмы... Значит, они находят какую-то свою связь с деревней, по-своему видят долг перед ней. Есть вечные и оттого иногда кажущиеся прописными истины. Цель каждого человека — счастье людей. Когда видишь блаженно усталые лица спящих вповалку мальчишек, начинаешь верить, что это так и не иначе.

В коммуне ее сначала никто не принимал всерьез. Вспоминали о ней, когда нужно было раздобыть денег, автобус. Это она умела, как никто в ревкоме. И все... Впрочем, через год она показала, что у нее есть коготки и что роль толкача ее не устраивает.

Обсуждался вопрос, где провести первый летний сбор. Всем грезился благодатный юг. И вдруг Ф. Я. выступила с особым мнением. Уж если узнавать жизнь, так надо ехать в Ефимовский район, на картошку. Там есть все, что нужно для воспитания коммунара. Убедила.

Слово «коммунар» тогда произносилось с благоговением, почти шепотом. Разница между простыми смертными и коммунарами подчеркивалась на каждом шагу.

У нее хватило духу опомниться, ринуться в бой с коммунарской исключительностью. «Мы только делами можем выделиться», — твердила она. А поэтому — даешь «Ефимию», даешь Ульяновск и ленинские места, «зимнюю сказку» для малышей, вожатых для пионерских отрядов школ.

В «стране Ефимии» она увидела свет настоящей коммунарской жизни. Жизни-учебы, жизни-борьбы.

Отряды не просто брались за дело и выполняли его. Отряды выделяли ребят для «разведки дела». Это тоже было поручением, но таким, которое обязывало глядеть во все глаза, увидеть то поле, где помощь коммуны нужна колхозникам позарез. Потом до полуночи заседал «совет дела» — учились ценить мелочи и наперед предотвращать ошибки. И наконец, неожиданный, с песнями и знаменами, речевками и тяпками наперевес «трудовой десант».

А потом бурные, со страстями, как в японском парламенте, «огоньки», тихие, задумчивые «откровенные разговоры» у костра. А рано утром, как было 22 июня, щемящий душу клекот горна — «бое-

вая тревога». И весь день шли «бои», работало «Совинформбюро».

А над всей бучей коммунарской жизни звонкий коммунарский девиз «Смело и бодро вперед! Победа во что бы то ни стало!». Победа над робостью, ленью, черствостью, равнодушием. Победа во имя того, чтобы все люди зажили счастливой, дружной коммуной.

— Теперь коммуна нам делает погоду в пионерских делах района, — сказал Женя Карманов, секретарь Фрунзенского райкома комсомола.

* * *

Вот еще какой слух время от времени разносится: Ф. Я. поступает в университет. Никто в него не верит, кроме самой Ф. Я. Она начинает жить по графику, схватив кого-нибудь за пуговицу, говорит со слезой в голосе: «Когда я была дурой, я не училась и не лечилась. Теперь я понимаю: надо учиться и надо лечиться...»

Приступ благоразумия продолжается два-три дня. Ф. Я. покупает учебники, достает путевку.

И на четвертый день является с рюкзаком в пункт сбора. «Бросила бы я вас, да некуда девать!» — грозно сверкнет серыми глазами.

Жертва! В походе она идет, вернее, плетется, в хвосте колонны. Какой уж тут из нее впередсмотрящий, комиссар? Через полчаса остановится и скажет: «Сердце. Дальше ни шагу. И — Вася!» — Надо бежать на большак, ловить попутную машину.

На летний сбор приехал однажды старый друг Ф. Я. Смотрел он, смотрел на коммунарскую кру-

говерть, потом отвел в сторону председателя ревкома и сказал: «Послушайте, Фаина, как вам не стыдно! Посмотрите, как вы живете: бегаєте, как девчонка, и эти брюки...»

Она послала его к черту и вернулась к своим коммунарам.

— Понимаете, — говорила она, — есть такие умники, которые считают, что можно работать с детьми и что-то оставить себе.

Потом, подумав, великодушно поделилась опытом:

— А между прочим, становится очень легко, когда отдашь все...

Не сама она выдумала эту философию. Те, кому отдает все, научили. Скажи однажды им: «На этот раз не могу, у меня свои дела». И ты уже не в коммуне, даже оставаясь в ней. «Не могу» они не понимают. Они-то могут неделю жить без горячего и весело хохотать во время атак осатанелого комарья, а ты не можешь?

Но в том-то и дело, что они, такие жестокие, в чем-то правы. Не побывав на одном сборе, пропустил один ревком, как в коммуне появилось что-то для тебя новое, незнакомое. Не поймешь, что это за операция «ММ», после чего такого Ф. Я. стала употреблять в своих речах «мотивацию поступков». И сидишь дурак дураком, чувствуешь себя неучем.

Все или ничего...

Ради них она все-таки поступила в университет.

Они уже привыкли: если Ф. Я. запаздывает на заседание совета, значит собирается «угостить» их, ненасытных, какой-то знаменитостью. У нее легион знакомых — комсомольских работников, режиссе-

ров, психологов, композиторов, физиков. (Со свойственной ей иронией она добавляет: и шизиков...) Всех она умеет заворочить обаянием, притащить за руку в коммуны: глядите и думайте — можете вы спокойно жить, не чувствуя себя должными им, что-то им не отдав?..

«Мы идем в университет на лекцию!», «Мы идем спорить с аспирантами Герценовки!» — гордо кричит она знакомым, проталкиваясь сквозь фланирующую толпу Невского вместе с коммунарами — школярами и первокурсниками.

В университет общения с интересными людьми — вот в какой вуз она поступила.

Все для коммуны, на все во имя коммуны. Рассказывают, как во время сбора в «Ефимии» в нее безнадежно влюбился местный пастух, имевший собственный мотоцикл. И даже из этого она сумела извлечь выгоду. Объезжала за день все села района, где стояли отряды, трясясь в коляске ИЖа. Человеку — приятно, коммуне — на пользу.

Когда вытребуют у взрослого невозможное, только тогда подростки начинают платить. И плату их не измеришь, не возьмешь на зуб, тем более нигде в ней не отчитаешься.

Легендарных размеров достигает их преданность коммуне, ее идеям. «Выпускник» коммуны, ныне работающий где-нибудь на далеком Севере, прилетев в Ленинград, первым делом идет «потрепаться» с Ф. Я. и оттуда позвонит домой: «Мам! Я в коммуне, буду вечером...» Володе Лосенкову, Володе Магуну и другим «старичкам» коммуны в школе легко давались физика и математика. Поступить им в технические, где конкурс большой, —

если не раз, то два раза плюнуть было. - А они, вдрызг разбив прежние планы, пошли на те факультеты, где конкурсы пока что небольшие — где готовят педагогов и психологов. Их и сейчас от коммуны за уши не оттянешь, и к семинарам часто готовятся в комнате, где сидит Ф. Я. и где весь день напролет стоит «производственный шум» воспитания. Чутьем, что ли, они догадываются, что в их науках нужны повороты покруче тех, к каким в физике когда-то привела теория относительности...

* * *

Накануне торжественного сбора, посвященного семилетию коммуны, она строго-настрого предупредила: «Заткнитесь с похвалами...» Они сказали «ага!». И конечно, обманули.

«Коммуна шагает и криво и прямо!»

Все хором подхватили: «Но с нами всегда коммунарская мама!»

На ней лица не было, когда они прочитали эти, по ее словам, «паршивые стихи». Присутствовало высокое начальство. Подумают еще, что она тут культ разводит.

Однажды они прямо на стене пионерской комнаты написали: «В день учителя Ф. Я., педагогу». Она пришла, прочитала, вся с ног до головы польщенная «педагогом» (такое ведь не каждому с дипломом напишут), от неловкости подбирала слова невпопад: «Спасибо, парни... Молодцы, паразиты...»

И вдруг, переходя на крик, забежала по комна-

те: «Сейчас же сотрите! И вообще здесь ничего, кроме пионерских девизов, нельзя писать!»

Началось... Опять Ф. Я. паникует, ждет неприятностей. Как будто кто-то ночами не спит, ищет повода...

Несчастен тот человек, кому она поручит вести сбор. Шлет записки: «В этом месте пусть они сами шевелят... Ф. Я.», «Где анализ? Ф. Я.», — хватается за голову. Часто ее под каким-нибудь удобным предлогом отводят в сторону.

К некоторым ее слабостям они притерпелись. Но есть в ней и то, что их приводит в ярость. Например, ее анекдотическая «последовательная непоследовательность». Однажды «старички» коммуны (16—18 лет) взбунтовались. Хотели сбросить Ф. Я. с ее педагогического «конька» — разновозрастности отрядов. Стало обидно: мы с пионерами, мы пионерам, а когда с нами, когда нам? Днем коммуна жила как обычно, а ночью кричала, ругалась, «бросала заявления». Зашаталась последняя опора — ревком. Ф. Я. то решительно соглашалась, то была категорически против. «Старички» потребовали, наконец, чтобы она изложила свою точку зрения в письменном виде. «Сегодня я «за» разделении. А завтра...» — написала она. И тогда стало ясно, что она не отступится от разновозрастности, но сегодня делает маневр спасения коммуны.

Отступили они — такое они умеют понимать и ценить даже в состоянии крайней злости.

Время от времени они устраивают ей воспитательные проработки. За нетактичные поступки, паникерство. Она невозмутимо соглашается и просит: «Почаще меня одергивайте». Сдвигов же ника-

ких. Тогда они шлют ей записки с язвительными намеками. Подпись: «Джон — суровая рука». Ее черед приходить в ярость. Бегает по лагерю: «Я его ненавижу, ненавижу! Но я его поймаю!» Остыв, заявляет во всеуслышание, что Джона она знает, у него кривые ноги.

— Почему? — спрашивают озадаченные «паразиты», пока не чувствуя подвоха.

— Только человек с кривыми ногами мог написать такую гадость, — отвечает она с такой нарочитой серьезностью, что вся коммуна покатывается со смеху. Немедленно поступает записка: «Ф. Я. Вы прощены. Дж.».

Я спросил Володю Лосенкова, какие чувства испытывают к ней коммунары.

— Восторг и гордость, — ответил он.

Ее в числе немногих живущих со всем грузом слабостей и недостатков они взяли с собой на анкетный Марс, в анкетное будущее.

* * *

В ревкоме каждый взрослый человек по-своему интересен и значителен. Я избрал Ф. Я. лишь потому, что ни с кем коммуна не была так щедра, никому она не дала так много, как ей.

— Это самая крупная удача ее жизни, — сказал про нее один из основателей коммуны, И. П. Иванов.

Он как будто бы не прав. Закроем глаза и мысленно представим: семь лет она возится с детьми... За это время можно написать и защитить докторскую диссертацию, быть куда-то избранным, дом по-

строить на кооперативных началах. У нее никаких сдвигов ни по линии карьеры, ни по линии дома. Методистом была, методистом и осталась.

Выражайте ей сочувствие. Она, конечно, будет жаловаться, что коммуна — это ее кошмар, муки, в огне которых горит она еще при жизни. Но не верьте ей. Она боится, как бы кто-то неправильно не истолковал ее пристрастие к коммуне. Боится, как бы кто-то лихой, позавидовав ее судьбе, не лишил бы ее самой большой радости на земле. Ведь поверх всех ее мук, страхов и капризов — блаженство спокойной совести. Все отдала. И все, что нужно человеку для счастья, взяла.

В школе она думала: скорее бы день до вечера. Теперь она молит время, чтобы день был длинным, а вечер — бесконечным. И вся ночь — ожидание утра, когда она сядет за свой стол с коробкой из-под монпансье, и тут же дверь приоткроется, и какой-нибудь мальчишка скажет:

— Здравствуйте, Фэ... Фаина Яковлевна!

Она прекрасно знает, как ее зовут за глаза, что думают о ее недостатках. Знает, кто из мальчишек отчаянный честолобец, кто из них страдает оттого, что некрасив.

Сначала был страх потерять место. А теперь появилось бесстрашие. Подумать только: почти одна тысячу детей за тысячу верст везет. Случись что-нибудь, конец ее и без того скромной карьеры. А она все равно везет. Коммуна мокнет под дождями (о пресвятая Сангигиена!), иногда ест хлеб без масла или масло без хлеба, плавает на аварийных речных посудилах. Она знает законы движения

детей. А это, согласимся, поважнее знаний правил их перевозок.

Я наблюдал за ней исподтишка, как она ведет ревкомы и заседания советов. Непритворно играет. Это от молодости не по годам, от молодости, какой бывает богат влюбленный человек. По уровню мышления и культуре она на двадцать этажей выше той, какой пришла в коммуны. Но временами начинает играть себя прежнюю. «И — Вася!» Старые слова. А человек новый, хоть заново регистрируй его рождение в загсе.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
----------------------	---

Загадочное существо

Чтоб люди поняли...	8
«Четыре звездочки» — в принцип	13
Такой большой и такой малень- кий...	24
Вот каким он вырос	38

Товарищ не по годам

Кто Он?	55
Какие качества в Нем нравятся? .	61
Если Его нет	67

Десант в педагогику (Портреты счастливых людей)

Генеральная репетиция	78
Гамаюныч	97
Сотвори себе кумира	111
Ученые во дворце	125
Учитель, перед именем твоим... .	138

Время Великой Импровизации

Вожатые с детства	144
Непроторенной дорогой	153
Игра всерьез	161
Колумбы страны детства (Еще два «порт- рета счастливых»)	169
Муза воспитания	170
«Конфетка» в честной обертке . .	179

Эликсир молодости

Университет Ф. Я.	189
---------------------------	-----

16 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ